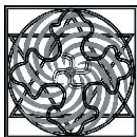

Фонд «Сорос–Кыргызстан»
Кыргызско-Российский Славянский университет

«АК-БУЛУН. ДИАЛОГ КУЛЬТУР» —
НОВЫЙ ШАГ В ИССЛЕДОВАНИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КЫРГЫЗСТАНА

Материалы Международного
круглого стола учёных-экспертов
истории средневекового христианства

(Иссык-Куль, 2–5 мая 2006 г.)

УДК 930.85

ББК 63.2

A38

Редколлегия: *В.М. Плоских*, отв. ред. (Кыргызстан)
К.М. Байпаков (Казахстан)
Э.Ш. Хуришудян (Армения)
Н. Лукашов (Россия)
Т.А. Буримова, отв. за выпуск (Кыргызстан)

A38 **«Ак-Булун. Диалог культур» – новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана: Материалы международного круглого стола учёных-экспертов истории средневекового христианства (Иссык-Куль, 2–5 мая 2006 г.).** – Бишкек: Турар, 2006. – 244 с.

ISBN 9967-11-215-8

В сборнике содержатся статьи на основе докладов и сообщений, заслушанных на круглом столе по проекту «Ак-Булун. Диалог цивилизаций», состоявшемся 2–5 мая 2006 года на Иссык-Куле (с. Курменты). В круглом столе принимали участие учёные-эксперты, историки и культурологи Кыргызстана, Казахстана, Армении, России, а также представители международных организаций.

Проект «Ак-Булун. Диалог культур» на конкурсной основе был поддержан Институтом Открытого Общества в Будапеште и профинансирован Фондом «Сорос–Кыргызстан». Основная цель проекта – выработка общегосударственной программы по изучению, сохранению и развитию культурного наследия на примере археологического комплекса «Ак-Булун», расположенного на озере Иссык-Куль.

Сборник содержит научные работы по истории проникновения и развития христианства в иссык-кульском регионе; результаты исследований, проведённых археологическими экспедициями; поиски путей формирования и развития взаимодействия культур и цивилизаций средневековья; гипотезы и открытия, а также публицистические статьи, посвящённые новым археологическим находкам.

Данные материалы будут интересны как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Кыргызстана, и актуальны для создания концепции современной государственной культурной политики.

Редколлегия благодарит Генриха Григорьевича Баляна за оказанную поддержку в издании данного сборника

A0502000000-06

УДК 930.85

ББК 63.2

ISBN 9967-11-215-8

© Фонд «Сорос–Кыргызстан», КРСУ, 2006.

*Светлой памяти
Владимира Петровича Мокрынина,
одного из первых археологов -
исследователей тайн средневекового
христианского монастыря на Иссык-Куле,
посвящается*

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Международного круглого стола
учёных-экспертов истории средневекового христианства

Проект «Ак-Булун. Диалог культур»

КЫРГЫЗСТАН:

1. **Плоских В.М.** – доктор исторических наук, академик, вице-президент НАН Кыргызской Республики
2. **Джунушалиев Д.Д.** – доктор исторических наук, член-корр., директор института истории НАН Кыргызской Республики
3. **Найзабекова А.Ш.** – координатор программ «Искусство и культура», «Восток–Восток» фонда «Сорос–Кыргызстан»
4. **Рымбекова Н.** – ведущий специалист Управления по развитию культуры в регионах Министерства культуры Кыргызской Республики
6. **Буримова Т.А.** – культуролог, координатор проекта «Ак-Булун. Диалог культур»
7. **Громова С.М.** – историк-археолог, участник проекта «Ак-Булун. Диалог культур»
8. **Нурмаметов Р.Г.** – историк-археолог, участник проекта «Ак-Булун. Диалог культур»
9. **Балян Г.А.** – доктор исторических наук, профессор, автор книг об армянах в Кыргызстане
10. **Алышбаева Д.** – главный эксперт по культурным ценностям Министерства культуры Кыргызской Республики
11. **Кумскова Н.В.** – кандидат филологических наук, культуролог Кыргызско-Российского Славянского университета
12. **Озмитель Е.Е.** – кандидат исторических наук, культуролог Кыргызско-Российского Славянского университета

-
13. **Плоских В.В.** – заместитель директора общественного фонда «Чигу»
 14. **Чернышов Д.** – соискатель Кыргызско-Российского Славянского университета
 15. **Бенлиян А.** – корреспондент газеты «Вечерний Бишкек»

АРМЕНИЯ:

1. **Хуршудян Э.Ш.** – доктор исторических наук, эксперт по армяно-казахским и армяно-кыргызским культурным отношениям

КАЗАХСТАН:

1. **Байпаков К.М.** – директор Института археологии и этнографии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, академик НАН Республики Казахстан
2. **Железняков Б.А.** – научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан
3. **Дубровская Л.В.** – руководитель научно-исследовательской экспериментальной лаборатории строительных материалов и реставрационных технологий Института памятников материальной культуры Министерства образования и науки Республики Казахстан

РОССИЯ:

1. **Семёнов Г.Л.** – заведующий отделом Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)
2. **Лукашов Н.** – кандидат физико-математических наук, мастер спорта по дайвингу, Конфедерация подводной деятельности России
3. **Лукашова С.** – кандидат исторических наук, Конфедерация подводной деятельности России

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ:

1. **Пешков Ю.** – координатор по вопросам культуры, Кластерное бюро ЮНЕСКО в Алматы по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану

Темы обсуждения на круглом столе
по проекту «Ак-Булун. Диалог культур»

1. Средневековый христианский монастырь армянских братьев на берегу озера Иссык-Куль.
2. Средневековые города на берегу и под водами Иссык-Куля. Наземные и подводные исследования.
3. Пути распространения христианства в средние века на территории Тянь-Шаня и Иссык-Куля.
4. Культовые центры различных конфессий на тянь-шаньско–иссык-кульском отрезке Великого Шёлкового пути.
5. Опыт международных организаций в формировании современной государственной культурной политики.
6. К проблеме государственной и межгосударственной политики сохранения культурного наследия.
7. Диалог культур как способ эффективного взаимодействия национальных культур с культурами региона и мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ
Международного круглого стола учёных-экспертов
по историко-археологическому комплексу
«Ак-Булун»

Кыргызстан, Иссык-Куль

4 мая 2006 г.

Участники круглого стола выражают свою признательность фонду «Сорос–Кыргызстан», правительству Кыргызстана и администрации Иссык-кульской области за организацию международной встречи учёных-экспертов из Армении, Казахстана, Кыргызстана, России и дальнего зарубежья. Считаем крайне не-обходимым дальнейшее научное изучение историко-археологических памятников в местности Курменты–Ак-Булун.

Круглый стол учёных-экспертов принял **закключение** об исторической оценке данных памятников:

1. Курментинское городище (местное название – Сепил) является ценным памятником средневековья; предположительно, именно здесь находятся следы средневекового монастыря армянских братьев, о чём говорит множество косвенных аргументов.

2. Катакомбный комплекс, находящийся на полуострове в 500 метрах на восток (по прямой) от вышеназванного городища, возможно, был частью монастыря, его святилищем и хранилищем.

3. Остатки мужского православного Свято-Троицкого монастыря (местонахождение – в 650 метрах на запад от городища, в прямо противоположной катакомбам стороне), построенного в 1880-х годах общиной российских монахов из Валаамского монастыря, являются ценнейшим памятником истории Кыргызстана и России, раскрывающим страницы истории вхождения Кыргызстана в состав России, страницы диалога культур, их взаимопроникновения и взаимообогащения.

Дальнейшее изучение данных памятников даст возможность открыть интереснейшие страницы в истории Центральной Азии, поведать о религиозной толерантности средневекового населения Иссык-Кульской котловины и Семиречья.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

- Курментинское городище необходимо планомерно раскрывать, в связи с этим рекомендуется прекратить использование внутренней площади городища под пахотные земли, решить этот вопрос с администрацией области и района.

- Пещерные сооружения под землёй срочно требуют поддерживающей реставрации и охраны, так как памятник склонен к обрушению и опасен для посещений.

- На территории православного монастыря осталось три здания: одно из них отремонтировано, и в нём располагается детский дом «Мээрим Булагы», второе – амбар, который находится за пределами территории детского дома. Амбар необходимо реставрировать и по возможности создать там музей с должностями сотрудника и охранника. Третье здание – монастырская церковь, которая находится в северо-восточном углу огороженной территории детского дома. Церковь можно реставрировать, но прежде необходимо провести научное исследование с подключением церковных архивов. Отреставрированная церковь могла бы стать действующей церковью для населения близлежащих сёл.

- Считаем, что именно здесь может быть создан историко-культурный комплекс, который привлечёт туристов и паломников, что, в свою очередь, позволит создать рабочие места для жителей сёл Ак-Булун, Курменты, Балбай.

Данное экспертное заключение и рекомендации переданы в правительство Кыргызстана вместе с ходатайством кыргызских

историков о необходимости создания в местности Курменты–Ак-Булун историко-культурной базы для научных историко-археологических исследований.

Члены экспертной комиссии:

АРМЕНИЯ:

Э. Хуршудян, *д.и.н., эксперт по армяно-казахским и армяно-кыргызским культурным отношениям*

КАЗАХСТАН:

К. Байпаков, *академик, директор института археологии им А.Х. Маргулана МОН Республики Казахстан*

Л. Дубровская, *руководитель научно-исследовательской экспериментальной лаборатории строительных материалов и реставрационных технологий Института памятников материальной культуры МОН Республики Казахстан*

КЫРГЫЗСТАН:

В. Плоских, *д.и.н., академик, вице-президент НАН Кыргызской Республики*

Д. Джунашалиев, *д.и.н., член-корр., директор Института истории НАН Кыргызской Республики*

РОССИЯ:

Г. Семёнов, *д.и.н, зав. отделом Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)*

Н. Лукашов, *к.ф.м.н., мастер спорта по дайвингу, Конфедерация подводной деятельности России*

Татьяна БУРИМОВА,
координатор проекта «Ак-Булун. Диалог культур»,
культуролог, КРСУ

НОВЫЙ ШАГ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КЫРГЫЗСТАНА

Проект «Ак-Булун. Диалог культур» был поддержан на конкурсной основе Институтом Открытого Общества в Будапеште и профинансирован фондом «Сорос–Кыргызстан». Инициаторами проекта явились участники научного сообщества «Ак-Булун».

Научные специалисты проекта «Ак-Булун» в течение трёх последних лет участвуют в различных проектах по сохранению, изучению и развитию памятников культурного наследия Иссык-Куля. В соавторстве ими были подготовлены две электронные презентации, в том числе под эгидой ЮНЕСКО. Сообщество участвовало также в подготовке ряда публикаций, телевизионных репортажей и фильмов, посвящённых историко-культурным памятникам Иссык-Куля. Сообщество принимает активное участие в продвижении номинации Иссык-Куля в Список всемирного наследия.

Главным объектом данного проекта является археологический комплекс «Ак-Булун», расположенный в районе Тюпского залива на озере Иссык-Куль.

Проект является, по сути, пилотным для выработки общегосударственной программы по изучению, сохранению и развитию культурного наследия. В качестве первого шага по созданию такой программы была предложена электронная база данных «Памятники культурного наследия Кыргызстана».

В ходе реализации проекта (в районе с. Курменты, с. Ак-Булун Иссык-Кульского района) со 2 по 5 мая с.г. в г. Чолпон-Ате состоялся Международный круглый стол учёных-экспертов по истории средневекового христианства.

В подготовке и проведении круглого стола приняли активное участие: **Плоских Владимир Михайлович** – академик, вице-президент НАН КР; **Джунушалиев Джениш Джунушалиевич** – член-корреспондент, доктор исторических наук, директор Института истории НАН КР; **Хуршудян Эдуард Шагенович** – доктор исторических наук (Армения); **Железняков Борис Владимирович** – археолог из Казахстана, представляющий новую генерацию исследователей-археологов, в сфере научных интересов которых – поиск новых памятников средневекового христианства и археологические раскопки городища Каялык, где обнаружен христианский храм; **Семёнов Григорий Львович** – руководитель Восточного отдела Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), специалист по средневековому христианству, проводивший раскопки крупнейшего в Центральной Азии христианского храма в Ак-Бешиме (Чуйская долина, Кыргызстан); **Лукашов Николай** – аквалангист, много лет занимающийся подводными исследованиями на Иссык-Куле (г. Москва) учёные из Армении, Кыргызстана, Казахстана и России, а также сотрудники Министерства культуры КР, представители местных органов самоуправления Иссык-Кульской области и СМИ.

Как показывает практика и менеджмент памятников культурного наследия, наиболее плодотворным в плане сохранения памятников является сотрудничество специалистов, нацеленное на формирование позитивного отношения к культурному наследию со стороны местного населения, заинтересованности со стороны официальных лиц и местных сообществ в сохранении памятников различных религий и культур.

Проведение круглого стола не является самоцелью данного проекта. В долгосрочной перспективе главная цель инициативы – создание форума специалистов в сфере культурного наследия Иссык-Куля, вовлечение всё большего количества специалистов, официальных лиц и рядовых граждан в реальную работу по сохранению культурного наследия.

Основными задачами по достижению данной цели являются:

– выработка общего стандарта документации памятников культурного наследия;

- изучение культурно-исторических аналогий историко-культурных памятников Евразии;
- выработка основных положений и рекомендаций по менеджменту культовых памятников;
- научно-просветительская деятельность;
- подготовка научно-популярной публикации (путеводителя) по памятнику «Ак-Булун».

В ходе проведения круглого стола специалистов по памятникам средневекового христианства осмотрены объекты археологического комплекса «Ак-Булун», обсуждены и выработаны конкретные предложения как в научном плане (историческая реконструкция, культурно-историческая атрибуция), так и в плане сохранения и менеджмента памятника «Ак-Булун». Экспертная оценка крайне необходима для подготовки заявки в правительство по созданию историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника на основе археологического комплекса и культурного ландшафта. Этот памятник уже сейчас привлекает большое количество посетителей и паломников.

Подготовлены и изданы специальный буклет по памятнику и культурному ландшафту в печатном и электронном вариантах, сборник материалов круглого стола.

Участники круглого стола обратили внимание на необходимость принятия срочных мер по физической и юридической охране памятников комплекса Курменты. Бесконтрольное посетительское использование этого памятника может привести к его полному уничтожению.

На первоначальном этапе инициатива проекта будет охватывать Кыргызстан, а в последующие годы и другие страны. Таким образом, в течение пяти лет программа по сохранению культурного наследия охватит все страны, участвующие в данном проекте.

Задача сохранения историко-культурного наследия, имеющая общемировой, общекультурный характер, не может быть решена лишь усилиями профессионального сообщества. Её выполнение напрямую зависит от местного населения и требует внимания со стороны местных властей, государственных органов охраны памятников. Круглый стол специалистов ориентиро-

ван на три целевые группы: научные сообщества, местные сообщества и органы власти. Задачей научных сообществ является создание необходимой научно-исследовательской базы для развития памятника; местными сообществами осуществляется пропаганда памятника, ведущая к росту посетительского использования и тем самым способствующая социально-экономическому благосостоянию местных сообществ за счёт доходов от туризма; дальнейшее развитие памятника напрямую зависит от грамотного управления со стороны государственных органов.

Главным результатом круглого стола по проекту «Ак-Булун. Диалог культур» явилась подготовка экспертного заключения об историко-культурной значимости памятника как очевидного доказательства межкультурного диалога и межрелигиозной толерантности в Центральной Азии в эпоху средневековья.

Джениш ДЖУНУШАЛИЕВ,
д.и.н., член-корр., директор Института истории НАН КР

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДРЕВНЕГО КЫРГЫЗСТАНА

Наша республика по праву считается одной из самых живописных стран мира. Трудно найти на Земле место, где на сравнительно небольшой территории располагалось бы такое количество самых различных ландшафтов, чудесных уголков природы.

Среди них и жемчужина Тянь-Шаня – уникальное озеро Иссык-Куль, и заповедные леса Арсланбоба, и горное озеро Сары-Челек, и, словно живые, скалы Джеты-Огуза. Тысячи ущелий, каждое из которых неповторимо и обладает своей собственной прелестью и притягательностью, величественные горные вершины, ледники...

Все они создают столь близкий для каждого из нас облик Кыргызстана, манят к себе всех, кто равнодушен к прекрасному, кто стремится ощутить единение с природой, проникнуться душой родного края.

Здесь, в центре Азии, природа сохранила свою первозданную чистоту. От неё веет спокойствием и какой-то тайной – тем, чего так не хватает всем нам в суете городской жизни. Наверное, поэтому всё чаще в Кыргызстан едут зарубежные туристы, уставшие от однообразных пейзажей индустриальной цивилизации.

Помимо удивительной по красоте природы Кыргызстан обладает и богатейшим историко-культурным наследием. Сотни памятников, отражающих тысячелетнюю историю нашего края, представляют порой всемирно-историческое значение. Их изучение и охрана – важная задача всего общества.

По данным учёных, появление человека на территории современного Кыргызстана относится к глубокой древности. Первобытный человек обжил эти районы ещё в палеолите – более 300 тысяч лет назад. К этому времени относятся обнаруженные

в Кыргызстане примитивные каменные орудия. Они найдены в Нарынской области на реке Он-Арча, в ущелье Ходжа-Бакирган-Сай на юге страны, в районе с. Тосор на Иссык-Куле. Уникальны находки из местности Капчигай, где находились кремневые каменоломни мустьерского времени.

Огромный интерес представляют наскальные изображения. Среди них, в первую очередь, следует отметить урочище Саймалы-Таш, являвшееся, по-видимому, своего рода культурным центром. Об этом свидетельствуют многочисленные наскальные рисунки, древнейшие из которых восходят к третьему-второму тысячелетию до нашей эры. Среди них и солярные знаки, и сложные многофигурные композиции, изображающие сцены пахоты, ритуальные танцы, охоту.

Огромный научный интерес вызывают наскальные рисунки Иссык-Куля, наиболее масштабные скопления которых расположены в районе Чолпон-Аты, где создан музейный комплекс под открытым небом. Другие локализованы в районе села Чон-Сары-Ой и являются ещё мало исследованными. Уникальны рисунки охрой на своде пещеры Ак-Чункур.

Многочисленными и разнообразными являются находки сакского времени. Лучше всего изучены сакские могильники в Кетмень-Тюбинской долине, где раскопано более 300 курганов в 15 могильниках. Из них более 100 курганов изучено в местности Джон-Арык, и поэтому культура сакского периода в Кетмень-Тюбе названа джаларыкской.

О том, что сакские племена обитали и на юге Кыргызстана, свидетельствуют курганы в горных долинах Алайского хребта и в Алайской долине. Здесь изучено около 250 сакских курганов.

Большое количество бронзовых изделий сакского периода происходит из курганов у с. Барскоон. Здесь найдены бляшки с изображением головы тигра, многочисленные бронзовые изделия местного производства. Историческую ценность представляют найденные на Иссык-Куле (с. Кырчин, Чильпек) бронзовые котлы, жертвенные столы и светильники, украшенные фигурками животных. В районе Тюпского залива и с. Дархан (Иссык-Куль) обнаружены бронзовые кинжалы. Многие находки сделаны в ходе экспедиций последних лет в район Иссык-Куля. Особый интерес представляют сакские жертвенники и котлы, под-

нятые со дна озера. К сакскому времени относится и появление железных изделий (об этом свидетельствуют находки в местности Айры-Там на Таласе).

К усуньскому времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) относится ряд курганов и мест древних поселений, находящихся в Иссык-Кульской котловине (с. Чильпек), в районе г. Токмак и др. При их раскопках найдены многочисленные образцы керамической посуды, наконечники стрел и различные украшения.

Подводные находки в восточной части оз. Иссык-Куль (Тюпский залив) позволяют высказать предположение о том, что именно здесь находилась ставка правителя усуней город Чигу (город Красной долины) – крупный центр на одном из ответвлений Великого Шёлкового пути.

В Кыргызстане широко распространены могильники кочевых народов, живших в I–V вв. н.э. Среди наиболее замечательных – Кенкольский, Кара-Булакский и Шамшинский. Под насыпями многих курганов находятся могилы в виде катакомб или подбоев. Захоронения совершались в деревянных гробах или арчовых колодах. К памятникам катакомбно-подбойного типа относится могильник Кара-Булак, который был открыт археологами. Среди предметов из Кара-Булака найдены бронзовое зеркало древнеиндийского происхождения, оригинальные керамические сосуды и многочисленные бронзовые статуэтки.

Одним из наиболее ярких и богатых комплексов эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.) являются находки из могильника Шамши. Здесь найдено около 150 предметов, изготовленных из золота, серебра и бронзы. Среди них такие уникальные украшения, как диадема с золотыми подвесками, медальон с погрудным барельефным изображением женщины. Среди находок особо выделяется замечательная золотая маска, глаза которой выполнены из сердолика.

С появлением на территории Кыргызстана кочевых тюркоязычных племён среди захоронений начинают преобладать небольшие курганы с каменными или каменно-земляными насыпями. Иногда насыпи отсутствуют, а вместо них над могилами возвышаются прямоугольные каменные оградки. При раскопках в курганах находят глиняную и деревянную посуду, ткани, колчаны с древками и наконечниками железных стрел, кин-

жалы, сёдла, стремяна. Здесь же лежат бусы, серьги, перстни, браслеты. Распространённым погребальным обрядом было захоронение коня рядом с умершим хозяином.

В VI столетии в погребальный обряд входит обычай ставить на курганах или рядом с ними каменные изваяния (балбалы), которые встречаются практически по всей территории Кыргызстана, особенно в его северных районах (окрестности Токмака, с. Тюп и Кен-Суу на Иссык-Куле, с. Кетмень-Тюбе, г. Талас и т.д.). Большая часть памятников этого типа относится к VI–X векам. Они представляют собой или изображение знатного противника, которого умерший убил при жизни, или облик самого умершего. По стилистическим особенностям каменные изваяния подразделяются на несколько категорий: схематичный плоскостной рисунок; сочетание плоскостного рисунка с объёмно выраженной головой; слабый рельеф; фигура, приближающаяся к объёмной скульптуре. На многих скульптурах хорошо выделяются черты лица и детали туловища, элементы одежды. В правой руке, на уровне груди – чаша или кубок.

Отличительной чертой каменных изваяний Семиречья является богатство иконографических типов. При всей кажущейся на первый взгляд примитивности каменные изваяния не лишены эмоциональной силы.

К произведениям искусства кочевников также можно отнести художественные поделки из металла, например, серебряные с позолотой наременные бляхи, найденные в Кочкорской долине (VIII–IX вв.).

В VII веке возникает древнетюркский алфавит на основе согдийского курсивного письма. По внешнему сходству со скандинавскими рунами древнетюркская письменность названа рунической. Большой научной, источниковедческой ценностью обладают находки рунических памятников в Кыргызстане.

С конца VII века в Семиречье активизируются торгово-денежные отношения, начинается выпуск собственных бронзовых монет по образцу согдийских. Богатые клады таких монет были найдены на городище Ак-Бешим (район г. Токмак) и Краснореченском городище. Большинство находок составляют тюркешские монеты и местные подражания китайским монетам времён династии Тан.

Благодаря согдийским переселенцам на севере Кыргызстана возникают оседлые поселения. Наиболее крупными из них были Невакат (Краснореченское городище) и Суяб (городище Ак-Бешим).

На городище Ак-Бешим открыты остатки замка VI–VII веков, к востоку от Шахристана – руины христианского храма VIII века (крестовидный в плане интерьер со следами росписей заключён в квадрат пахсовых стен) с прилегающим длинным двором и арочным проёмом входа.

Особый интерес представляют расположенные за пределами городских стен два буддийских храма, в которых были найдены фрагменты росписей, скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства.

К культовым сооружениям доисламского времени относятся и некрополи, открытые на Ак-Бешиме и Краснореченском городище. Помимо фамильных усыпальниц – наусов и камер, на территории некрополя размещались храмы и культовые помещения. Фрагменты буддийской живописи и скульптуры, а также огромная (свыше 12 м) статуя Будды (литая глина, многоцветная раскраска) найдены на Краснореченском городище. Сейчас статуя находится на реставрации в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Большой интерес представляют также Малый храм (VI–VII вв.) и Большой храм (VII–VIII вв.) в Ак-Бешиме – с глубоким порталом, вестибюлем, сторожевым помещением.

X–XIII века – замечательная веха в истории среднеазиатских народов. Это время отмечено могучим расцветом культуры, науки, искусства на всём средневековом Востоке. В конце X века в Семиречье и Таласе утверждается новая тюркская династия Караханидов, распространившая вскоре свою власть и на остальные районы Средней Азии. Ислам становится государственной религией Караханидского каганата.

Арабские и персидские авторы того времени в своих сочинениях перечисляют крупные города средневекового Кыргызстана, стоявшие на Великом Шёлковом пути, такие как Баласагун, Суяб, Барсхан, Сарыг, Ош, Узгент и множество других. Во многих из них было развито ремесленное, гончарное, металлургическое производство. Эти города были средоточием культуры.

Недаром в это время создают свои произведения знаменитые Махмуд Кашгари и Юсуп Баласагуни.

Археологические исследования показали, что многие поселения Чуйской и Таласской долины, межгорных долин Центрального Тянь-Шаня возникли именно в караханидское время. Резко увеличилась зона оседлой жизни в Чуйской долине. В этот период из группы городов с длинными стенами выделяются крупные городские центры, игравшие доминирующую роль в ремесленно-торговой жизни значительных районов.

Крупные изменения политического и культурно-идеологического характера отразились и на искусстве, которое достигает расцвета главным образом в архитектуре. Видное место начинают занимать сооружения, связанные с исламом: мечети, минареты, мавзолеи, медресе, ханаки (странноприимные дома). Строят также богато украшенные дворцы, караван-сарай и т.д.

В древности, в средневековье и в новое время побережье Иссык-Куля имело важное значение для контакта и взаимовлияния различных цивилизаций. Оно определялось, прежде всего, торгово-экономическим и военно-стратегическим положением региона.

С древних времён побережье Иссык-Куля пересекали две из трёх ветвей Великого Шёлкового пути, которые проходили по территории современного Кыргызстана: 1) ферганская ветвь от рабата Замин вела к Исфане, Соху и Ошу. Отсюда караваны следовали по двум направлениям: через Мады, перевалы Чирчик и Талдык на Алай и Иркештам; через Узген вверх по реке Яссы в Центральный Тянь-Шань и через перевалы Тон или Жуку – к Иссык-Кулю, на берегу которого находился крупный торгово-перевалочный пункт – Верхний Барсхан; и 2) северная ветвь Великого Шёлкового пути от рабата Замин вела к Бинкету (Ташкенту), Исфиджабу (Чимкенту), Таразу, Мерке, Нузкету (Карабалта), Невакету (Красная речка), Суябу (Ак-Бешим). Отсюда через Боомское ущелье караваны попадали в Иссык-Кульскую котловину. Здесь путь проходил чаще всего по южному берегу через города Яр (у Балыкчы), Тон (развалины Хантоба) и Верхний Барсхан. Из Верхнего Барсхана караваны шли по двум направлениям: через ущелье Джууку (Центральный Тянь-Шань) к перевалу Бедел и в Восточный Туркестан. Этот путь, по которо-

му в 629 году прошёл Сюань Цзян, затем через Санташ – в Сибирь и Монголию, назывался «кыргызским путём». Частично по нему в своё время прошли Плано Карпини (в 1245–1247 гг.) и Гильом де Рубрук (в 1252–1256 гг.).

Если учесть, что Великий Шёлковый путь, активно существовавший около 15 веков лишь в своей средней части Центральной Азии, был сравнительно узок и един, а далее, к концам, он дробился на множество ответвлений, по направлению к различным городам и странам, то станет более ясным не только торгово-экономическое значение Иссык-Кульской котловины, по которой проходило две трассы караванных путей.

Следует подчеркнуть, что сильные государства региона постоянно пытались поставить под свой контроль как можно больший отрезок Великого Шёлкового пути. Они действовали и мирно – путём дипломатических переговоров, вступления в династийное родство и т.д., но чаще – военным, и использовали подобные средства с самого начального этапа становления международной торговой магистрали.

Окрестности озера Иссык-Куль издревле были узловым пунктом постоянных контактов торгово-экономического, хозяйственно-культурного, религиозно-миссионерского, военно-захватнического характера между народами различных частей Евразии и Северной Африки. Всё это, конечно же, оставило свои следы в материальной и духовной культуре этих народов.

К сожалению, нам пока известна только малая доля памятников материальной культуры древних и средневековых обитателей благодатного иссык-кульского края. Это, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, кыргызская археология, как и сама кыргызская историческая наука, по историческим меркам слишком молода и её важнейшие открытия ещё впереди. Во-вторых, нельзя забывать и о высокой сейсмичности региона. Многие древние сооружения разрушились из-за землетрясений и не дошли до нас, к тому же, по-видимому, наши предки особо не старались возводить сооружения «на века», исходя из сейсмической особенности горного края. В-третьих, своё дело сделал и постоянно меняющийся уровень поверхности самого озера.

Учёные-археологи сегодня насчитывают не менее 10 древних и средневековых городов на дне Иссык-Куля. Их изучение

– задача будущего. А пока лишь волны выносят на берег черепки, кирпичи, бытовую утварь и даже ритуальные предметы различных религиозных культов. Особый интерес среди них представляют памятники христианства. Необходимо отметить, что непрекращающиеся контакты людей различных конфессий привели к религиозной толерантности местного населения.

Ко времени X–XIII веков и даже началу XIV века относятся и объекты археологического комплекса «Ак-Булун» («Светлый Мыс»), который является предметом рассмотрения нашего круглого стола. Христианское городище и монастырь армянских братьев, согласно теологическому преданию покоящиеся здесь мощи Матфея, святого апостола и евангелиста, сегодня особо вызывают научный интерес и научные дискуссии.

Надеюсь, обсуждение поставленных в программе вопросов приблизит нас к разрешению ещё одной загадки, вот уже более полтысячелетия будоражащей умы людей.

Владимир ПЛОСКИХ,
академик, вице-президент НАН КР,
д.и.н., профессор КРСУ

К РАСКРЫТИЮ ПОДВОДНЫХ ТАЙН ИССЫК-КУЛЯ

Озеро Иссык-Куль – «пульсирующее сердце» Тянь-Шаня

Тысячелетие сменяло тысячелетие, поколения людей сменяли новые поколения, из разноязычных древних племён (саки, гунны, усунь, тюрки) в течение веков складывалась кыргызская народность. На протяжении тысячелетий одна цивилизация трансформировалась в другую, оставляя потомкам памятники материальной и духовной культуры. Часть из них оказалась под водой, на дне озера, которое, по наблюдению учёных, как бы «дышит» – то поднимая свой уровень, то снижая. И причины такой трансгрессии и регрессии учёные до сих пор не могут понять – они составляют частицу той тайны природы, которую ещё предстоит раскрыть.

Руины древних поселений в прибрежных водах Иссык-Куля известны давно. Но ни один из серьёзных источников прошлых столетий не мог объяснить историю появления и разрушения древних строений, оказавшихся на дне озера. Лишь многочисленные легенды, китайские летописи да арабские дорожники пытались что-либо прояснить, но лишь ещё более будоражили воображение.

Некоторые легенды, однако, имели под собой некие исторические факты. Вот, к примеру, одна из них.

...Александр Македонский, покорив в 334–329 гг. до н.э. Персидскую державу, захватил в знатных семьях заложников, дабы предотвратить возможные мятежи. Отправляясь в поход на Китай и Индию, он взял было с собой и заложников, однако, оказавшись в стеснённых обстоятельствах, вынужден был бро-

сить знатных персов на берегу Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь городок на свой манер, а местности дали название Барсхан. Живописцы разукрасили дома полихромным многоярусным панно, наподобие согдийских, уструшанских и тохаристанских.

Но, судя по всему, часть города вскоре оказалась под водой, а вторая часть осталась на возвышенном плато. Исследованием их ещё предстоит заняться.

Первые исследования

Попытки исследования подводных древностей Иссык-Куля (правда, неудачные) были предприняты ещё в 1871 году по инициативе военного губернатора Семиречья генерала Г.А. Колпаковского. Объезжая свои новые владения, военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский получил в подарок от местных кыргызов, в частности сарыбагышского манапа Умбеталы, две медные (бронзовые) чаши. На одной из них арабской куфической вязью было выведено: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придаёт, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным даёт наслажденье». Чаша была поднята со дна Иссык-Куля в месте впадения реки Кой-Су. Судя по всему, чаша и надпись были сделаны в караханидское время (XI–XII вв.), когда, по мнению П.П. Семёнова-Тян-Шанского, был основан и христианский монастырь. Колпаковский заинтересовался этими древними уникальными предметами и для исследования дна Иссык-Куля даже попытался выплывать из Парижа через Кронштадт водолазный костюм [1: 45].

Пионером современного научного исследования подводных памятников Иссык-Куля с использованием акваланга по праву считается научный сотрудник Института истории АН Киргизской ССР Д.Ф. Винник, начавший погружения со студентами ещё в 1959 году [2: 83–102]. К сожалению, позже они были прерваны.

В результате исследований, возобновлённых нами с В.П. Мокрыниным в 1985 году, под водой было зафиксировано более

десяти памятников, а на побережье Иссык-Куля – до сотни. Они стали немymi свидетелями двух цивилизаций: древнекочевой (I тыс. до н.э.) и средневековой земледельческой [3: 29–55, 114–137].

Летом 2003–2005 гг. были совершены комплексные международные археологические экспедиции на Иссык-Куль (руководитель академик В.М. Плоских). Кроме учёных Кыргызско-Российского Славянского университета и Национальной академии наук, в экспедиции приняли участие аквалангисты Конфедерации подводной деятельности России под руководством профессора С.С. Прапора.

Экспедицией были выявлены и зафиксированы на подводных историко-археологических объектах новые сако-усуньские и древнетюркские памятники: курганы, каменные изваяния, поселения, городища.

Античный Чигу и средневековый Барсхан

Ещё во время работы иссык-кульской экспедиции в полевой сезон 1985 года на дне Тюпского залива впервые были обнаружены следы крупного городища. Находки каменных и бронзовых орудий труда, земледельческой культуры и опорных ступ зданий свидетельствовали: городище существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но всё это нужно было ещё доказать новыми изысканиями. Мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу, который некогда был ставкой могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле и который упоминается в древнекитайских летописях [3: 84–91].

Дальнейшие находки, одна эффектнее другой, подтверждали нашу гипотезу о столице усуньского государства г. Чигу, впитавшего в себя все элементы предшествующих более древних (сакских) культур (I тыс. до н.э.). За три последующих полевых сезона, в которых принимала участие группа С.С. Прапора, под водой нам удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, дающую представление о жизни столичных обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились под водой и были покрыты известковыми донными наростами.

Основные находки в Чигу можно подразделить на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия (бронза), поделки из рога. Даже беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в её хронологию свидетельствует о долгой жизни затонувшей столицы – от сакского времени вплоть до древнетюркского.

Привязка исторического Чигу к определённому городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города-ставки усуньских правителей-кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но и прочную фактологическую базу на основе беспристрастных и многочисленных археологических материалов. Отождествление затонувшего городища с Чигу позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историко-познавательное, но и научное значение. Назовём важнейшие из них.

- Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н.э., как представлено в некоторых трудах современных учёных, он тогда уже существовал. Впервые Чигу упоминается в китайских летописях в связи с событиями того времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше первого упоминания, что позволяет предполагать здесь местоположение ставки ещё ранне-сакских вождей.

- Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.

- Культура оседлого населения Прииссыккуля была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений, и прежде всего Ферганы.

- Сведения, принесённые в Китай послом и путешественником по Средней Азии Чжан Цянем, получают археологическое подтверждение в памятниках на Великом Шёлковом пути.

Наша гипотеза о нахождении остатков г. Чигу на дне Тюпского залива Иссык-Куля привлекает всё больше сторонников и вошла в научную литературу.

Наиболее широко известным по письменным источникам и твёрдо локализованным на южном берегу Иссык-Куля является средневековое городище Барсхан – столица одного из караханидских уделов.

Вместе с археологом В.П. Мокрыниным мы обнаружили на побережье современного с. Барсхан бронзовые бляшки с изображением хищных кошачьих морд (барса или тигра), относящиеся к сакскому периоду, т.е. ко времени борьбы среднеазиатских саксов с воинами Александра Македонского. Аналогичные, синхронные по времени бляшки найдены казахскими археологами в 1969 году при раскопках сакского кургана Иссык (что расположен между озером Иссык-Куль и городом Алматы). Только иссыкские бляшки золотые, и сохранились они в обширной коллекции неразграбленного кургана, а барскаунские – бронзовые, с некоторыми изъянами, что позволяет уверенно говорить об их местном производстве.

Происхождением из Барсхана можно считать и серебряный кубок, украшенный арабской надписью в честь караханидского кагана XI века. Публикации о кубке М.Н. Фёдорова и А.М. Мокеева [4: 104–117] произвели настоящую сенсацию, не осознанную, однако, наукой до сегодняшнего дня, в связи с чем кубок не нашёл ещё своего места в экспозиции Государственного исторического музея. Он принадлежал одному из караханидских владык – Тогрул-карахану [5: 165–174], который правил Барсханом в 1059–1075 годах. Это были времена, когда Юсуф Баласагуни создал знаменитую эпическую поэму «Кутадгу Билиг», а Махмуд Кашгари не менее знаменитый словарь тюркских наречий «Диван лугат-ат Тюрк».

Впервые серебряный кубок осматривали музейные специалисты и археологи Государственного исторического музея Кыргызской Республики в 1993-94 году с целью приобретения его в фонды музея. Уже тогда было отмечено выдающееся культурное, научное и историческое значение данного предмета, но Министерство культуры не смогло выделить необходимую для приобретения сумму.

Музеем была проведена экспертиза металла, из которого изготовлена чаша – серебро 903 пробы, высота чаши – 13,7 см, диаметр – 15,6 см, вместимость – 1,8 литра. Чаша круглодонная, с петлеобразной ручкой по верхней части. Почернение с арабской надписью, содержащей имя Тогрула-карахана – правителя караханидской династии из Барсхана. По предположению М.Н. Фёдорова, осматривавшего чашу в 1994 году, первоначально

это был сакский кубок VI–V вв. до н.э., который мог принадлежать древнему зороастрийскому кочевому священнику. В XI веке из сакского кубка была сделана чаша для восточно-караханидского правителя из Барсхана. Надпись гласит (уточнённый перевод арабиста из БГУ Имрана Шахрура): «Хакан славнейший, господин, государь победоносный, побеждающий, опора государства и праведник религиозной общины Тогрул кара-хакан, приближённый повелителя правоверных (т.е. халифа)».

По датировке акад. В.В. Бартольда, поддержанной польским востоковедом О. Прицаком и ныне германским нумизматом М.Н. Фёдоровым, время правления Имада ад-Даулы Тогрула кара-хакана охватывает 451–467 (1059–1075) годы, т.е. третью четверть XI века. В таком случае значимость чаши как культурного и исторического наследия неизмеримо возрастает.

Эта уникальная именная чаша (кубок), которая использовалась на протяжении тысячи (или даже двух с половиной тысяч) лет, на данный момент не имеет аналогов в Кыргызстане. Следовательно, можно отметить, что экспонат является великолепным и пока единственным образцом караханидской именной торевтики третьей четверти XI в. н.э., место которой, несомненно, в государственном музее. Правительство Кыргызстана приняло постановление о выделении средств на приобретение в музей уникального экспоната, но их в казне на это не оказалось, и не исключено, что драгоценная находка уплывёт за рубеж.

Сакские жертвенники

В прибрежных водах Дархана и Саруу на глубине 1,5 м нами были обнаружены бронзовый сакский кинжал-акинак (оружие, с которым сакские воины сражались против Александра Македонского) и бронзовый жертвенный котелок сакского времени. Ранее археологи находили на южном побережье Иссык-Куля большие жертвенные котлы из бронзы, жертвенные столики, украшенные бронзовыми фигурками зверей, камни (кайраки) с крестами и христианскими эпитафиями.

В 2003 году в заливе Кара-Ой, что вблизи г. Чолпон-Ата, на расстоянии 2,5 км от берега и на глубине около 5 м буквально в

последний день полевого сезона со дна озера были подняты два бронзовых жертвенных котла, аналогичных тем, которые были широко распространены в античную сакскую эпоху по всему Семиречью.

Большой котёл, занесённый песком и илом, стоял устьем вниз и виднелся только нижний ободок поддона. Раскопки и подъём котла были осуществлены с использованием лодки, катамарана и лебёдки. Котёл (традиционно сакский) поразил, в первую очередь, своей хорошей сохранностью и почти полной неокисленностью. На боках котла и на поддоне бронза сияла цветами от лимонно-жёлтого до красновато-жёлтого. Зеленовато-бирюзовых окислов практически не было.

Рядом на дне (метрах в десяти) был обнаружен малый бронзовый котёл того же времени. Он лежал вверх дном, также был затянута илом и песком, выступали только ножки, выполненные в форме птичьих лапок с четырьмя пальцами.

Наиболее впечатляющей находкой стал найденный на дне в Кара-Ой бронзовый псалий – часть конской узды. Псалий был изготовлен способом литья по восковой модели. Как часть парадной упряжи, он является художественным изделием. Отливка выполнена в виде двух голов хищников, смотрящих в разные стороны (пантеры?), челюсти хищников неестественно вытянуты, пасть раскрыта, верхняя губа как бы закручена вверх на конце, а нижняя имеет подобие бороды, челюсти соединены стилизованными зубами – типично сакский «звериный» стиль.

Спектральный анализ бронзовых изделий со дна Иссык-Куля, проведённый в лаборатории Кыргызско-Российского Славянского университета, в совокупности с другими показателями свидетельствует о местном производстве предметов.

Ранее обнаруженные сакские кинжалы-акинаки, жертвенные котлы из акватории Кара-Ой и одиночный псалий являются традиционными именно для Иссык-Куля и Семиречья в целом и могут быть датированы V–IV вв. до н.э. – временем активного зарождения ряда кочевых государств Центральной Азии – от гуннской империи до государств Кангюй, Давань, Усунь и Кыргыз, известных по китайским письменным источникам.

Находки подтверждают распространение металлургии и бронзового литья среди кочевников I тыс. до н.э., говорят о наличии торгово-ремесленных центров, к которым были привязаны скотоводы, ведущие кочевой или полукочевой образ хозяйствования и жизни.

В связи с последними археологическими находками вполне уместно поставить вопрос о существовании на Иссык-Куле городов-поселений античного времени с развитым металлургическим ремеслом и земледелием, со своей духовной культурой и верованиями. Известный российский археолог, теоретик истории культурного наследия народов Центральной Азии профессор В.М. Массон, ознакомившись с нашими находками, пришёл к следующему заключению: «Возможно, значительный сакский центр располагался на берегу Иссык-Куля, как свидетельствуют работы, проведённые усилиями подводной археологии. В числе находок здесь имеются раннекочевнические удила, псалии и предметы вооружения. Особое значение имеют многочисленные каменные изделия, в том числе зернотёрки и орудия, связанные, как показала трасологическая оценка Г.Ф. Коробковой, с металлургией. Не исключено, что под воду ушёл важный центр сакского общества, которое, в основном, известно по погребальным памятникам» [6: 108].

Проблемы сохранения и изучения

Радость находок (а из-под воды озера добывался, в основном, «подъёмный» материал – предметы, спокойно покоящиеся на дне или вымываемые песком) омрачалась всё чаще встречающимися так называемыми «чёрными археологами». В летний курортный сезон на Иссык-Куле открываются неконтролируемые дайвинг-клубы, массы «диких» аквалангистов и туристов обследуют побережье и дно озера, подчистую собирая и увозя с собой за пределы республики все предметы, имеющие антикварную ценность. Этот беспредел с каждым годом расширяется, а государственные службы не могут с ним бороться, да и правовой основы для этого не имеется. Нам приходилось неоднократно обращаться в госструктуры, правоохранительные органы и пра-

вительство с предложением усилить контроль за вольными поисковиками и кладоискателями, наладить охрану заповедных зон, в которые включить и археологические объекты под водой. Только с 2006 года этот вопрос, кажется, начал получать правовое решение: уточняется Закон об охране памятников истории и культуры, разрабатываются правовые нормы, регулирующие по-иски и использование объектов и предметов историко-культурного наследия.

Сегодня главное внимание следует уделить разработке государственной программы по культурному наследию: изучению, охране и его использованию. В соседнем Казахстане такая программа утверждена президентом несколько лет назад и очень успешно реализуется: проводятся экспедиции, реставрируются и консервируются памятники, издаются книги, функционируют научные туристические маршруты по памятникам Великого Шёлкового пути. В Кыргызстане есть все предпосылки для создания и реализации подобной программы. Недавно президент страны К.С. Бакиев подписал Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Закон Кыргызской Республики “Об охране и использовании историко-культурного наследия”». Закон направлен на уточнение и дальнейшее регулирование правоотношений в области историко-культурного наследия. Вводится новый движимый объект историко-культурного наследия – монеты, а также понятие «подводная археология». К компетенции Министерства культуры добавляется функция по контролю за реставрацией, ремонту и музеефикации памятников.

Главные направления будущих исследований: хронологическая разработка известных подводных поселений и захоронений; открытие новых объектов; обобщение ранее известных и собирание новых фактов истории, материальной и духовной культуры. Основная задача – восстановление утерянных страниц истории древней и средневековой цивилизации Иссык-Куля, а следовательно, и всей Центральной Азии.

Руководитель подводных археологов С.С. Прапор, уезжая в очередной раз из экспедиции, так охарактеризовал свои впечатления о подводных находках Иссык-Куля: «Мы опускались под воду во многих морях и океанах планеты. Но чтобы всего за неделю со дна в таком количестве были извлечены столь уникальнейшие

предметы многотысячелетнего возраста – в нашей, да и в мировой практике подводной археологии случай небывалый.

Мы любовались бронзовым жертвенным котлом, на боках которого переливалось солнечное сияние. Сосуд прекрасно украшен: в художественной манере выполнены витые ручки. Казан поменьше покоится на сработанных древним мастером птичьих ножах. Наконец-то провидение повернулось к нам лицом!

Дух захватывает, когда думаешь о том, что скрыто под волнами благословенного озера. Речь даже не о кладях – а о несметных богатствах, которые мы просто не имеем права не извлечь на свет Божий. Это наш долг перед потомками» [7: 89].

Впереди новые экспедиции. Новые исследования подводных памятников древней цивилизации Иссык-Куля.

Христианский монастырь армянских братьев и мощи святого Матфея на берегу или под водой Иссык-Куля: миф или историческая реальность?

Вначале была карта

Во второй половине XIV века на далёком испанском острове Майорка картограф Крескес сын Авраама составил лучший для своего времени так называемый Каталанский атлас мира. И нанёс на него никому ранее неизвестное озеро Иссык-Куль в Центральной Азии, снабдив интригующей надписью: «Это место называется Исикол (Ysicol). В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся останки святого Апостола и Евангелиста Матфея» [8: 322].

Полтысячелетия никого не интересовали ни озеро, ни монастырь, ни мощи святого апостола. Пока в середине XIX века русский путешественник П.П. Семёнов не увидел атлас в Венеции и не явился на Иссык-Куль, чтобы найти обозначенный монастырь и мощи. Тщетно. Время, да и возможно, и волны Иссык-Куля поглотили древний храм.

И никто после этого ещё полтора столетия не искал старинную христианскую обитель, пока наша археологическая экспедиция Кыргызско-Российского Славянского университета

после безуспешных трёхлетних поисков на побережье и на дне озера Иссык-Куль не разгадала эту загадку. Тайна, казалось, была раскрыта. Точнее, приоткрыта. Монастырь найден. Это оказался подземный храм в огромном глиняном холме на полуострове (ранее был остров) Заячьем. Осталось найти мощи. И есть основания предполагать, что рака с мощами святого апостола и евангелиста Матфея – одна из величайших христианских святынь – находится также на Иссык-Куле. Хотя всё это – пока гипотеза, правда, продвигающая нас к настоящему открытию.

Уже около полутора столетий ходят упорные слухи, что монастырь вместе со священными реликвиями ушёл под воду Иссык-Куля, почему его не находят на берегу, а на дне озера в тихую, ясную погоду просматриваются очертания города. В 1871 году колониальные туркестанские власти предприняли даже попытку выписать из Парижа водолазный костюм для научных изысканий там, где волны озера выбрасывали на берег после шторма не только лёгкие керамические предметы, но и тяжёлые бронзовые изделия в виде жертвенных казанов, оружия и зеркал. Встречались и бронзовые нательные крестики. Но затее не удавалось сбыться. Сначала не хватило финансов, а позже и интерес поугас, особенно в годы советской власти, активной борьбы безбожников с «опиумом для народа».

Христианство стало проникать на территорию Кыргызстана где-то с IV века через Сирию, а затем согдийцев, несших с собой земледельческую культуру и новую веру местному населению. Процесс этот начал набирать силу примерно с середины первого тысячелетия нашей эры. Основатели христианских церквей и монастырей в Центральной Азии были проповедниками оседлого образа жизни и городской культуры среди тюркских народов, которые в подавляющем большинстве вели кочевую жизнь. К тому же местное население всегда проявляло большую веротерпимость.

Самым древним памятником той давней эпохи на территории республики является небольшая церковь VII–VIII веков в древнем поселении Суяб – столице тюркских каганатов в Чуйской долине. А самым замечательным, сохранившимся до наших дней архитектурным памятником христианской обители на Тянь-Шане считается Таш-Рабатский монастырь, известный уже в

раннем средневековье. Построенный на рубеже X–XI веков, он представляет собой стационарное жилище монастырского типа. Его функции со временем менялись. Позже здание использовалось как караван-сарай на одном из маршрутов Великого Шёлкового пути.

Христианство укрепляло свои позиции в Центральной Азии не одно столетие, и в конце XIX века на территории Туркестана была образована православная епархия. В 1997 году в христианском мире Кыргызстана произошло весьма заметное событие: Патриарх Московский и всея Руси после десятилетий умолчания советской власти решил навестить христианскую паству вдалеке от Москвы, в горах Тянь-Шаня и прибыл в Кыргызстан отметить 125-летний юбилей Туркестанской православной епархии. Патриарх прибыл с особой миссией. И это было впервые в истории русской православной церкви [9].

В летний полевой сезон 2005 года после продолжительных поисков наша экспедиция, кажется, обрела надёжный ориентир, а точнее – убедительный объект для решения загадки, вот уже полтора столетия будоражащей воображение христиан и иницирующей исследования учёных. На полуострове Заячьем (некогда острове) в Тюпском заливе близ с. Курменты были обнаружены подземные (катакомбные) ниши, напоминающие монастырские кельи. А на противоположном берегу залива – развалины средневекового городища, ныне полностью разрушенного временем. В комплексе они представились нам как остатки средневекового христианского монастыря, о котором сохранились сведения в так называемой Каталанской карте, составленной более шести веков назад.

По информации современного армянского картографа, историка архитектуры, кандидата технических наук Рубена Атояна [8], в 1375 году на острове Мальорка в западном Средиземноморье придворным мастером картографии Крескусом была создана знаменитая Каталанская карта мира, позже разрезанная на 12 листов и сшитая в единый атлас. Атлас был оценен как наиболее полная картина географических знаний до эпохи Великих географических открытий. Современные исследования подтверждают, что среднее отклонение измеренных точек в Средиземном море составляет лишь 34 км – впечатляющая точность для того времени.

На листе 6 Атласа обозначено озеро Иссык-Куль, на берегу которого изображено здание с двумя башнями, увенчанными крестами. Сверху пояснительная надпись на каталанском диалекте испанского языка о нахождении здесь места, называемого Иссыкол, с останками святого апостола и евангелиста Матфея. К слову сказать, Каталанский атлас на русском языке до сих пор не опубликован, к тому же полностью ещё и не расшифрован.

Одним из первых русских учёных, увидевших Каталанскую карту, был П.П. Семёнов. Вот что он сам пишет об этом: «В бытность мою в Венеции, в начале 1850-х годов, на знаменитой Каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куля, а на северной стороне его изображён монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран Ближнего Востока (Сирии и т.д.) вглубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, что если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из малочисленных бухт Кунгея, защищённой от волнений озера и богатой рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашёл ни на её берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих моё предположение» [9]. Ровно полтора столетия спустя мы обнаружили в этих местах средневековое городище и, по всей вероятности, связанный с ним катакомбный монастырь, изображённый на карте.

Первые археологические исследования

Ещё в 1893-94 гг. городище, обнаруженное близ с. Курменты, отметил в своём археологическом отчёте выдающийся русский востоковед акад. В.В. Бартольд, а в начале XX века его нанёс на археологическую карту Иссык-Куля другой советский востоковед П.П. Иванов.

В середине XX века городище было обследовано А.Н. Бернштамом, причём он отождествил его с одним из девяти поселений Верхнего Барсхана и назвал Тюпским (Курментинским). Городище им не шурфовалось, но он зафиксировал и описал находившиеся в центре городища два каменных древнетюрк-

ских изваяния VI–VIII вв. В ходе нашего обследования в 2003 году обнаружен был только один балбал, лежащий изображением вверх и при этом сильно разрушенный.

В начале 60-х годов XX века городище обследовалось экспедицией Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д.Ф. Винника. Были впервые заложены несколько разведочных шурфов на глубину 1,5–2,5 м и определены хронологические рамки существования города: с VIII по XIV вв. Последующие 40 лет городище не исследовалось и ни одним из учёных никак не связывалось со средневековым христианским монастырём, обозначенным на Каталанской карте.

Говоря о монастыре, мощах св. Матфея, средневековом городище, следует иметь в виду историческое, теологическое и археологическое преломление. Это не современный, храмовый монастырь с сохранившейся архитектурой, не тело или мумия святого обязательно в серебряной раке, не город с широкими улицами и кварталами с укреплёнными стенами, бойницами и башнями. Это – объекты, которые «читают» только специалисты-археологи, объекты, которые лишь после раскопок, реставрации и консервации предстанут перед посетителями во всей своей былой красоте, как видим это сейчас на развалинах города Трои, римского Колизея или знаменитых египетских храмов. Все эти памятники античности и средневековья находились либо на дне под метровыми толщами воды, либо на побережье под развалинами, занесёнными слоями земли, либо внутри многовековых курганов, на 90 с лишним процентов ограбленных ещё в старину.

Современные археологические исследования

В 2002 году митрополит Бишкекский и Среднеазиатский выпустил прекрасную книгу «Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия», обобщив все теологические свидетельства о христианстве на территории современного Кыргызстана, в том числе и на Иссык-Куле, что подвигло нас к более активным исследованиям.

Новый этап археологического исследования Курментинского городища начался с 2003 года, когда разведочная группа нашей экспедиции, возглавляемая А.М. Камышевым и С.М. Громовой,

вместе со студентами-практикантами КПСУ вышла на городище, а затем и на расположенный в 500 м от него на полуострове Заячьем большой холм с разветвлёнными пещерами, весьма схожими с кельями христианских подземных монастырей. Пещеры давно были известны населению, и за последние 100 лет их излазили все поколения местной детворы. Жители связывают это место с отшельником-монахом, жившим там в течение нескольких лет в начале XX века. Записав легенды, обследовав и сняв план пещер, мы пришли к выводу, что пещеры напрямую были связаны с городищем и вполне могут представлять собой средневековый монастырь, который мы столь упорно искали.

Предварительный вывод напрашивается сам собой: если в древнем городе за укрепленными стенами существовал монастырь, то пещеры могли быть тайным хранилищем реликвий, святынь и, возможно, сокровищ, тем более что при высоком уровне стояния воды в озере полуостров превращался в остров и обнаружить пещеры было практически невозможно.

Что представляет собой городище в археологическом плане? Аэрофотосъёмочный материал, подкреплённый визуальными обследованиями, показал следующее: почти квадратной планировки, по периметру чуть более километра, городище с трёх сторон защищено крутыми валами, образованными за счёт затона и глубокого сая, огибающего городище с двух сторон. На южной, обращённой к озеру невысокой стене лежит каменное изваяние.

Стены городища дают чёткий прямоугольник, по форме ближе к квадрату. Южная стена построена по географическому скосу в овраг, т.е. привязана к рельефу местности. По углам городища есть башни, в восточной и западной стенах проёмы. Сейчас вся внутренняя площадь городища запахана. По всей площади городища встречается большое количество средневековой керамики и жжёных кирпичей. По рельефу внутри городища выделяется удлинённая возвышенность, торцом стоящая к южной стене.

Собрана подъёмная керамика, представленная фрагментами венчиков крупных сосудов (хумов и хумчи), а также венчиками тонкостенной гончарной посуды. Обнаружен абсолютно целый кувшин станковой работы, покрытый изнутри глазурью жёлтого цвета.

Не исключено, что где-то рядом на побережье находился и легендарный монастырь. Такова была наша предварительная гипотеза. Она с каждым годом приобретает всё больше доказательных материалов, и многочисленные скептики переходят в разряд её сторонников.

Результатом наших поисков стали обломок серебряной пряжки и смятая серебряная коробочка в виде амулетницы, инкрустированная ныне утраченными драгоценными камнями и с узором, выполненным по технологии скани. В узоре выделяются четыре небольших крестика, в которых при желании можно увидеть христианскую символику.

Одновременно наши аквалангисты во главе со знаменитым подводником профессором С.С. Прапором, кандидатами наук Н. Лукашовым и С. Лукашовой – коллегами из российской Конфедерации подводной деятельности (Москва) проводили тщательные подводные обследования.

«Время разрушать – и время созидать, время разбрасывать камни – и время собирать»

«Мы пережили время разрушений. Сегодня и в будущем – время созидать. Мы разбрасываем бездумно камни своей истории, своего прошлого, теперь надо собирать камни».

С таким призывом обратился святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II к преподавателям и студентам Кыргызско-Российского Славянского университета десять лет тому назад, когда впервые посетил Среднюю Азию и священное озеро Иссык-Куль. Патриарх побывал в Свято-Троицком соборе г. Каракола, поклонился хранящейся там чудотворной иконе Божьей Матери «Тихвинская», бывшей достоянием иссык-кульского Свято-Троицкого монастыря, а также на мемориальном комплексе и могиле знаменитого русского путешественника Н.М. Пржевальского. Он поручил архиепископу (ныне митропо-

литу) Среднеазиатскому Владимиру найти место для возведения небольшого монастыря на берегу озера Иссык-Куль [10: 32, 38].

И это было не спонтанное решение. Святость наших мест давно известна в мире верующих. Христианство на территории Кыргызстана имеет древнюю, почти восемнадцативековую историю, в том числе и монастырскую. Хотя по этому поводу и возникают дискуссии как в теологической (религиозной), так и в научной светской литературе.

Что говорит митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир?

В своей известной книге «Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия», опубликованной в Москве в 2002 году после посещения Патриархом Алексием II и тогда ещё епископом Владимиром Кыргызстана и Иссык-Куля, Владимир, став уже митрополитом, обобщил с позиций теолога все известные к этому времени науке сведения об истории христианства в горном крае [11].

Мне было предложено написать предисловие к этому замечательному изданию, поэтому с полным осознанием могу подтвердить научную достоверность приводимых в книге фактов, которые свидетельствуют, что с христианством местное население было знакомо и исповедовало его раньше, чем даже буддизм и ислам.

Как пишет Владимир, первым принёс в Центральную Азию весть о Господе Спасителе апостол Фома, или Фома-близнец: «Дорога апостола Фомы пролегла и по Киргизской земле, через Ош и Узгент». Далее: «В древней Центральной Азии расцвет христианской веры начинается уже с III века по Рождестве Христовом, приводя к основанию мощных митрополий в Мерве, Самарканде, Невакете». И, наконец: «На Киргизской земле нашло посмертное упокоение нетленное тело святого апостола и евангелиста Матфея, умершего в Сирии». Примерно во II-III в. «бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи апостола были перенесены на территорию Кыргыз-

стана. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль». Весь христианский мир знал об этом.

По мнению митрополита Владимира, в конце VIII века в государстве карлуков общенародной религией стало христианство. После крещения карлукский правитель – джабгу Арслан Иль-Тюркюк потребовал от персидского патриарха-каталикоса Тимофея I назначения отдельного митрополита для тюрок Семиречья. После этого была создана Невакетская митрополия, опекавшая Великую степь, Восточный Туркестан и христианские общины Китая. Позднее Невакетско-Кашгарская митрополия стала главенствующей религиозной силой в Великой Орде. Невакетская митрополия, по словам митрополита Владимира, «окормляла» общины Семиречья, в XI веке влияние Невакетской митрополии распространилось уже на громадную территорию, позже вобравшую в себя земли Кыргызстана, Казахстана, Восточного Туркестана и отдельные районы Сибири.

В Невакете возникла своя богословская школа, что подтверждается надписью на одном из кайраков с Краснояреченского городища: «Это могила славного богослова и проповедника, который просветил все монастыри светом, сына богослова Петра».

Часть новых хозяев Семиречья – тюргешей исповедовала веру Христову. В столице Тюргешского каганата, городе Суяб (ныне городище Ак-Бешим близ современного Токмака), был построен христианский соборный храм. На берегу озера Иссык-Куль найдена ваза, покрытая синей глазурью, с изображением двенадцати апостолов Христовых.

Среди археологических находок привлекают к себе внимание следующие: Аниковское блюдо, относящееся к VIII веку, несёт на себе иллюстрации к ветхозаветной книге Иисуса Навина (иудейские войска, штурмующие Иерихон; шествие с Ковчегом Завета; Иисус Навин, останавливающий своей молитвой солнце и луну); на Григорьевском блюде (IX–X вв.) изображены Дева Мария в окружении святых апостолов и воскресение Спасителя.

В трудах географии X века Абу Дулефа сообщалось о христианах народа джикиль (чигиль), выделившегося из карлукского союза. Они проживали на территории Таласской долины и побережье Иссык-Куля. Неподалеку от Таласа найден обломок керамики, на котором написано имя священника-тюрка Ильтага.

К христианским памятникам, оставленным джикилями, относятся надмогильные камни со знаком креста, найденные в ущелье Джуюку на южном побережье Иссык-Куля.

В столице Караханидского каганата (X–XIII вв.) Баласагуне был построен крупный собор; при раскопках городища обнаружено множество нагрудных крестов из металла и нефрита.

Хорошо известен средневековый город Тарсакент, город христиан, расположенный практически на том же месте, что и современный Бишкек. Этот город упоминается в кыргызском народном эпосе «Манас». В летописях средневекового историка Рашид-ад-Дина (XIII–XIV вв.) Тарсакент назван городом, «существующим с незапамятных времён». Здесь найдено более трёх тысяч надмогильных камней – кайраков, отмеченных знаком креста и относящихся к VIII–XIV векам. При изучении надписей на этих камнях было выяснено, что в каждом городе имелся свой викарий, подчинявшийся Мервскому или Самаркандскому митрополиту, а Тарсакент позже перешёл в ведение Невакетской митрополии. Рашид-ад-Дин отмечал, что «в Тарсакенте имелась крупная армянская церковная община».

Таким образом, многие факты свидетельствуют, что христианство на древней территории Кыргызстана было широко представлено, особенно в его несторианском и армяно-григорианском направлении. Здесь были отмечены как свои митрополии, викарии, так и соборы, храмы, монастыри, отличавшиеся специфической архитектурой, даже свои богословские школы.

Как это произошло

Общеизвестно, что толчком к интенсивному христианству в Кыргызстане послужило осуждение в 43 году на соборе в Эфесе патриарха Нестория, который утверждал, что дева Мария не была Богородицей. Она родила обыкновенного ребёнка, в которого вошла затем божественная сущность. Это в ортодоксальном христианстве было воспринято как ересь, с которой нужно было решительно бороться.

Разгром несторианства был ужасен, и адепты этой доктрины вынуждены были к исходу из Византии в поисках безопасной

для существования ниши. Так произошло первое освоение христианами Кыргызстана. Но не нужно думать, что несторианство было единственной в Кыргызстане миссией. Оно стало просто главенствующим здесь направлением христианства.

В 301 году Григор Просветитель, христианский деятель, живший в 240–332 гг., обратил в христианство армянского царя Тиридата III. Армения стала первой страной мира, где христианство было объявлено государственной религией. Церковь стала называться Григорианской, поскольку в отличие от ортодоксального христианства она не считала Христа богочеловеком и утверждала, что вначале существовало две природы Христа: Бога и человека, но по их слиянии при боговоплощении осталась только божественная сущность. Это течение стало называться монофизитством.

В 451 году Халкидонский вселенский собор осудил монофизитство, а следовательно, и Григорианскую церковь (бывшую одним из проявлений этого течения) как ересь. Григориане, отвергнув постановление этого собора, в 506 году объявили себя самостоятельной церковью. Они признают постановления предшествующих – Никейского (325 г.), Константинопольского (381 г.) и Эфесского (431 г.) – соборов, а все остальные соборы, начиная с Халкидонского (451 г.), считают недействительными.

Григориане-армяне стали второй волной христианства в Кыргызстане. Христиане достигали укрепления религии и её распространения двумя путями: строительством церквей в городах и возведением монастырей в миссионерских целях. И то, и другое было возможно благодаря сосуществованию на Великом Шёлковом пути многих религий и, следовательно, большой религиозной толерантности.

Придя в чужую страну, христиане в процессе возведения культовых сооружений использовали местные архитектурные традиции и строительные приёмы, особенную роль при этом играла религиозная символика. В качестве примера можно привести христианские храмы VII–VIII веков, обнаруженные археологами на территории Ак-Бешимского (Суяб) и Краснореченского (Невакет) городищ. Они хорошо изучены и опубликованы Кызласовым, Семёновым, Горячевой. К сожалению, монастыри древнего Кыргызстана никак не изучены, даже о функциях

хорошо сохранившегося и отреставрированного Таш-Рабатского монастыря – полная неразбериха.

Думается, для поиска монастырей необходимо обследовать торткули вблизи несторианских кладбищ. В качестве монастырей или для определённых монастырских нужд использовались и пещеры. Открытие древнего христианского монастыря на Иссык-Куле, отмеченного на Каталанской карте 1375 года, является лишь первым шагом на пути исследования раннехристианских общин Кыргызстана.

После посещения Иссык-Куля Патриархом Алексием II и издания книги митрополита Владимира археологическая экспедиция Кыргызско-Российского Славянского университета занялась изучением материалов и специальными поисками армянского монастыря, у стен которого и покоились мощи святого апостола и евангелиста Матфея. Поскольку косвенные свидетельства говорили, что монастырь ушёл под воду, мы пригласили из российской Конфедерации подводной деятельности для участия в поисках группу профессиональных аквалангистов во главе с профессором С.С. Прапором.

Наши христианские трофеи

Во время экспедиций 2003–2005 годов мы тщательно отбирали на дне всю керамику, связанную с христианской символикой (всё это хранится в музее Кыргызско-Российского Славянского университета), не говоря уже о поднятых целых средневековых сосудах. Они представлены разными формами и орнаментом.

Кроме ярко выраженных христианских крестиков на керамике была обнаружена на одной боковине фрагмента большого глиняного хума шестиконечная звезда в форме «маген Давид» (щит Давида). Такие знаки называются гексаграммами. Это символы весьма древнего происхождения. Исследователи встречают такие изображения в Индии, где они использовались ещё задолго до того, как появились на Ближнем Востоке. Одно из ранних

воспроизведений шестигранной звезды было обнаружено учёными на печати VII в. до н.э. при раскопках в Сидоне. В Талмуде этот символ не упоминается, но уже в III в. н.э. встречается на отдельных могильных памятниках в Южной Италии, его изображение найдено в еврейских катакомбах возле Рима. Как символ гексаграмма использовалась и в раннем христианстве. И уже значительно позже она стала еврейской национальной и религиозной эмблемой. В христианском искусстве звезда Давида употребляется как символ Ветхого Завета, например, при изображении ветхозаветных патриархов, Троицы.

В нашем конкретном случае изображение шестигранника на боковине керамического сосуда со дна озера Иссык-Куль может восприниматься как орнаментальный символ раннего христианства. Хотя не исключено, что он обозначает принадлежность мастера к еврейской местной общине либо сосуд был привезён как товар по Великому Шёлковому пути.

Ещё один подобный керамический сосуд с процарапанной шестигранной звездой также был найден на озере и в настоящее время хранится в частной коллекции.

Со дна были подняты сильно окислившиеся (почти разложившиеся) фрагменты бронзовых зеркал, бронзовые нашивки традиционного тюркского пояса (на одной даже видна арабская надпись в прочтении В. Настича: «барака[т]» – благословение). Уникальным представляется сильно окислившийся и покрытый толстым слоем ракушечника и солевых отложений бронзовый сосуд (кумган) караханидского времени, а также, видимо, послемонгольский железный наконечник пики-бунчука китайского образца.

На южном берегу в деревне Саруу было найдено несколько христианских надгробий. В наших музеях хранятся надгробные памятники-кайраки с крестами и надписями на сирийском, армянском и древнеперсидском языках, которые говорят о том, что здесь были захоронены христиане.

Подтверждением присутствия на территории нынешнего Кыргызстана общины или небольшой группы армянских братьев является давно и хорошо известная находка армянского надгробия в Чуйской долине. На надгробии изображён украшенный крест, содержащий сокращённую надпись на армянском языке: «*Иисус Христос, Господь Бог*». Вокруг креста (в форме овала)

написано по-армянски: *«Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летоисчислению в 772 (т.е. в 1323 г. н.э.) написан этот памятник»*. На краю надгробия находится надпись и на сирийском языке: *«Это могила Йоханана, армянского епископа»*. Скорее всего, армянский епископ имел веские причины находиться в Средней Азии, так как в это время – начало XIV века – в Чуйской долине было весьма неспокойно. Объяснением этому может быть только реальное существование монастыря – серьезная причина, которая потребовала приезда епископа.

Надо сказать, что несколько веков спустя именно на священном Исык-Куле новыми переселенцами – православными россиянами был основан Свято-Троицкий мужской монастырь. Митрополит Владимир считает поразительным, что «избранное для монастыря место оказалось поблизости от затонувшей древней армянской обители, где хранились мощи святого апостола и евангелиста Матфея».

На пути к сенсации

Апогеем нашего разведочного полевого сезона 2005 года явилось убеждение в том, что мы наконец-то нашли столь ожидаемый мифический монастырь. На берегу Светлого мыса (местность Ак-Булун) третий год под руководством С.М. Громовой велись скромные (из-за отсутствия средств лишь силами студентов-практикантов) раскопочные работы на Курментинском городище. Соответственно, скромными были и находки. Фрагменты керамики, структура стен, планировка городища подтверждали ранее выдвинутую датировку: VIII–XII вв. н.э.

Невдалеке, метрах в 500 к востоку от городища, на полуострове Заячьем руководитель другого разведочного отряда экспедиции кандидат исторических наук А.М. Камышев и сотрудник группы Василий Плоских обнаружили лаз в естественном холме. Внутри холма лаз разветвляется по нескольким направлениям, которые завершаются небольшими комнатами. То, что это сложное рукотворное архитектурное сооружение, стало ясно практически с первого взгляда: профессионально выведенные своды, хорошо продуманная планировка. Пересекающиеся под

прямым углом галереи и несколько ответвлений заканчиваются небольшими кельями. От входа с небольшим уклоном вниз уходит основная галерея, поворачивает налево и упирается в завал, хотя свод её просматривается ещё несколько метров. Не исключено, что ходы имели и второй уровень.

В одной из арок обнаружено несколько глубоко забитых в глину и полностью съеденных коррозией металлических штырей. Так разрушить металл могло только время. Очень длительное время. Перед нами воочию был очень древний, типично монастырский храм с чётко обозначенными монастырскими катакомбными кельями – пристанищами монахов-отшельников, типичными для горных монастырей.

И хотя пещеры были известны и ранее (по крайней мере, в XX веке), никто их серьёзно не обследовал и, тем более, не связывал со средневековым монастырём. Наш художник начертил внутренний план подземного храма, фотографы сделали снимки, засняли, что было возможно, на видеоплётку, пособирали подъёмную средневековую керамику.

Старожилы утверждают, что в начале XX века пещеры имели два яруса, сейчас же ясно прослеживается один ярус, но о втором уровне говорят провалы в нишах. Кроме этого, в обвале снаружи были найдены фрагменты средневековой керамики. Также один из жителей села Курменты Кочергин Евгений Николаевич рассказывает, что в 60-х годах на городище в барсучьей норе был найден большой бронзовый крест, дальнейшая судьба которого, к сожалению, неизвестна.

Косвенным подтверждением нахождения здесь средневекового монастыря является и находка клада мелких бронзовых вещей, в том числе нательных крестиков.

По результатам проведённых исследований мы пришли к единому мнению, что наконец-то нашли мифический монастырь армянских братьев. Хотя для окончательного ответа предстоит ещё много поработать – в пещерах на полуострове Заячьем, бывшем пять столетий тому назад островом, на соседнем Курментинском городище, которые вместе могли представлять селение и монастырь древности, отмеченные на Каталонской карте.

Весь этот комплекс – пещерный катакомбный храм Ак-Булун, средневековое городище Курменты, остатки Свято-

Троицкого православного монастыря, – сосредоточенный в одном месте, на северо-восточном побережье Иссык-Куля, требует безотлагательного всестороннего изучения. В первую очередь, археологического – как на суше, так и под водой; затем реставрации и консервации с целью создания уникального историко-туристического объекта, который привлечёт не только научных специалистов, но и огромное количество паломников христианского мира, да и просто туристов.

Литература

1. *Плоских В.М.* Иссык-Куль: путешествие в историю. – Фрунзе, 1981.
2. *Винник Д.Ф.* Работы Иссык-кульского археологического отряда в 1959 г. // Известия Академии наук Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. – Т. III. – Вып. 3. – 1961.
3. *Мокрыши В.П., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988.
4. *Фёдоров М.Н., Мокеев А.М.* Уникальный памятник карахандской эпиграфики из Иссык-Кульской области // Известия НАН КР. – 1994. – № 1.
5. *Фёдоров М.Н., Мокеев А.М.* Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана // Российская археология. – 1995. – № 1.
6. *Массон В.М.* Политогенез степных обществ и кочевые империи // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. – Бишкек, 2003.
7. См.: *Плоских В.М.* Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля // Единое образовательное пространство XXI века: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 10-летию КРСУ. – Бишкек, 2003.
8. *Кляйн В.* География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375). В кн.: Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. – Бишкек, 2003.
9. *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань (1856–1857 гг.). – М., 1958.
10. Специальный выпуск журнала Московской патриархии, посвящённый 125-летию православной епархии в Средней Азии. – М., 1997.
11. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002.

Карл БАЙПАКОВ,
д.и.н., академик НАН Республики Казахстан

ГОРОД КАЯЛЫК В ЖЕТЫСУ (СЕМИРЕЧЬЕ) – ПЕРЕКРЁСТОК РЕЛИГИЙ

Город Каялык, столица карлуков X – начала XIII в., сопоставляется с Антоновским городищем – самым крупным в Илийской долине [1]. Городище расположено на восточной окраине с. Койлык (Антоновка) Саркандского района Алматинской области Республики Казахстан. Его территория окружена крепостной стеной высотой до 4 м. В плане стены городища имеют вид неправильного четырехугольника со сторонами 1250 и 840 м. Топография городища сохранила следы былой городской застройки, улиц, переулков, хорошо различимых и сейчас. Почти в центре городища различается цитадель в виде квадратного, окружённого стеной участка размером 240 x 225 м.

Описание Каялыка сохранилось в сочинении Гильома де Рубрука, посла французского короля Людовика IX к верховному каану монголов Мунке. Рубрук побывал в Кайлаке (так он называет город) осенью, в ноябре 1253 года, по пути в Каракорум. Он провёл в городе, по его словам, две недели и собрал о Кайлаке интереснейшие сведения. Прежде всего, они касаются религиозной жизни горожан Кайлака и окрестных поселений. Так, Рубрук описал одну «кумирню», в которой легко узнаётся буддийский храм, в характеристике другой есть сведения, которые позволяют считать её «манихейским» храмом. Выехав же из Кайлака и двигаясь на восток, в 6 км Рубрук попал в «несторианское селение», где имелась церковь, в которой он совершил молебен [2]. Не мог он не видеть в Кайлаке и мечети, хотя о ней и не пишет.

Раскопки, которые проводятся на городище с 1998 года, дали объёмный материал, который позволяет вкупе со сведениями Рубрука получить вполне конкретные представления о религиозной ситуации в крупном городе монгольской империи, каковым и был Каялык в XIII веке.

За пределами городища, за городской стеной, был обнаружен и исследован буддийский храм, тот, о котором, видимо, писал Г. де Рубрук [3: 201–202]. Время возникновения храма – второе десятилетие XIII века; время его гибели – как и гибели города – конец XIII века (судя по наличию следов пожара, обнаруженных на всех вскрытых участках памятника).

Предположительно, с манихейским храмом, о котором упоминает Рубрук, сопоставляется постройка в западной части городища. «Несторианское селение» отождествляется с городищем Лепсы, расположенным в 6 км восточнее Антоновского городища [4: 36]. Оно находится на левом берегу р. Лепсы. К сожалению, территория городища занята садом, и исследования на нём затруднены.

О распространении ислама в северных районах Восточного Туркестана, писал В.В. Бартольд, говоря о владельце Каялыка Арслан-хане как о мусульманине, и упоминал, что и глава крупного соседнего города Алмалыка также исповедовал ислам. Как известно, караханиды стали первой тюркской династией, принявшей ислам в качестве государственной религии. Ибн Асир свидетельствует о принятии 200 тысячами юрт тюрок ислама в 960 г. [5: 146]. Можно говорить о широком распространении ислама в северо-восточном Жетысу в X–XI веках. Сведения из письменных источников подтвердились выявлением на городище остатков соборной мечети, мавзолеев и ханака.

Соборная мечеть Каялыка была выстроена в цитадели, и в настоящее время до раскопок представляла собой четырехугольное возвышение размером 30 x 30 м. В процессе раскопок исследователи установили, что это была почти квадратная в планировке постройка с размерами внутреннего пространства 34 x 28 м и 38 x 32 м – по внешнему обводу сырцовых стен; ориентирована она по оси северо-восток – юго-запад.

Вход в мечеть находился в середине юго-восточной стены. Напротив, в центре юго-западной стены, был сооружён михраб в виде ниши из прямоугольного жжёного кирпича, ориентированный на Мекку. Сохранившаяся высота кладки михраба из жжёных кирпичей размерами 26 x 26 x 5 см – 0,7 м. Михрабная ниша состоит из внутренней центральной прямоугольной ниши глубиной 40–42 см и шириной 136 см. Перед михрабом находилась прямо-

угольная площадка, когда-то отделённая, видимо, от основного пространства мечети балюстрадой из деревянных колонн, опиравшихся на сохранившуюся до сих пор выкладку из квадратного жжёного кирпича, положенного на камни. Каялыкская мечеть относится к числу архитектурных построек типа «лес колонн», или «столпных». Это значит, что внутри мечети дополнительных несущих стен не было, а деревянно-камышовая кровля опиралась на многочисленные деревянные колонны. Внутреннее пространство здания разделялось восемью рядами колонн, от которых сохранились каменные базы, образовывавшие девять нефов. Расстояние между каменными базами – 3,5–3,7 м. Всего сохранились 54 каменные выкладки округлой или овальной формы. Стены сооружения сложены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 36 x 18 x 9 см, толщиной 1,7–2 м и сохранились на высоту до 2 м. Изнутри стены были обмазаны и побелены, у основания стен штукатурка сохранилась по всему периметру мечети.

Из характерных находок на раскопках мечети следует отметить резную горелую доску с фрагментом надписи на ней арабским алфавитом. У михраба найден завал из горелых брёвен, который представлял собой, скорее всего, минбар – кафедру проповедника. У северо-восточной стены был расположен очаг – тандыр, обогревавший стену, а под обмазкой стен были обнаружены выходящие из тандыра каналы (каны), по которым циркулировал дым и горячий воздух, соединенный с очагом. Так что в холодное время мечеть отапливалась. Обнаружены керамические светильники (чираги), большое количество фрагментов керамических сосудов (котлов, кувшинов, чаш) наряду с фрагментами глазурованной керамики, в основном чаш. Найдены бронзовые накладки, возможно, на кожаный переплёт книги, фрагмент горного хрусталя, бусы, другие бронзовые предметы.

Размеры мечети, построенной в середине XIII века, свидетельствуют о том, что она была соборной, то есть главной в столичном городе и, видимо, во всём государстве карлукских джабгу.

В планировочном решении каялыкской наиболее близка мечеть на Водянском городище (золотоордынский город Бельджамен). Она датируется второй половиной XIV века и, по мнению исследователей, просуществовала до 1395 года [6: 108].

Несмотря на различия в ориентации (водянская мечеть михрабом на юго-юго-восток), в использовании строительных материалов, планировочные решения мечетей идентичны. Они принадлежат к одному типу столпных мечетей с одинаковым устройством внутреннего придела (для правителя и его двора), примыкавшего к михрабной нише и отделённого балюстрадой. Можно говорить о формировании единой архитектуры культовых сооружений в период со второй половины XIII–XIV вв.

О значительном распространении мусульманской культуры в Каялыке и регионе уже в домонгольский период говорит комплекс из двух мавзолеев. Он расположен у северо-восточных ворот города и был построен в конце XII – начале XIII века. Сохранились участки стен, основание угловой колонны из жжёного квадратного кирпича и отдельные участки выложенных кирпичом полов, под которыми в одном мавзолее обнаружено четыре погребения: мужское, женское и два детских. Толщина сохранившегося участка стены 0,6 м, длина – 1,3 м. Стена примыкает к основанию угловой колонны мавзолея диаметром около 1 м (ширина кирпичной кладки без штукатурки и деталей орнамента). Структуры из квадратного жжёного кирпича сохранились на высоту до 70 см.

Известно, что именно в XII веке на Среднем Востоке достигла расцвета техника резной терракоты. Порталы сооружений облицовывались плитами различных форм, на которые орнамент наносился до обжига. Из подобных терракотовых плит была составлена облицовка известных мавзолеев XII века в Узгене. Плиты из Каялыка с эпиграфическим и растительным орнаментом повторяют аналогичную облицовку южного мавзолея в Узгене (1186–1187 гг.) [7: рис. 23, 25, 32, 33].

Раскопки ханаки не были завершены. Основное предназначение ханаки – обитель суфиев-дервишей, которые устраивались в соответствии с особенностями их ритуалов и жизни. Истахри пишет о более чем 10 тысячах ханаках в предмонгольской Средней Азии [8: 381].

От сооружения остались лишь основания стен из квадратного жжёного кирпича размером 26 x 26 см. Внутренняя площадь здания разделялась на небольшие квадратные и прямоугольные помещения, сгруппированные по три помещения в четырёх углах вокруг двора. Двор был перекрыт кровлей, о чём говорят четыре

массивных кубической формы камня – основания колонн, на которых держалось перекрытие кровли, возможно, лёгкий купол.

Планировка ханаки на Каялыке не противоречит установившимся обычаям на внутреннее устройство. Так, ханаки Центральной Азии – компактные здания, обычно с центрическим устройством. В них присутствует центральный купольный зал для проведения особых ритуалов.

Подытоживая сведения письменных источников и результаты археологических исследований Каялыка – столичного центра в государстве карлуков, крупного города в улусе Чагатаидов, чеканивших свою монету, города на Великом Шёлковом пути, можно констатировать сосуществование в нём различных религиозных общин, исповадовавших ислам, буддизм, манихейство и христианство несторианского направления.

Литература

1. См.: *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. – М.–Л., 1963. – С. 51; *он же.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Соч. Т. IV. – М., 1966. – С. 105; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986. – С. 36.

2. См.: *Байпаков К.М.* Путешествие в Восточные страны Плато Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы, 1993. – С. 111, 117; *Байпаков К.М., Терновья Г.А.* Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Казахстана. – Шымкент, 2002. – С. 33–39.

3. *Байпаков К.М.* Новые данные о буддизме в Семиречье и Южном Казахстане // Индия и Центральная Азия (доисламский период). – Ташкент, 2000.

4. *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986.

5. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. 1. – М.–Л., 1963.

6. *Егоров В.Л., Фёдоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водяном городище // Города Поволжья в средние века. – М., 1975.

7. *Бернштам А.Н.* Узгенский архитектурный комплекс // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. I. – Бишкек, 1997.

8. *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1966.

Григорий СЕМЁНОВ,
профессор, зав. отделом Востока
Государственного Эрмитажа (Россия)

СУЯБ – НЕСТОРИАНСКАЯ МЕТРОПОЛИЯ X ВЕКА? (Тезисы)

Блестящий анализ письменных источников о христианстве в Семиречье дал В.В. Бартольд. С тех пор письменных материалов практически не прибавилось, и единственным источником новых данных является археология. Диапазон существования христианства в этом регионе в период средневековья достоверно начинается с VIII века (первая церковь в Ак-Бешиме), а заканчивается в XIV веке (кайраки с христианскими надписями с городищ Бурана и Кара-Джигач).

Наименее изученным остается период IX–X веков, когда на смену карлукам, покровительствовавшим христианству, пришли караханиды, про отношение которых к христианству источники молчат.

К этому периоду относится серия из четырёх серебряных блюд с библейскими христианскими сюжетами: Аниковское блюдо, блюдо из Верхне-Нильдино с тем же сюжетом, Григорьевское блюдо и новое блюдо с изображением царя Давида, играющего на арфе, и Вирсавии. Местом изготовления этих блюд Б.И. Маршак, а позднее А.В. Бауло считают Семиречье.

К X – началу XI в. относится частично раскопанный церковный комплекс в Ак-Бешиме. Он состоит как минимум из трёх пристроенных друг к другу церквей, а на ещё не раскопанной площади можно ожидать и монастырскую часть с кельями. Огромный церковный комплекс X века, не имеющий аналога в восточной части Евразии, говорит о значительной роли, которую играло христианство в Семиречье в этот период. Для XII века по письменным источникам известна метрополия Кашгара и Невакета. Для предшествующего времени, если искать центр христианства в Семиречье, археологические материалы (две церкви VIII и X вв.) указывают на Ак-Бешим как возможную резиденцию епископа или митрополита.

Эдуард ХУРШУДЯН,
д.и.н., эксперт по армяно-казахским
и армяно-кыргызским культурным отношениям
(Армения)

АРМЯНСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КИТАЕ

Большую роль в распространении христианской религии в средние века играли армянские миссионеры, которые создавали в новых местах христианские общины, а также возводили культовые сооружения.

В монгольскую эпоху армяне обосновываются с семьями даже в далёком Китае. Из письма минорита Андрея от 1326 года узнаём, что одна богатая армянка в это время в Кантоне (Kuang tong) построила большую, красивую церковь [1: 46].

Армянские общины были и на территории современного Кыргызстана. Каталанская карта 1375 года свидетельствует, что у армян был монастырь св. Матфея южнее Иссык-Куля. Армяно-сирийская надпись из Пишпека подтверждает данные Каталанской карты. Армяне эти, по-видимому, составляли единое целое с сирийской церковью. Единственный источник, свидетельствующий об армянах, это надпись на могильном памятнике – билингвическая эпитафия, датируемая 1323 годом [2: 344–349]. Эпитафия обнаружена на Пишпекском кладбище, составлена она по случаю смерти армянского епископа Иоанна (Ованнеса) и увековечивает память о нём на двух языках – армянском и сирийском. Это обстоятельство даёт основание полагать, что в этих краях существовала более или менее значительная армянская колония. В самих сирийско-несторианских надписях встречаются имена в армянской форме (например, Погос). Подобные армянские формы можно найти также и в сирийских надписях, опубликованных Д. Хвольсоном [3].

Так как миссионеры шли по торговым путям, то можно предположить, что далёкие пути на восток, в Центральную Азию, рано должны были быть известны армянским торговцам.

Следует отметить, что исторически у армян были очень сильно развиты как торговые, так и религиозно-идеологические наклонности. Первые армяне, покинувшие свою страну ради убеждений из-за притеснения на родине, были армяне-манихеи, армяне-павликиане и армяне-халкедониты.

Следует также отметить, что переселенческое движение армян объяснялось народно-общественной психологией, которая, в свою очередь, определялась в то время прежде всего религиозными интересами. Во имя исполнения религиозных идеалов приносилось в жертву всё национальное благополучие. Ещё Лазар Парбеци определял это настроение – преданность родной земле, патриотизм ставить без колебаний ниже религиозных интересов: «Или будем жить, служа истинной Христовой вере, в которой родились мы обновлением в купели благодаря пресвятому учению мученика Григория и его чада, или, оставив край, отправимся в чужую сторону, каждый с женой и детьми, уповая твёрдо на слово Спасителя Животворца: “когда вас будут гнать из этого града, бегите в другой”».

Армяне переселялись по великим торговым путям. Так, по северному пути через Дербентский проход прослеживается их движение на север к приволжским болгарам, на западе – к Азовскому морю и на востоке – в Центральную Азию и Китай. Для более позднего времени монгольской эпохи Девериа установил, что через Сарай прибывали в Китай христиане греческого исповедания. Армяне-халкедониты, знакомые с этим маршрутом ещё задолго до монголов, двигались также через Иран. Согласно католикосу Арсеню, персы не терпели армян-халкедонитов в подвластной им Армении ввиду соседства её с халкедонитской Византией, однако они предоставили им полный простор для продвижения как в Китай, так и в восточные области самого Ирана. Более того, персидские цари предпринимали насильственные меры для выселения халкедонитов из Армении на Восток.

Интересно было бы знать, какого вероисповедания были армяне, которых в последнюю четверть VI века нашёл в вирканском, т.е. гирканском, марзпанстве Смбат Багратуни, назначенный его правителем (марзпаном). Об этом упоминает ещё Себеос, историк VII века, а также ряд позднейших армянских историков: католикос Иоанн, Степанос Таронеци, Самвел Анеци,

Мхитар Айриванеци, Киракос Гандзакечи. Так, католикос Иоанн писал: «Персидский царь Хосров Смбаду Багратуни даёт “врканское марзпанство”. Отправившись же и прибыв в ту страну, Смбад находит там племена, пленённые из Армении и поселённые в Туркестане со стороны великой пустыни, называемой Сагастаном. Собственный язык, оказалось, они забыли, и грамотность у них весьма убывла. Увидев Смбада, они очень обрадовались и по его приказанию опять принялись за изучение армянской азбуки, восстановили язык и, выучившись армянской грамоте, утвердились в вере. Затем Смбад велел великому патриарху нашему Моисею поставить там епископом (по Степаносу Таронци, “вардапетом”) какого-то священника из них же, по имени Авель. И таким образом образует из них епархию великого престола святого Григория, существующую и в наше время». В X веке эта армянская епархия, по-видимому, существовала на северо-востоке Ирана и подчинялась главе армянской национальной церкви. Судя по одному списку армянского Евангелия, хранящемуся в Джульфе [4], в это же время армянская церковь существовала и в Хорасане.

В VI веке национальной характер армянской церкви в Армении стал ярко выраженным. Гирканские армяне, выселенные из своей страны задолго до этого, по-видимому, не могли считаться членами армяно-григорианской церкви. Себеос об этом ничего не говорит. По всей вероятности, о гирканских армянах существовал отдельный источник, которым пользовались и Себеос, и другие армянские авторы. Из этого можно заключить, что Себеос не является первоисточником по данной проблеме (ср.: К. Патканов. История императора Иракла, с. 201, прим. 149), однако он, тем не менее, наиболее ранний и менее претенциозный писатель. Согласно Себеосу, «в той стране [Виркании] находилось племя, пленённое из Армении и поселённое по окраине великой пустыни, со стороны Туркестана и Делхстана. [Люди этого племени] забыли свой язык, грамотность убывла у них (или: в Писании ослабли они) и чувствовали недостаток в чине священства. Находились там не в малом количестве и из греческого владычества, также из сирийского края. Кодрийское племя было неверующее. Для христиан же взошёл великий свет, они укрепились в вере, стали учиться грамоте (или: Писанию) и языку

[Писания] и утвердили в чине священства для той страны некоего иерея (ерец) из их же среды, которого звали Авелем». В изложении Себеоса важно то, что он говорит об армянах, выселенных из Армении, с христианами-поселенцами из пределов греческого владычества и сирийского края. Из сказанного можно предположить, что речь идёт о членах одной и той же христианско-халкедонитской церкви, которая была признана политически опасной на западной окраине Ирана.

Армянский автор XIII века Вардан в своей «Географии» сообщает сведения о христианах в Центральной Азии. Он называет их православными с одной оговоркой, что у них имелись «особенности». Вот что он пишет: «Со стороны Ирана, начиная [и идя] к востоку, находим, во-первых, Чин и Мачин, Хутайгород. Это страна, стоящая всего мира; [жители] её православные христиане: у них есть царство, священство, справедливый суд и правдивость; там не плачет сирота и не вздыхает вдова. Они имеют Писание, [но] только Евангелие от Матфея. Земля там тучная, [климат] умеренный и благодатный: сеют раз, и хлеба (с одного урожая) хватает на четыре года, потому что [страна лежит] близко к раю. Оттуда приходят к нам амбра и благовонные цветы, лекарства от различных болезней» [5: 436–437]. По всей вероятности, название нанесённого на Каталанскую карту армянского монастыря св. Матфея можно объяснить его исключительным уважением у христиан Востока. В приведённом выше отрывке нет ни слова об армянах, но, как считает Н. Марр, в них автор сочинения признаёт единоверцев и называет их православными. Марр считает, что они, должно быть, были халкедонитами. Эпиграфические памятники из Семиречья также свидетельствуют, что эти армяне не принадлежали армяно-григорианской церкви.

В Центральной Азии в период монгольского владычества армяне и сирийцы, находившиеся в тесном взаимодействии друг с другом, могли быть преемниками православных халкедонитов или, по крайней мере, последователями православной месопотамской церкви.

Армяне-халкедониты, по-видимому, были в числе первых представителей армян, отправившихся в Центральную Азию и Китай. И поскольку армяне окончательно не отрывались от

своей исторической родины, то они способствовали ознакомлению с Китаем и его культурой. Примером такого знакомства можно считать засвидетельствованные в армянских источниках легенды о китайском происхождении армянских княжеских родов Орбелиан и Мамиконян. О достоверности этих легенд существуют различные мнения. Согласно точке зрения академика Н.Я. Марра, эти легенды возникли не позднее VIII века и были выработаны путём этимологизации. Тем не менее рассмотрим эти легенды, которые, без сомнения, не лишены историзма.

Некоторые армянские источники приводят легенду, согласно которой армянский знатный род Мамиконян, представители которого были наследными верховными главнокомандующими армянской армией – спарапетами, пришёл из Ченастана, или земли ченов, во времена Шапуха (т.е. Шапура), сына Араташира [Хоренаци, 11.81], или Артавана [Себеос, IV, с. 56–57], и происходили из царского рода ченов [Бузанд, с. 360]. Имя их царя было Ченбакур, которое означает на их языке «царская честь» [Хоренаци, 11. 81]. Имя Чен-Бакур имеет среднеиранское происхождение из «сѣп» (Китай) и «bag-pur»* (сын бога) – заимствование из согдийско-парфянского «fagfur», что, в свою очередь, является калькой китайского термина «тъян-цзы» (сын китайского бога).

Мовсес Хоренаци описывает их страну: «Изумительна и сама страна, украшенная обилием всяческих плодов и живописными растениями; она богата шафраном и полна павлинами, щедра шелками и изобилует дикими козами и [разными] чудищами, а также [животными], называемыми ишайцам (т.е. осёл-серна)...» [Хоренаци, 11. 81]. А Ширакаци в «Географии» упоминает богатых людей, одарённых ремёслами, шафран, павлинов и шёлк и царя Ченбакура, чья резиденция – город Сирия (что напоминает термин «Серее», прилагаемый к китайцам в латинских источниках).

В армянской исторической традиции под Ченастаном надо понимать Китай, армянское – Чинастан (в современном армянском переводе «Географии» *Ченастан* передан как *Чинастан*).

*Отсюда происходит русск. «фарфор».

Разнообразные легенды относительно китайского происхождения рода Мамиконян засвидетельствованы также в VII веке у Себеоса и в более поздних армянских источниках (один из авторов, Мхитар Анеци, идентифицирует ченов с хазарами). Обобщённая картина Ченастана, каким его видели и описывали армянские авторы, представляла следующей: это некое Восточное царство, расположенное на северо-востоке Ирана. Оно очень богатое и влиятельное, имеет 40-тысячную сильную армию, в основном конницу». Согласно источникам, в III веке Ченастан играет роль посредника между Ираном и Арменией – посылает к армянскому царю послов (см., например: Связян, 1964). Описание Ченастана в «Географии» Ширакаци излагается в кратком разделе, где говорится о «стране синов» (синоним термина «Ченастан»), полной фантастических деталей (существа с двумя лицами, шестью руками, с хвостом дракона, получеловек-полуптица и т.п.).

Термин «Ченастан» имеет среднеперсидское происхождение и, вероятно, означает «страну синов», т.е. Китай. Однако для средневековой Армении он не может выступать как точное определение собственно Китая. Его можно понять, скорее всего, как название некой неопределённой страны на Востоке, включая, конечно, и Китай.

Армяне с очень раннего периода контактировали с народами, жившими по обе стороны Каспийского моря. После принятия христианства в Армении, кавказской Албании и их соседями-гуннами между армянами и гуннами в V веке был заключён оборонительно-наступательный союз против персов-зороастрийцев. А в VI веке армяне массами переходили к гуннам, чтобы воевать на их стороне против персов. К этому времени относится утверждение армянами-торговцами своих факторий вдоль берегов Волги, на что указывают найденные там армянские эпиграфические памятники.

Литература и примечания

1. См.: *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения. – Ереван, 1995.
2. *Марр Н.Я.* Надгробный камень из Семиречья, с армянско-сирийской надписью 1323 г. // Записки Восточного отдела Император-

ского русского археологического общества. Т. VIII. – 1893–94. Эта надпись-стела была найдена Н.Н. Пантусовым в ходе раскопок, производившихся летом 1892 года на Пишпекском кладбище (ныне Бишкек, Кыргызстан). С 1893 года камень находится в помещении Императорской Археологической Комиссии (г. Санкт-Петербург). Сирийская надпись в одну строку гласит: «Это есть могила Иоанна, епископа армянского»; армянская надпись читается так: «Христос Иисус, Господь Бог. Владыка Иоанн армянский епископ. Летоисчисления армянского 772 написана (эта) память».

3. *Khwolsohn D.* Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Mem. de l'Ac. des Sc., VII Serie, T. XXXVII, № 8. – S.P., 1890.

4. См.: *Март Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения. – Ереван, 1995. – С. 49 (сведения об этом списке Н.Я. Марру предоставил отец Смбат Тер-Аветисян).

5. *Martin S.* Mem. history. et geogr. sur. Armenia, II.

Борис ЖЕЛЕЗНЯКОВ,
научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана
(Казахстан)

ПО ХРИСТИАНСКИМ СВЯТЫМ МЕСТАМ СРЕДНЕГО ВОСТОКА

В культуре любого народа за многовековую историю сформировались определённые традиции и обычаи. Особенности традиций христиан предусматривали, в частности, наряду с проживанием семьями отдельно друг от друга, и проведение коллективных мероприятий – праздничных молитв и торжественных обрядов в особые дни. Христианами всегда приветствовалось путешествие «по святым местам». Митрополии, епископства, общины и монастыри несториан, монофизитов, мелькитов, армян, располагавшиеся на средневековых путях, в значительной степени были оторваны от христианских центров, от Святой Земли, Иерусалима и городов, где находились древние патриархаты и папство.

В южных регионах Центральной Азии христианство стало распространяться со II–III вв. Монашеский путь как один из способов распространения христианства в регионе раннего периода был рассмотрен Г.Я. Дресвянской [1: 155–181].

Примечательно, что монастырь в «Овальном доме» в Старом Мерве появился в конце IV века, то есть чуть более века после возникновения самых ранних христианских монастырей Египта. Причиной тому были не только большие расстояния, но и то, что церкви в значительной мере не удавалось отделиться от государства и политики. Так, изначальный посыл Персидской державы избавиться от мелькитов – невольных союзников Византии был поддержан несторианской церковью, стремившейся избежать конкуренции со стороны ортодоксальной церкви. Такили иначе, христиане Востока не могли массово совершать паломничество по общехристианским средиземноморским святым местам не только из-за значительной удалённости, но и по причине различий в догматических учениях,

разницы в обрядах и т.д., взаимного неприятия и напряжённых взаимоотношений между церквями.

Восточные церкви нуждались не только в школах и училищах, но вынуждены были создавать и свои культовые центры. Известно, что церкви зачастую основываются на крови мучеников, пострадавших за веру, а дни церковного календаря поминают то или иное чудесное событие или святого, прославившегося подвигами. Не были исключением церкви и на Востоке, которые имели свою богатую историю и почитали значительное число мучеников за веру. На территории стран Востока были и общехристианские святыни: мощи ветхозаветных Иова, Даниила, апостола Матфея, в Индии – апостола Фомы. Вместе с тем восточные христиане стремились воссоздать отдельные сакральные центры, спланированные таким образом, чтобы они напоминали Святую Землю или отдельные особо почитаемые места – Арарат, Фавор и др.

О христианстве во владениях Саманидов имеются несколько сведений; одно из наиболее важных – известие Ибн Хаукаля [2: 272] о самаркандских христианах. Из окрестностей Самарканда наиболее отличалась своим плодородием и здоровым воздухом гора Савдар на южной стороне города, откуда открывался вид на большую часть Согда. Гора была покрыта пашнями и фруктовыми садами, с искусственным орошением; здесь же были постройки христиан, их кельи и сборное место их общины. (Название этого поселения в рукописях передаётся различно.) Ибн Хаукаль видел там и несколько иракских христиан, которых привлекли туда прекрасный климат и плодородные земли. Кроме того, и он, и Якут упоминают о христианском селении на границе Ташкентской области. Каково было значение мервской митрополии, можно видеть из того, что Бируни несколько раз называет хорасанского митрополита католикосом. Определённым подтверждением сведений о христианах Ургута в качестве артефактов являются изображения крестов на скалах, приведённые М.Е. Масоном [3: 51].

Известно, что в Согде христианство было широко распространено, отсюда же пошло по Центральной Азии и манихейство. Наряду с распространением манихейства в Центральной и Северной Азии, влияние которого в обширных районах явно

преобладало, всё же вопрос о параллельном распространении христианства в его несторианской форме на тех же территориях не снят.

Одним из первых о возможной христианской принадлежности суджинской надписи говорил С.Г. Кляшторный, рассуждая о применении термина «мар» – наставник в вере, клирик. Также он обращает внимание на частичную замену древнего обряда сожжения трупов из захоронения, чего не могло происходить при значительном распространении манихейства, в соответствии с обрядами которого покойника не предавали земле, а помещали в специальные постройки [4: 166–167].

В работе С.Г. Скобелева: «Створка панагии из погребения енисейского кыргыза позднего средневековья» приводятся некоторые данные, в том числе и из источников, о возможном широком распространении несторианства в Сибири вплоть до позднего средневековья. В последнее время в периодической печати на Алтае вышел ряд статей о «принятии христианства на Алтае и в Казахстане раньше, чем в России». В одной из статей (автор В. Писаренко, председатель республиканского географического общества) читаем описание одного малоизвестного памятника: «На плече небольшого отрога, который спускался с правого склона в долину ручья Аккол, я наткнулся на каменный крест размером около 5 метров. Крест был выложен из небольших глыб на горизонтальном участке узкого хребта между скалистыми выходами. В древности каменной выкладки сомнений не было. Камни “вросли” в землю и уже не выступали над дёрном. Выглядело сооружение таким же древним, как и выкладки глыб вокруг курганов...» [5]. Интересно, что описание креста, выложенного из валунов на плато Укок, напоминает описание подобного памятника – казыгуртского креста – в Южном Казахстане: правильной формы, равноконечный, с размерами: высотой 32 м, шириной 4 м; обложенный двумя кольцевыми каменными выкладками идеальной формы диаметром 80 и 100 м. Южноказахстанский памятник, известный по публикациям Б.А. Байтанаева [6: 82], найденный Г. Шнерером в 1926 году, представляет собой крестовидную выкладку, расположенную на гряде, примыкающей к южному склону седловины Казыгурта. Кроме того, есть пока неподтверждённые сведения ещё об одном таком кресте в

Южном Казахстане. Повторяемость крестов-выкладок может говорить о средневековом их происхождении, к чему склоняются и исследователи Б.А. Байтанаев, Е.А. Керимбаев, М.Е. Дикань, А.Н. Грищенко, а также о некоторых особенностях обрядов, вышедших из древних традиций местных христиан (чему должны быть посвящены отдельные исследования).

Наиболее вероятно, что крест мог быть выполнен в раннеисламское время (IX–X вв. или чуть раньше), когда, как известно из источников [7], в Сайраме была достаточно высокая численность христиан. Исследования самого Сайрама (Испиджаба) также наводят на мысль о глубоких христианских корнях города и региона. В подтверждение этого до нашего времени дошли сведения:

– во-первых, исторических источников, свидетельствующих об относительно большом количестве «тарса» – очевидно, христиан, проживавших в Сайраме и его обширной округе, а также об особом положении города и его населения в эпоху, относящуюся к первым векам проникновения ислама в регион;

– во-вторых, предания о погребении Богородицы в округе Сайрама и сохранившийся мавзолей Майрьям-биби, относящийся, по мнению исследователей, к доисламскому периоду, наряду с другими культовыми объектами, имеющими отношение к библейским пророкам [8: 172];

– в-третьих, археологические находки с христианской символикой, нетрадиционной для несторианства: каменная ступка с голубем и крестом, происходящая с городища Тортколь-тобе (средневековый Шараб), точное местонахождение которой сейчас оспаривается;

– видимо, об этом же говорят объекты с неопределенной пока, но со значительной долей уверенности имеющие христианскую принадлежность (крест, выложенный из камней на ритуальном холме в районе Казыгурта, пещерные культовые сооружения в Сайраме).

Подобные факты свидетельствуют о существовании крупной христианской общины в Сайраме (Испиджабе) – белом городе, избежавшем хараджа, центре огромного вилайета. Сведения о многочисленности христианского населения в раннеисламский период имеются и в источниках.

В последнее время исследователи всё чаще задаются вопросами точной атрибуции того или иного христианского памятника, отдельной находки и их принадлежностью к определённому христианскому течению, зачастую незаслуженно подвергают сомнению принадлежность к несторианам многих из них. Ч. Валиханов упоминал о несторианских и монофизитских конгрегациях Южного Казахстана и Жетысу [9: 94] (возможно, имея в виду армян, которые, по сути, являются монофизитами и, видимо, были последними христианами в регионе периода средневековья). В конце XIX – начале XX вв. исследователи средневекового христианства – российские, европейские, японские, – говоря о христианстве в Жетысу и районах к востоку (Китай, Корея, Япония), сообщали только о несторианстве. В XIX веке в северо-западном Иране среди халдеев (айсоров) жили проповедники Русской Православной церкви, которые вели проповедь и обратили часть местных жителей в православие (некоторое количество обращённых переселилось тогда в Южную Россию). Среди западных исследователей тема оставалась крайне популярной всё XX столетие, но новых данных по крупным монофизитским общинам Центральной Азии не появилось, в отличие от больших успехов по несторианам. Ортодоксальные христиане (мелькиты) до начала X века сохранялись в Мерве и Багдаде [10: 345]. Видимо, основная их часть переселилась в Хорезм, где, по свидетельству Бируни, мелькитская община существовала и в X в., или вернулась в Византийскую империю, как об этом предположила Г.Я. Дресвянская [1: 178], проследившая общую историю ранних мелькитских общин в Мерве. В Персии же долгое время соперничали две версии христианского учения: несторианство и монофизитство.

Монофизитство (родоначальник архимандрит Евтихий) – еретическое с точки зрения Западной церкви христианское учение – развилось сразу после несторианства и в противовес ему уделяло особое внимание божественной природе Иисуса Христа и особо почитало Богородицу. На территории Ирана монофизитство широко распространилось с конца VI – в VII вв. в связи с религиозной борьбой в Византии, антивизантийской религиозной политикой Ирана и объединением в 637 году Сирии и Ирана под арабским владычеством. Сиро-персидские христиане основывали

общины и в Центральной Азии, движимые необходимостью проповеди и гонимые жрецами господствующей религии [11: 25]. Очевидно, что смутный период для христиан, особенно для монофизитов, в Иране начался с череды правителей на престоле со времён насильственной смерти Хосрова II (628 г.), за которым должен был последовать значительный отток монофизитов в земли, неподконтрольные иранской власти, но знакомые монофизитам.

Сведения по христианству региона Сайрама весьма фрагментарны, но уже по ним можно сделать определённые выводы. Обращает на себя внимание культ Богородицы у сайрамских христиан, чего никогда не было у несториан, которые не почитали Иисуса Христа сыном Божиим в полном смысле. Подобная же мысль напрашивается и в результате анализа значительного числа легенд, из которых следует «(пред)избранничество» местности вокруг Сайрама ещё ветхозаветными пророками, сакрализация и организация местности по образу Святой Земли. Налицо христианство с развитым сакральным учением. Внимательное изучение символики известной каменной ступки также может привести к аналогичному заключению – о заселении Сайрама христианами-монофизитами. М.Е. Масон в 1928 году, прокомментировав увиденную ступку, отметил, что она содержит орнаментальные мотивы, которые ещё не встречались (в несторианстве) [12: 64]. Традиционно ступку причисляют к предметам, так или иначе связанным с христианством (Т.Н. Сенигова, К.М. Байпаков, Г.А. Терновая, В.А. Кольченко и др.) [13: 137–145].

Среди многообразия памятников выделяются пещеры сая Дастарбасы. Там было обнаружено скопление пещер, в последнее время использовавшихся под убежища для скота и чабанов в ночное время и непогоду (трудно предполагать иное их использование в местности без постоянного источника воды). Исследователи насчитали до 15 крупных пещер, пригодных для использования под жилище (средняя по размерам, например, 18–20 x 12–15 м и высотой 2–3,5 м). На выходе из одной из пещер, по словам С. Ахмета, были найдены кремневые орудия эпохи неолита-энеолита и фрагменты керамики предположительно эпохи бронзы.

Основная, или центральная группа пещер расположена по берегам нескольких сухих русел, ниже объединенных в

одну на пространстве размерами приблизительно 500 x 300 м. Отдельные пещеры раскиданы, и на большем удалении. Наиболее интересной частью пещерного комплекса является скальный выход на вершине сопки с выбитым изображением равноконечного креста размерами 50 x 50 см и глубиной выбивки 5–7 см, заметного на значительном расстоянии до 200–300 м. Изображение креста выбито на уровне немного выше лица человека и почти строго ориентировано на запад. Наряду с крестом, наверху скального выхода слева от креста были обнаружены выбитые лунки для игры в «тогыз-кумалак», а также несколько коновязных петель ниже креста, также выбитые в мягкой, но вязкой породе, которые могут характеризоваться как «посетительские». Перечисленные признаки многочисленных посещений и, видимо, поклонений говорят о совершении их в сравнительно ближайшем прошлом.

В одной из пещер, расположенной в 300 м к северо-востоку от изображения креста, исследователи обратили внимание на правильной формы округлые и овальные ступенчатые углубления в потолке, своего рода купола, возможно, с оставшимися следами штукатурки, которой отделялся потолок и упомянутые «купола».

Обследование центральной скалы с выбитыми крестом и лунками для игры в «тогыз-кумалак» выявило выбитые две округлые неглубокие лунки, удобные для колен, и третью, спереди, – для рук молящегося. При этом ориентация молящегося, так же как и перед выбитым крестом, была строго на восток, и исследователями было отмечено это удобство для человека, занимавшего данное место в течение длительного времени в позе молящегося. В большой пещере, расположенной к югу от скалы с крестом, был найден овальный плоский камень, доведённый до своей окончательной формы рукой человека, размерами приблизительно 1,5 x 1,2 м, который мог служить местом для совместной трапезы насельников пещер. На выходе из пещеры был обнаружен археологически неопределимый фрагмент керамики (но технологически – хорошего качества отмучки и обжига, по заключению О.В. Кузнецовой, – произведённой не ранее средневековья), относящийся, скорее всего, именно к этому периоду.

Весной 2005 года в ходе очередной поездки к пещерам С. Ахметом был обнаружен плоский камень с горизонтальной обработанной (заровненной) поверхностью, на котором выбиты две крестообразные звезды, которые могут подтверждать христианское исповедание выбившего их. Было обнаружено и ещё одно место, приспособленное для игры в «тогыз-кумалак». Посетительские надписи, коновязные петли, «тогыз-кумалак» говорят о популярности этого места. Две надписи упоминают первую половину XVIII века [14: 76–80; 15: 62–71]. На расстоянии 8 км от пещер обнаружены плотины-водохранилища, ограждённые в той же строительной технике, как и верхняя часть пещер (видна рука и замысел одного мастера), а также естественные «чаши», образованные в мягкой породе потоком воды, вызванным осадками.

Таким образом, к памятнику может быть проявлен значительный интерес в области проведения палеонтологических и археологических исследований, начиная с каменного века и вплоть до наших дней. Однако сами по себе пещеры с палеонтологическими и неолитическими артефактами не представляли бы такого интереса для науки и тем более не вызвали многочисленных посещений духовных лиц (паломников?), свидетельствами чего являются посетительские надписи, коновязные петли и приспособления для игры в «тогыз-кумалак». Факт единого пещерного комплекса, в значительной степени оторванного от мира и разнящегося с местной техникой строительства и системой жизнеобеспечения, скорее наводит на мысль о монастырском его назначении. Об этом говорят и выбитый равноконечный крест, и каменная кладка и керамика, свидетельствующие о средневековой датировке и в значительной степени о христианской принадлежности памятника, существовавшего здесь некоторое время, возможно, как результат гонений в более южных или западных регионах (в период X–XIII вв.?). С другой стороны, регион географически тяготеет к Шашу и Согду (80 км до Ташкента и 270 до Самарканда по прямой), и основание монастыря, возможно, связано со стремлением верующих горожан уйти в пустыню и вести аскетического образа уединённое житие, не связанное с широкими проповедями в городах.

Сообщения о христианах в среднем течении Сырдарьи достаточно распространены в хрониках того времени. В определённой степени это касается и региона Тараза – одного из центров манихейства, но также и несторианства (известно о превращении несторианских церквей в первые мечети региона).

Тараз был признанным региональным центром религий, где при достаточно ограниченных раскопках начала-середины XX века были найдены очень характерные артефакты, принадлежащие всем распространённым религиям региона того времени и, в частности, христианству. Тараз предстаёт как место, где нашли приют представители разных религий. Интересны находки, связанные с христианством, главным образом своей уникальностью (единичностью), которые характеризуют ранний период распространения христианства VI(V)–X веков: фрагмент иконы с изображением рядов святых и сирийская надпись на кружке. Интересно, что кружка не бесспорно, но относилась исследователями к монофизитам. Икона по индийским аналогиям Т.Н. Сениговой датировалась IV–VI веками, и в случае датировки IV–V веками должна была быть неизбежно изготовлена мелькитами (индийцами), к тому же и в более поздний период индийские христиане апостола Фомы не сразу налаживали связи (межконфессиональный диалог) с несторианской церковью Востока. Другой вопрос, что принадлежать она могла и несторианам в более поздний период в качестве высокого дара от церкви апостола Фомы. Хорошо известен обломок ручки сосуда с рельефным равносторонним крестом с расширяющимися лопастями. Известно и о поисках церкви, переделанной в городскую мечеть Тараза, А.Н. Бернштамом, увенчавшихся частичным успехом.

Таким образом, несмотря на значительно меньшее количество памятников, связанных с монофизитами или мелькитами, нежели с несторианами, с той или иной долей уверенности можно говорить о наличии в регионе монофизитов. Хорошо известны сведения об армянском монастыре, проповедниках, а также намогильном камне с эпитафией на армянском языке, относящиеся к более позднему времени (XIII–XIV вв.). Армянская принадлежность находок пока прослежена именно в Чуйской долине.

Несмотря на большое значение перечисленных находок, интерес к христианству в регионе был пробуждён в связи со значительным количеством находок в Чуйской долине и Прииссык-кулье, обнаруживаемых в массовом количестве с конца XIX века. Также интересно то, что находки и памятники прослеживаются с раннего этапа и до позднего существования христианства в регионе. В известном христианском центре Ак-Бешим раскопано две церкви (одна, датируемая VII–VIII веками Л.Р. Кызласовым, и другая – X – началом XI века Г.Л. Семёновым), а также остатки замка VI–VII веков с орнаментикой (равноконечный крест, выдавленный на глиняном диске, Y-образные знаки), сходной с изображённой на Аниковском блюде. Обнаружены многочисленные нательные кресты, выполненные из разного материала, а также другие находки с христианским содержанием или символикой.

Верхняя часть долины является достаточно хорошо изученной, и значительная часть памятников связана именно с христианским культом. Очевидно, что последний расцвет христианства в регионе сопряжён с приходом народов (каракитаев) с Востока, где у оз. Лобнор (П. Саэки) и в Западной Монголии (З.С. Самашев) известны намогильники и бронзовые кресты, аналогичные по разнообразию форм чуйским, современные и, видимо, чуть более раннего происхождения. Христиане пришли в земли, прежде занимаемые их единоверцами, и, как признано, правили службы до конца 30-х годов XIV века. В сопредельных землях и по Великому Шёлковому пути этот период был также ознаменован окончанием несторианской и католической миссий. Для Китая средневековый христианский период заканчивается с падением монгольского владычества в 1338 году. Последние христианские материалы по киргизской части долины хорошо известны [16], в частности по раскопкам [17: 44–114].

Нижняя, казахстанская, часть Чуйской долины также хранит следы пребывания здесь христиан. При раскопках винодельни городища Ак-Тобе (Степнинское) К.М. Байпаковым было обнаружено, что пол выложен кирпичами с прочерченными крестами и крестовидными знаками (производство вина было уделом, в частности, христиан) [18: 100]. На том же городище Ф.П. Григорьевым найдена известная нефритовая подвеска с прочерченным

изображением равноконечного креста. Находки датируются VII–IX веками. Именно в Чуйской долине наиболее часто встречаются нефритовые христианские предметы, указывающие на непосредственные торговые и духовные связи с Восточным Туркестаном.

В 1907 году несторианские кайраки были обнаружены, благодаря Н.Н. Пантусову, на южном берегу оз. Иссык-Куль на р. Джуука (Заука), где было найдено и несторианское кладбище [19: 27]. Кладбище было датировано XII веком. Таким образом, Чуйская долина и Прииссыккулье, по сравнению с соседними регионами Центральной Азии, образуют единый в культурном отношении регион, где христианство играло едва ли не наиболее значительную роль на длительном протяжении средневекового периода. Сведения источников об армянском монастыре и наличии мощей апостола Матфея в нём, как и большинство других легенд, со временем должны подтвердиться при проведении удачных исследований. Легенды о караване с сокровищами несториан, дошедшем до оз. Иссык-Куль, которые там были спрятаны, подтвердить будет уже, видимо, сложнее, хотя сохранилось конкретное местоуказание.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно считать установленным наличие христианских центров в Азии: более ранний в Мерве (по источникам и археологическим данным); позже – в пригороде Самарканда Шавдаре (совр. Ургут); в южном Казахстане – в Сайраме и округе (по источникам и отдельным находкам), и наиболее подтверждённый центр христианства VII–XIV веков находился в Чуйской долине и Прииссыккулье.

Накоплены значительные сведения и об отдельных монастырях в регионе. Значительное количество памятников христианской принадлежности находится в Китае, среди них известная стела из Сиани, откопанная в XVII веке, с выбитой билингвической надписью, повествующей о несторианской миссии при императорском дворе в VII веке, являвшейся заметным событием в истории Китая. Следы распространения несторианства остались в Корее и Японии. Например, копия известного памятника из чёрного мрамора из Чань-ани (Сиани) при входе в мавзолей Кобо Даиши. Кобо Даиши – один из самых образованных людей Японии своего времени (IX в.) – был послан в Чань-ань импера-

тором Японии, чтобы примирить буддистов и синтоистов. Вместо этого он возвратился с взглядами христианизированного буддизма. Он назвал это новое учение – Шингон, или учение Истинного Слова. Крещение было частью обрядов нового учения. Через контакт с христианскими миссионерами много буддистов было привлечено к христианству. К концу VIII века Церковь Востока раскинулась по пространствам Евразии со штатом в 25 митрополитов и 150 епископов. О масштабах патриархата можно судить по тому, что митрополиты не выезжали на поместные соборы, а лишь посылали доклады в патриархию каждые шесть лет [20]. Одно из деяний патриарха источник описывает так: «...Он благословил миссию на путешествие к Тибету и различным кочевым племенам Центральной Азии, которые перекочевывали по обширным степям, и посвящал епископов для них» [21]. В это время восточнее Дамаска проживало большее количество христиан, чем западнее его. Была развита вся организационно-духовная инфраструктура: иерархия, богословие, образование, монастыри пр., существовали христианские святыни, сакральные центры, в том числе в Жетысу и на Иссык-Куле. Уже позже к христианству прилепилась слава «западной религии».

Литература и примечания

1. *Древлянская Г.Я.* «Овальный дом» христианской общины в Старом Мерве // Труды ЮТАКЭ. Т. 15. – Ашхабад, 1974.
2. *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Соч. Т. II (2). – М., 1964.
3. *Массон М.Е.* Происхождение двух несторианских надгробных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. – 1978. – № 10.
4. *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение суджинской надписи // Проблемы Востоковедения. – 1959. – № 5.
5. *Писаренко В.* Несторианский крест на Укоке // Еженедельник «Постскриптум». – Республика Алтай, 2003. – № 14.
6. *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб. – Шымкент–Алматы, 2002.
7. О христианстве в Сайраме привёл сведения М. Кожа из «Насаб-наме», написанном Сафи ад-Дина Орын Койлакты, являвшимся

близким родственником Ходжа Ахмеда Ясави и возглавившим его суфийскую общину после смерти последнего: «В Сайраме был один правитель. Его звали Коркоз, прозвище Нахибдар. В Сайрамском княжестве было 160 тысяч семей христиан. Исхак баб (сирийский полководец) склонял Нахибдара к принятию ислама. На это Нахибдар ответил: “70 поколений моих предков были христиане, моя вера истинная, я буду с тобой сражаться”». – См.: Ходжаев М. Новый источник по средневековой истории Центральной Азии // Известия МОН РК. Серия общественных наук. – 1995. – № 4. – С. 101.

8. *Байтанаев Б.А.* От Испиджаба до Будухкета // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. – 2002. – №1.

9. *Валиханов Ч.* Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958.

10. *Архимандрит Арсений.* Летопись церковных событий и поясняющих их гражданских от Рождества Христова до 1879 г. – СПб., 1880.

11. *Буряков Ю.Ф.* Христианство на Великом Шёлковом пути // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент, 1994.

12. *Сенигова Т.Н.* Вопросы идеологии культов Семиречья // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.

13. Подробнее см.: *Железняков Б.* Версия о причинах почитаемости Сайрама (Испиджаба) // Новые исследования по археологии Казахстана. – Алматы, 2004.

14. *Ахмет С., Железняков Б.* О пещерах Дастарбасы: Новые памятники Южного Казахстана // Тезисы докладов НКМУ «Ахинжановские чтения–2004». – Алматы, 2004.

15. *Ахмет С., Железняков Б.* Загадка пещер Дастарбасы // Nomad Kazakhstan. – 2005. – № 5.

16. *Кольченко В.А.* Заметки о христианстве Чуйской долины.

17. *Семёнов Г.Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб – Ак-Бешим. – СПб., 2002.

18. *Байпаков К.М.* Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов средней Азии. – Ташкент, 1994.

19. Археологические памятники Прииссыккуля / Под. ред. *П.Н. Кожемяко, Д.Ф. Винника.* – Фрунзе, 1975.

20. *John M.L. Young* By Foot to China // *Zernov N.* Eastern Christendom. – New-York: G.P. Putnam's Sons, 1961.

21. *Saeki P. Y.* The Nestorian Monument in China (1916).

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В конце XIX – начале XX вв. в Иссык-Кульской области Кыргызстана были обнаружены остатки памятника средневекового христианства, что, несомненно, вызвало живейший интерес международного научного сообщества к данному региону и шире – Центральной Азии в целом. Исследования ещё тогда были направлены на поиски монастыря братьев-армян, известного по средневековым письменным источникам, однако в силу объективных причин к успеху не привели. Возможно, в наше время учёные вплотную приблизились к обнаружению этого монастыря.

Спустя столетие, на рубеже тысячелетий, значительно возрос интерес к истории региона, в частности, религиозной ситуации в Центральной Азии; на фоне достижений науки возобновились активные поиски монастыря. Поиски вели как специалисты (практически на общественных началах), так и любители сенсаций.

В августе 2005 года иссык-кульской археологической экспедицией было исследовано пещерное сооружение, известное и ранее среди местных жителей как «нора монаха». Исследователи (начальник академик В.М. Плоских, руководитель группы А.М. Камышев) сообщили СМИ об открытии пещер средневекового армянского монастыря, однако практически полное отсутствие артефактов в свободных от завалов галереях позже породило сомнения.

Размеры сооружения, сложность планировки (две пересекающиеся галереи общей протяженностью до 30 м, имеющие несколько ответвлений и расширений, продолжения проходо-галерей (понижения) которых завалены упавшим лёссом), указывали на хорошую организацию при строительстве, а также на нерядовой характер сооружения. Ориентация по сторонам света, вход на верхний уровень с Запада указывали на наиболее вероятную христианскую принадлежность сооружения. По свидетельствам старожилов, под верхним находился ещё один уровень,

доступный 40 лет назад и имевший чёткую планировку до 30 помещений-келий.

Было выдвинуто две версии о создателях и исторической принадлежности подземного сооружения: либо оно относится к средневековому периоду – вероятнее всего, это монастырь армянских братьев, который был хорошо известен в конце XIV века, либо к более позднему – как место обитания отшельников православного иссык-кульского Свято-Троицкого монастыря.

Текущее состояние комплекса на момент открытия описывается А.М. Камышевым, который отмечает, что подземные галереи находятся в аварийном состоянии, основания сводов подрублены, вход в пещеру, а также вход на её нижний уровень завалены. Единственной находкой, указывающей на средневековую древность сооружения, являются забитые в лёсс металлические штыри, которые при зачистке легко распадаются из-за коррозии. Штыри обнаружены пока в одном месте – в арке, противоположной главному входу, они могли выполнять функции крепежа для подвешивания.

В катакомбах отмечается не только специальная ориентировка, но и без труда улавливается планировка в общем архитектурном стиле: высота и ширина проходов одинаковая; кроме того, отмечается некоторая «сводчатость» проходов-галерей (правильное и симметричное сужение свода к центру прохода); напротив расширяющихся комнат-проходов (дальняя часть которых завалена) имеются ниши для свечей, места с нишами оформлены сводами, выполненными с увеличением высоты потолка и ширины проёмов. План галерей был составлен художником экспедиции.

Над одним из входов-проходов на закопчённом участке потолка можно разглядеть от руки начерченный крест. Несмотря на относительную прочность лёсса, на поверхности которого заметны неровности – по-видимому, следы орудий, которыми вырубали пещеру, – везде завалы от рухнувших пластов с потолка, больше всего пострадала нижняя надпольная часть (основание) стено-сводов. На слабо сохранившейся поверхности стен, наряду с современными надписями, заметны крестовидные знаки, нуждающиеся в дополнительных исследованиях с хорошим освещением и фиксацией.

По предварительному заключению экспертов, катакомбный комплекс с разветвлённой сетью ходов и спланированной сложной архитектурной структурой аналогов в период Российской империи XIX–XX веков не имеет. В регионе хорошо известны отдельные пещеры для ограниченного числа отшельников (обычно одного-двоих), не имевших никаких нефункциональных излишеств (одно-двухкамерные пещеры). Со времён киево-печерских монахов-строителей, обустроивавших место аскезы по ранним аналогам, сооружение подобных комплексов стало затухать и в монгольское время уже было изжито. Помимо утраты этой традиции, как отмечает специалист по полуторавековой истории Православной церкви Киргизии Е.Е. Озмитель, к тому же не было необходимости в подобного рода комплексах в относительно благополучное время конца XIX века.

Опираясь на сведения старожилов о наличии нескольких десятков келий во втором ярусе, также можно сделать вывод о принадлежности комплекса к более раннему периоду, нежели времени существования русского монастыря Святой Троицы, общее число монахов и послушников которого едва достигало этой цифры. Из истории христианства известно, что подземные комплексы – это лишь часть обители, в которой несли послушание и подвиг затворники, отшельники, служившие живым примером для основной братии. Кроме того, на известной Каталанской карте изображено наземное сооружение – монастырь или храм на берегу озера; видимо, изображение стилизованно передаёт внешние черты данного комплекса. В этой связи остатки основного наземного сооружения логично было бы искать на городище, расположенном по-соседству.

В 500 м на запад от катакомбного комплекса известно городище Курменты. Ценность городища как памятника заключается в том, что это одно из немногих относительно крупных городищ котловины, в которых сохранились почти полностью теперь уже заплывшие стены, фортификация, привязанная к особенностям рельефа, «изъеденного» глубокими и узкими заливами Иссык-Куля. К сожалению, площадь внутри стен городища регулярно распахивается в сельскохозяйственных целях в течение продолжительного времени, однако крупные бугры – остатки прежних строений – хорошо различимы на глаз в топографии городища. В

этой связи необходимо провести документацию (съёмку топографии) городища для последующего землеотвода охранной зоны с целью определения наиболее перспективных участков для проведения археологических исследований. Городище занимает достаточно большую территорию, комплексные раскопки его могли бы дать ответ на многие вопросы о средневековой культуре этого благодатного уголка Иссык-Куля (богатого на места с привязкой на исторические легенды), а также, возможно, о многообразии культур и религий региона.

Городище привлекло внимание исследователя экспедиции С.М. Громовой. По результатам небольших раскопок ею было выявлено два периода обживания на городище: засвидетельствованная по найденным образцам средневековой керамики эпоха караканидов и, в ходе проведения разрезов археологическими траншеями, по явным следам более поздних ремонтов и подновлений на городской стене – период XIII–XIV веков.

Третий объект, на котором проводились работы участниками круглого стола, – территория мужского православного Свято-Троицкого монастыря, построенного в 1880-х годах, здания которого значительно пострадали в годы лихолетья. Более-менее сохранными остались три здания: наиболее крупное, в котором располагались трапезная и жилые помещения (кельи), было отремонтировано в самое последнее время, и в нём сейчас размещается детский дом «Мээрим Булагы»; другое – амбар, сложенный из брёвен и украшенный тонкой резьбой, принадлежащий детскому дому, но не восстановленный; третье – деревянная церковь, при сооружении которой, по свидетельству администрации детского дома, был прорыт и подземный ход.

Работа круглого стола была направлена на единое в комплексе изучение и сохранение разновременных исторических памятников, объединённых не только по территориальному признаку, но и по культурно-религиозному.

Параллельно с археологическими изысканиями проводились и источниковедческие исследования. Сбор и анализ данных по армянскому монастырю, изображённому на Каталонской карте, провёл художник и специалист по картографии Рубен Атоян [1: 12–22]. На средневековой карте, скорее всего, на северном берегу Иссык-Куля изображено вытянутое здание с башнями по

краям, увенчанными крестами, с надписью в переводе с испанского: «Место, которое называется Исикол. В этом месте монастырь братьев-армян, в котором есть, говорят, тело святого Апостола и Евангелиста Матфея». Карта была создана в 1375 году испанским придворным мастером картографии Крескусом, позже разрезана на 12 листов и превратилась в атлас, который хранится в Национальной библиотеке в Париже. Карта снискала славу как «наиболее полная картина географических знаний», составленная до эпохи географических открытий. Современные специалисты также дают высокую оценку карты, где были оставлены незаполненными те площади, о которых у составителей не было данных.

Р. Атоян отмечает тот факт, что для заказчиков – европейских королей были важны христианские святыни, поэтому Крескусы должны были черпать информацию из документов католической церкви, в частности из отчётов католических монахов, составлявших основную часть западных путешественников в Азию. Другими словами, данные карты о монастыре армян на Тянь-Шане ещё раз подтверждаются исследованием источников.

По поводу существования монастыря имеются разные мнения исследователей, в том числе и противоположные. К легендарным и «дремучим» аналогичным сообщениям о странах Гога и Магога относит сообщение о монастыре Н. Аристов, большинству же учёных (Д. Хвольсон, С. Слуцкий, П. Семёнов, В. Бартольд, Н. Марр) кроме чисто научных качеств присуще и главное – романтизм, и они считали монастырь реально существовавшим.

Исследователи дают возможную интерпретацию принадлежности монастыря к армянской христианской культуре, и скорее, нетрадиционному её направлению – халкидонитский, несторианский или униатский (католический). Версия вполне логичная, однако имеются и контрдоводы относительно армян-униатов и армян-несториан. Известно, что именно католики вызывали негативное отношение местного населения. В соседней к Иссык-Кулю Илийской долине, в г. Алмалыке, в 1338 году была перебита католическая миссия, а к следующему году относятся свидетельства о репрессиях здесь по отношению к несторианам. К этому же времени относятся наиболее поздние христианские кайраки Чуйской долины.

В 1368 году на огромных просторах распавшейся Монгольской империи наблюдаются радикальные, в том числе и ре-

лигиозные, перемены. В частности, исчезает христианство в Китае и в Восточном Туркестане. В 1370 году к власти приходит эмир Тимур. За долгое время правления Тамерлана известно только об одной, не ознаменовавшейся особым успехом, западной миссии испанца Клавихо к его двору, контакты не сложились. Есть отрывочные сведения о том, что Тимур всё же привлекал к проповеди армян. К тому же время известия об армянском монастыре совпадает с началом правления Тимура (нездолго до того бывшие католические миссии не сообщали о наличии крупного монастыря на Иссык-Куле).

Судя по источникам, монастырь был крупным, но существовал непродолжительное время. Он был связан с Иерусалимом прямой линией, соединявшей две значительные святыни. Известно о стремлении Тимура сконцентрировать общие, ещё «ветхозаветные», святыни в своём государстве, например, туда была перенесена из Передней Азии часть мощей пророка Даниила. В этой связи возникновение армянского монастыря с мощами евангелиста Матфея, проповедовавшего в Азии, след мощей которого теряется в Сирии в III веке, вполне возможно. В свою очередь, Армения, будучи одним из первых христианских государств, занимавшая довольно значительную площадь в регионе Западной Азии, могла обладать святынями.

Мистическое мировоззрение того времени вряд ли предусматривало насильственное прерывание традиций, существовавших с древности (известно о непрерывной, обособленной жизни общины евреев в городах Центральной Азии). Армянский монастырь прекратил своё существование, либо утратив функцию проповеди учения, либо этому способствовали насильственные события.

Исследования катакомбного комплекса, а также городища Курменты, судя по всему, имеющие отношение к интереснейшему историческому периоду, должны пролить свет на доселе закрытые вопросы истории и, возможно, подтвердят наличие в средние века на озере Иссык-Куль величайших святынь для христианского мира.

Литература

1. *Атоян Р.* Армянский монастырь на Иссык-Куле // Анив. – 2005. – № 2.

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ,
культуролог, КРСУ

К ВОПРОСУ ОБ АТТРИБУЦИИ КУРМЕНТИНСКОГО ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА

Обнаруженные в 2005 году и отождествляемые с монастырём пещеры в районе села Курменты на самом берегу озера Иссык-Куль вызывают очень много вопросов. Местность эта не оставалась без внимания со стороны историков и археологов (среди них П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.В. Бартольд, Д.Ф. Винник и др.). Но катакомбные пещеры на оконечности одного из небольших полуостровов никогда не попадали в поле зрения учёных, хотя известны были жителям окрестных сёл с начала XX века. Этот странный факт можно объяснить просто: пещеры были вырыты в конце XIX – начале XX века и не представляли для российских и советских исследователей научного интереса как лишённые архитектурной и исторической ценности, поэтому о них и умалчивали. Однако против такого «лёгкого» объяснения есть несколько возражений, и главное из них – зачем и кому нужно было рыть сложное многокамерное, возможно, даже двухъярусное арочное сооружение на рубеже XIX–XX веков?

Чтобы ответить на этот вопрос, перечислим всех субъектов истории, действовавших в это время в этой местности. Это: во-первых, кыргызы, кочевавшие к северу от побережья в долине реки Курменты ближе к горам; во-вторых, русские крестьяне-переселенцы из сёл Алексеевка (Уй-гал), Озёрно-Фольбаумовка (Озёрное) и редких хуторов, раскиданных по побережью; в-третьих, обитатели Свято-Троицкого монастыря, угодья которого простирались в округе на 530 гектаров по всему Светлому Мысу и за его пределами.

Любой памятник культуры создаётся людьми в соответствии с их духовными или хозяйственными потребностями. Очевидно, что материальная культура кыргызов не предполагает

строительства подземных сооружений, духовная же, а именно: не местные традиционные культы, а ислам, вполне могла вызвать к жизни пещеры. В «народном» исламе, который распространялся в Средней Азии, существует культ «святых мест». Иногда таким местом паломничества и жертвоприношения становились могилы духовных наставников, вырытые в пещерах, или пещерные мечети. Но все «святые места» на территории Кыргызстана, кроме гумбезов и Сулайман-горы, связаны с языческой традицией: камни, тополя, горы – среди них нет ни одной пещеры. Исламская составляющая в духовной культуре кыргызов не слишком активно себя проявляла. Культовые погребальные постройки кыргызов этого времени – не пещеры, а мазары. Кроме того, пребывание кыргызов в этой местности никогда не пресекалось. Если бы в XIX веке пещеры считались «святым местом», то народная память сохранила бы и доныне благоговейное к ним отношение. Рядом с курментинскими пещерами нет никаких столбов для привязи лошадей, следов жертвоприношений, стоянок, обычных для среднеазиатских пещерных мусульманских сооружений. Катакомбы выглядят так, будто их хотели сделать незаметными. Похоже, что и в конце XIX – начале XX века они выглядели так же, тем более что тогда уровень воды был выше и доступ к полуострову (острову) был затруднён.

Двух других субъектов истории Курментинского пещерного комплекса (русский переселенец и русский монах) рассмотрим одновременно. Хозяйственная культура русских предполагает сооружение погребов, подземных складов для продуктов и укрытий. Духовная культура русских – православие – также допускает существование пещерных храмов, молелен, подземных часовен и захоронений в катакомбах. В источнике начала XX века есть указание на то, что один из местных крестьян, которому принадлежали значительные угодья в округе с. Курменты, Кирилл Колотилин, выкопал на своём острове пещеру-молельню [1: 40]. Монахи также в хозяйственных или иных целях могли выкопать подземные сооружения – в православии существовали и сейчас существуют пещерные скиты, подземные храмы.

Каковы же аргументы против этих гипотетических «строителей»? Пещера не похожа на погреб, совсем не похожа она и на подземный склад. Кроме того, такие хозяйственные постройки

сооружались в непосредственной близости от жилища, а не на труднодоступных островах. Остаётся предположить, что эта пещера могла служить молельней. В пользу этого говорит многое: устные рассказы старожилов упорно связывают эти катакомбы с именами монахов иссык-кульского Свято-Троицкого монастыря, в частности с именем Прохора Русина, называют «норой монаха», «пещерой деда Мазая». Но в этих историях речь не идёт об авторстве, а скорее об использовании пещеры в качестве укрытия от кыргызского мятежа либо большевистских репрессий или от любопытных глаз для уединённой молитвы. Каковы же доводы против этой гипотезы?

Курментинские пещеры – немалый, даже в таком полузасыпанном виде, комплекс. А пещеры, которые выкапывали себе монахи XIX века, состояли, как правило, из одной-двух келий. В это время такие пещеры-молельни, связанные с именем преподобного мученика Феогноста, существовали на Медео, в Аксайском ущелье. В них никогда не жило больше двух-трёх человек, они были очень примитивно оформлены и совсем не похожи на курментинские. По мнению Б. Железнякова, высказанному на конференции в ходе дискуссии, в XIX веке не было никакой надобности у русских православных монахов строить себе подземные культовые сооружения: времена пещерных храмов для России прошли, традиции строительства были утрачены, православие – широко исповедуемая религия, признававшаяся на государственном уровне. Соответственно, не было причин прятаться в подземных коридорах и незачем было их копать.

Итак, рассмотрев всех трёх субъектов, действовавших на исторической арене в конце XIX – начале XX веков, можно прийти к выводу, что никто из них не сооружал пещер. Из этого следует, что курментинские катакомбы были вырыты раньше, в другой исторический период, когда был другой расклад сил.

Обратимся к средневековью. Трудно перечислить все народы, проживавшие в этом регионе. На Курментинском городище ещё не проводились широкомасштабные археологические раскопки, но находки разнообразных крестов позволяют предположить, что здесь проживали христиане. Это могли быть согдийцы, сирийцы, армяне. Из них сирийцы и армяне, особенно последние, владели прекрасной техникой сооружения подземных

помещений, высекали их в скальной породе или вырезали арочные и купольные конструкции прямо из лёсса или глины. Вспомним, что армяне и Иссък-Куль объединены в средневековой истории Каталанской картой, которая именует армянских монахов «братьями». Здесь так же возникает много вопросов: Почему католики именуют армян братьями, несмотря на то что всех нехалкидонитов было принято именовать «злыми еретиками»? Почему вообще на Каталанской карте появилось изображение армянского монастыря?

Для того чтобы ответить на эти вопросы и отчетливее представить себе гипотетического строителя курментинских пещер, обратимся к истории взаимоотношений армян и католиков. Дружба между ними началась во времена крестовых походов. Армяне принимали у себя крестоносцев, снабжали по договорённости оружием и продовольствием и даже участвовали в спасении христианских реликвий. С этого времени большая община армян оказалась в Палестине и расселилась по многим другим азиатским городам. Тогда же, в XIII веке, начинаются дипломатические переговоры с Ватиканом о взаимной помощи. Для армян это очень трудный период. Границы Великой Армении уже не могут удержать турецкие и иранские войска, она теряет область за областью и к концу средневековья реальной становится угроза полного уничтожения армян. Именно поэтому армянский царь идёт на соглашение с Ватиканом и подписывает унию. Папа римский становится главой не только католиков, но и армян-униатов. Именно этих армян католики именовали «армянскими братьями», чтобы отличить их от тех, которые унию не приняли.

Иссък-кульские армяне могли быть именно униатами, что объясняет интерес составителей Каталанской карты к их монастырю и хранящимся в нём мощам апостола и евангелиста Матфея. И они вполне могли быть создателями Курментинского пещерного комплекса, плавные правильные арки которых выдают руку очень умелых строителей. Здесь, в окружении разноплеменных народов, исповедующих разнообразные религии, в условиях наступления ислама, который как раз во второй половине XIII – начале XIV вв. начинает ужесточать свою миссионерскую политику, была реальная необходимость прятать свои монашеские труды и свои святыни, так же как это было принято и в самой, вечно воюющей Армении.

Итак, перед нами прошли все известные на сегодняшний момент исторические субъекты, которые могли иметь отношение к пещерному комплексу, расположенному на полуострове Заячьем в районе с. Курменты. Из них только армянские братья имели причины, цель и способности для строительства подземного монастыря. Гипотезы эти могут быть опровергнуты или подтверждены только раскопками, но само существование этих гипотез свидетельствует об актуальности археологических изысканий в этом районе.

Литература

1. ЦГА КР. – Ф. 75, оп. 1, д. 45, л. 40.

Александр КАМЫШЕВ,
к.и.н., преподаватель КРСУ

СКИТ ИЛИ ХРАМ? (Поиски после находки)

Свято место пусто не бывает.

Народная мудрость

В августе 2005 года разведывательная группа, возглавляемая автором статьи, в составе Иссык-кульской археологической экспедиции под руководством академика В.М. Плоских вела научный поиск монастыря армянских братьев, обозначенного на побережье озера Иссык-Куль на Каталанской карте XIV века. Местонахождение христианского монастыря, где согласно Каталанской карте хранятся мощи святого апостола и евангелиста Матфея, – предмет многолетних научных споров и поисков. Одни учёные предлагают искать его на южном берегу озера, другие – на северном, некоторые уверены, что монастырь в настоящее время находится под водой [1].

В последнее время район поиска переместился в окрестности с. Курменты, где нами было обнаружено и исследовано подземное сооружение, известное среди местного населения как «нора монаха». Подземные галереи расположены в 2 км на юг от восточной окраины с. Курменты и примерно в 1,5 км на юго-восток от места, где в конце XIX – начале XX вв. располагался Свято-Троицкий мужской монастырь. Примерно посередине между этими объектами на мысе одного из Тюпских затонов расположено Курментинское городище, датируемое VIII-XIV веками. Столь близкое расположение подземного сооружения к памятнику средневековья и христианскому монастырю дали основание для нескольких вариантов датировки его создания. Две пересекающиеся под прямым углом галереи общей протяжённостью около 30 м вырыты в лёссовом холме, имеют несколько ответвлений, заканчивающихся небольшими кельями или

завалами. По сведениям местных старожилов, пещерный комплекс имеет два уровня, и на нижнем этаже, доступном ещё 40 лет назад, были вырублены до тридцати келий. В настоящее время подземные галереи находятся в аварийном состоянии, основания сводов подрублены, вход в пещеру, а также вход на её нижний уровень завалены.

Первоначальный осмотр не дал неоспоримых данных для датировки сооружения, но над одной из арок были обнаружены забитые в лёсс металлические штыри, пораженные коррозией в такой степени, как и средневековые металлические наконечники стрел. Первой версией исследователей стало предположение, что пещерный комплекс сооружён во времена существования Курментинского городища, второй вариант – что это скит, прорытый в конце XIX века отшельниками православного иссык-кульского Свято-Троицкого монастыря.

Интерес к Курментинскому городищу в последние годы вызван случайными находками памятников христианства в этом районе, тем более что ещё 150 лет назад предположение о Курменты как о возможном месте нахождения христианского монастыря впервые высказал П.П. Семёнов-Тян-Шанский. «Мы вышли, пройдя мимо Курментинской бухты на берег Иссык-Куля в том месте, где с этого берега открывался тот истинно феерический вид. В бытность свою в Венеции в начале 50-х годов на знаменитой Каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куль, а на северной его стороне был изображён монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран Ближнего Востока (Сирии) в глубь Азии и основавших свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для себя место на берегу одной из многочисленных бухт Кунгея, защищенного от волнений озера и богатых рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашёл ни на её берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих моё предположение» [2: 279–280].

Далее русский путешественник повернул к месту выхода из гор реки Курменты и прошёл по полю битвы между сарыбагышами и бугинцами, происходившей в 1854 году. Маршрут его пролегал

на расстоянии около километра от Курментинского городища, но упоминания о нём у П.П. Семёнова-Тян-Шанского нет.

В 1882 году на озере Иссык-Куль по почину епископа Александра (Кульчицкого) был основан мужской монастырь во имя Пресвятой Троицы. Лучшим местом для монастыря ему показалось побережье Иссык-Куля: красота и величие природы, тишина и уединённость этого благословенного уголка земли – всё это должно способствовать богоугодной жизни иноков. Преосвященный Александр сам приехал в Прииссыккулье и остановился в селе Преображенском. Он собрал сельчан и рассказал, что в этих местах будет создана святая обитель, крестьяне показали ему берега озера и урочища, казавшиеся им пригодными для создания монастыря. Верхом на коне епископ Александр объехал окрестности, всё осмотрел и вернулся в село.

21 мая Преосвященный Александр водрузил большой деревянный крест на том месте, где надлежало воздвигнуть монастырский храм. По воле Божьей этот крест был установлен вблизи от скрывшейся под водой озера древней обители, где хранилось тело святого апостола и евангелиста Матфея. Епископ Александр знать об этом не мог, в его время было известно только о развалинах каких-то построек под водой и о том, что волны озера иногда выносят на берег осколки глиняной посуды. Лишь позднее П.П. Семёнов-Тян-Шанский по Каталанской карте XIV века идентифицировал то место, где ушёл под воду древний монастырь с находившейся в нём великой святыней [3].

Уверенность митрополита Владимира о близком расположении двух христианских монастырей: средневекового, якобы скрытого под водой, и Свято-Троицкого, воздвигнутого в XIX веке, – кроме подтверждения воли Божьей, к сожалению, не подкреплено серьёзными историческими доказательствами. Тем не менее такое соседство вполне возможно.

На находящемся недалеко Курментинском городище в 2003 году была найдена серебряная амулетница с узором, выполненным по технологии скани в виде четырёх крестиков, а в 2005-ом заведующий заповедными зонами Иссык-кульского историко-культурного музея-заповедника Радий Нурмаметов сообщил о случайной находке двух нательных крестиков в составе клада из нескольких бронзовых и серебряных вещей. Клад обнаружен

при разработке карьера курментинского цементного завода еще в начале 70-х годов местными рабочими, которые разделили его между собой. Наряду с крестиками там же находились бронзовые перстни (один со свастикой) и серебряный перстень низкой пробы с арабской надписью, бронзовый браслет с неопределёнными рисунками, или знаками, и разноцветные стеклянные бусы. До настоящего времени сохранилась лишь часть предметов у одного из нашедших клад. Данные случайные находки послужили основанием для дальнейшего исследования Курментинского городища, расположенного в пределах прямой видимости от Свято-Троицкого монастыря.

Сведения о Курментинском городище стали появляться в печати с конца XIX века. Учёные и путешественники, посещавшие монастырь, отмечают находящееся по соседству средневековое городище. «Вблизи монастыря (православного, основанного с восьмидесятых годов) у устья речки Курменты возвышается окружённый с севера, запада и востока оврагами, а с юга заливом четырехугольник в виде крепостцы, с четырьмя воротами...» [4].

Наиболее полное описание Курментинского городища сделано знаменитым востоковедом В.В. Бартольд: «На берегу озера, против Курментинского ущелья, теперь построен русский монастырь; на восток от монастыря мы (в сопровождении монахов) осмотрели развалины значительного укрепления, окружённого четырехугольным валом. По измерению г-на Дудина, высота вала теперь 1½ сажени, длина каждой стороны – 200 сажений. Укрепление защищено с запада небольшим затоном озера, с севера – широким рвом; с юга оно граничит с логом, спускающимся к озеру. Главный вход находится с восточной стороны, и вообще, дорога, по-видимому, шла с востока на запад. В противоположность обыкновенным турткулям площадь укрепления покрыта множеством небольших возвышений, по-видимому, представляющих следы каких-то построек, но кирпича не видно нигде. Около восточной стороны вала находится плоский курган и рядом с ним три каменных бабы обыкновенного типа, с чашей и мечом; это ясно видно на двух бабах; от последней сохранился только бюст. Черты лица можно ясно различить только по одной фигуре; одна из баб совсем без головы. Бабы, очевидно, недавно вырыты из земли; ямы видны ещё теперь...» [5: 70].

Как видно из пространной цитаты, достаточно добросовестный скрупулёзный учёный и исследователь (к тому же его сопровождали местные монахи) не упоминает о находящихся по соседству с городищем подземных галереях. Видимо, в то время они были ещё скрыты, а если и откопаны недавно, то не представляли для учёного какого-либо интереса, иначе В.В. Бартольд упомянул бы о них.

В 1949 году Тянь-шаньская археологическая экспедиция (руководитель А.Н. Бернштам) проводила на городище работы разведывательного характера, но результаты работ не нашли отражения в литературе. Раскопы, заложенные на поселении, прорезали культурные наслоения на глубину 1,5–2,5 м. Были вскрыты остатки построек, сложенных из сырцового кирпича. На основании материалов, полученных с раскопок, было сделано заключение о двух периодах существования городища: VIII–X вв. и X–XII вв. [6: 105–106].

Но вернёмся к истории иссык-кульского Свято-Троицкого мужского монастыря, который был освящён 21 мая 1882 года и начал действовать с 1886-го, после прибытия 11 священнослужителей из России. Строительство всего комплекса велось с 1882-го по 1911 год и завершилось построением замечательного семикупольного зимнего каменного храма. Монастырь имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор, две пасеки, обширные пастбища и плодородную землю для выращивания зерна, овощей и других культур [7: 196].

В 1889 году после землетрясения монастырь был разрушен и на его восстановление прибыли валаамские монахи. Осенью 1894 года было закончено строительство основного корпуса для монахов с обширной трапезной на 60 человек. Также в этом корпусе проживал настоятель и старшая братия. Остальные члены общины жили в старом доме при Одигитриевской церкви. Некоторые монахи проживали при пекарне и молочной. Часть монахов постоянно находилась при пасеке на Авраамовском острове. Отдельной кельей являлась пещера в горах, построенная иеродьяконом Антонием [8].

Дальнейшие материалы по Свято-Троицкому монастырю и об острове с пещерой связаны с киргизским восстанием 1916

года. «Мятежные киргизы, уничтожившие почти все окружающие селения, разорили и иссык-кульский монастырь, к счастью не затронув его строений. Монастырь, дочиста разграбленный мятежниками, потерял зверски убитыми иноками семь человек. Прочая братия спаслась на одном из монастырских островов, проникнуть туда киргизы не решились. По минованию опасности и возвращению братии в монастырь из него выбыла часть послушников, и к январю 1917 года численность братии не превышала 20 душ» [9].

Однако не все послушники вернулись в монастырь, в пещере на острове остался жить иеродьякон Пахомий (Прохор Русин). У местного населения сохранилась легенда, связанная с этой личностью (пещера деда Мазая).

По версии местных старожилов, монахи и русские крестьяне во время восстания скрывались в пещере на этом островке, но из сохранившегося в Центральном архиве Кыргызстана дневника настоятеля Свято-Троицкого монастыря архимандрита Иринарха (Шемановского) можно сделать заключение, что спасались они на другом острове. «Решив временно до выяснения обстоятельств покинуть монастырь, мы избрали местом своего пребывания безымянный монастырский островок о двух десятинах земли приблизительно, омываемый заливом Песчаный на юго-западе, в трёх верстах от монастыря. <...> Он оказался великолепнейшим местечком в стратегическом отношении. Только с одной северо-восточной стороны он сравнительно близок к материку – в 50–70 от него саженьях. Зато со всей восточной и северной стороны он с крутыми, обрывистыми берегами и почти кругом, за исключением южной стороны – озёрной части, ограждён почти сплошным камышом. <...> Вся его общая поверхность покрыта, хоть и недостаточно густо, джержанакон (облепихой), являвшимся для нас надёжным укреплением, соответствующим проволочным заграждениям на войне. На острове – полуразрушенный домишко, когда-то сложенный любителями-рыболовами из монахов...» [10].

В дальнейшем повествовании о страшных днях восстания упоминается ещё один остров с выкопанной пещерой-моленной: «Вернулась разведочная партия с захваченной с островка “дедушки” Кирилла Катилевского лодкой. В домик

Катилевского проникал Алексей Стародубов и в выкопанную пещеру-молельню, но так никого и не нашёл».

Сам настоятель, писавший дневник, на островке с пещерой-молельней не был, поскольку сообщает: «Впрочем, говорят, что этот остров одной из сторон так близко подходит к материку, что на него шутя можно попадать вплавь».

Один из гостей монастыря Наумов, приехавший отдохнуть на Иссык-Куль со своими детьми, прятался на островке «дедушки» Кирилла Катилевского, который жил здесь постоянно, проводя время в нелицемерном посте и молитвах. Катилевский в момент нападения восставших киргизов на Наумовых был у них и, также избитый мятежниками, скончался от ушибов и ран. Воспользовавшись лодкой Катилевского, Наумовы переехали на его остров и, спрятав лодку в камышах, днём проводили время в выкопанной им пещере-молельне, а ночью в сохранившемся домике Катилевского.

Свидетельствам очевидца можно лишь противопоставить слабые доводы, что, возможно, Кирилл Катилевский проживал в пещере, вырытой задолго до его появления на острове, но для таких предположений оснований пока нет. Следовательно, датировку исследуемых подземных галерей нужно относить к концу XIX – самому началу XX вв., и тем не менее этот памятник, как и упомянутая пещера в горах, построенная иеродьяконом Антонием, требует дальнейшего исследования и срочного восстановления.

Литература

1. *Кляйн В.* География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375 г.) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 319–331; Плоских В.М. «Атлантида» Центральной Азии: тайна Великого Шёлкового пути. – Бишкек, 2004. – 54 с.; Атоян Р. Армянский монастырь на Иссык-Куле // Анив. – Ереван, 2005. – № 2. – С. 12–22.

2. *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань (1956–1957 гг.). – М., 1958.

3. *Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир.* Земля потомков патриарха Тюрка. Русская православная церковь. – Изд. Московской патриархии, 2002. – С. 181–183; Озмитель Е.Е.

Православие в Киргизии XIX–XX вв.: Исторический очерк. – Бишкек: КРСУ, 2003.

4. *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы. Т. 1. – Бишкек, 2001.

5. *Бартольд В.В.* Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1883–1984 г. // Соч.: В 9 т. – Т. 4. – М., 1966.

6. *Винник Д.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.

7. *Бедельбаев А.* Из истории деятельности европейских миссионеров на севере Кыргызстана в XIX – нач. XX вв. // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: Материалы международной конференции. Бишкек, 3–5 октября 2002 г. – Бишкек, 2003.

8. Туркестанские Епархиальные ведомости. – 1916. – № 6.

9. Туркестанские Епархиальные ведомости. – 1917. – № 13.

10. Из дневника настоятеля Свято-Троицкого монастыря архимандрита Ириарха (Шемановского). – ЦГА КР. – Ф. 75, оп. 1, д. 45, л. 40.

Светлана ГРОМОВА,
ст. преподаватель КРСУ

ПОИСКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Особой, интереснейшей страницей в археологическом изучении Иссyk-Куля являются поиски средневекового христианского монастыря на его берегах. Эти поиски имеют довольно долгую предысторию.

В XIV веке на острове Мальорка (Майорка), являющемся территорией Испании, возникает картографическая школа. Остров Майорка был в то время важным центром торговли и находился под влиянием нескольких культур: арабской, каталанской, итальянской и еврейской. Особенностью карт, изготовленных на Майорке, был не только высокий уровень, который в период расцвета в XIV веке называли «совершеннейшее мастерство», но и их характерная черта – легенды, т.е. пояснения на каталанском языке.

Хранящийся сейчас в Парижской национальной библиотеке под шифром «Espanol-30» так называемый Каталанский атлас мира является произведением майоркской школы, изготовление которого в 1375 году (или несколько позже) приписывается еврею Крескесу. Атлас первоначально состоял из шести отдельных листов пергамента величиной 50 x 65 см, каждый из которых был натянута на деревянную панель. Позднее листы были сняты с досок и соединены в книгу. При этом страницы были согнуты по вертикали, что привело к тому, что они, в конце концов, разломались. На сегодняшний день этот атлас представляет собой шесть вновь соединённых листов. Причём вдоль линий разлома трудно что-либо разобрать.

Азиатский континент в Каталанском атласе представлен на листах 5, 6. На листе 5 изображены Каспийское море, Персидский залив, Аравия и северо-западная Индия; на листе 6 – остальные части Средней Азии, Шри-Ланка, Индонезия, Китай и Монголия.

Записи и легенды о Средней Азии практически не содержат важной информации, поэтому очень интересным исключением является озеро Иссык-Куль, имеющее на карте продолговатую форму и вытянутое с востока на запад. Это полностью соответствует реальности, что само по себе необычно, так как другие озёра, известные только своим названием, изображались в форме круга. На берегу озера имеется изображение здания с двумя башенками, каждая из которых увенчана прямым равноконечным крестом, но по рисунку практически невозможно представить архитектуру монастыря. К этому изображению есть пояснение на каталанском языке: «Это место (не озеро!) называется Исикол. В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся (погребены) останки св. Апостола и Евангелиста Матфея», но эта информация не находит подтверждения в каком-либо известном нам литературном источнике.

Существует также выполненная в форме круга Каталонская карта мира. Она была создана позднее атласа, приблизительно в 1450 году, её изготовление приписывается некоему Эстензе из г. Феррары. Карта содержит указание на монастырь, но при этом в ней не упоминается Иссык-Куль или какое-либо другое озеро и место. Карта кратко сообщает: «Этот монастырь принадлежит монахам, которые хранят останки св. Маттиаса и являются армянами». (Возможна ошибка в переводе имени «Маттео» из итальянского подлинника, что должно означать «Матфей».) Вероятно, автор этой карты и Крескес опирались на один и тот же источник. Предположительно, не само озеро вызвало особый интерес источника, а изображённый на его берегу и упомянутый в пояснении монастырь.

Подтверждением существования армянского монастыря служит и найденный в конце XIX века в Чуйской долине надгробный камень с изображением украшенного креста, содержащим сокращённую надпись на армянском языке: «*Иисус Христос, Господь Бог*». Вокруг креста – надпись на армянском языке, выполненная по овалу: «*Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летоисчислению в 772 г. (т.е. в 1323 году н.э.) написан этот памятник*». На краю надгробия есть надпись и на сирийском языке: «*Это могила Йоханана, армянского епископа*».

Епископ, скорее всего, путешествовал через Среднюю Азию, и не просто так. Если допустить, что монастырь действительно существовал, то епископ, возможно, направлялся именно туда, но в пути умер. Можно предположить, что монастырь был построен и в Чуйской долине, но против этого говорит наличие сирийской надписи на надгробном памятнике: если бы монастырь находился в Чуйской долине, то епископ был бы похоронен недалеко от монастыря и надпись на сирийском языке была бы излишней. Это армянское надгробие найдено на несторианском кладбище (а христиане-несториане были, в основном, выходцами из Сирии). Такое могло случиться только при отсутствии в Чуйской долине монастыря армян; скорее всего, он был именно на Иссык-Куле, как и указывается в Каталанском атласе.

На южном берегу Иссык-Куля в селе Саруу также найдено несколько христианских надгробий [1: 319–331] (к сожалению, надписи на них не переведены). Так что были высказаны предположения, что монастырь надо искать там. Эту мысль надо тоже проверить.

Одним из первых русских учёных, увидевших Каталанскую карту, был П.П. Семёнов. Вот что он сам пишет об этом: «В бытность мою в Венеции, в начале 1850-х годов, на знаменитой Каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куль, а на северной стороне его изображён монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран Ближнего Востока (Сирии и т.д.) вглубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, что если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из малочисленных бухт Кунгея, защищённой от волнений озера и богатой рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашёл ни на её берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих моё предположение» [2: 202].

Пётр Петрович Семёнов был абсолютно прав, определив берег Курментинской бухты подходящим местом для средневекового христианского монастыря. Найти тогда он его не смог, потому что всё побережье было плотно покрыто зарослями джержанака (облепихи) и высокими густыми травами, а Семёнову,

который не был специалистом-археологом, сложно было разобратся в холмах и возвышенностях. Но уже в конце XIX века городище на берегу Курментинской бухты было обнаружено выдающимся востоковедом В.В. Бартольдом, затем было нанесено на археологическую карту Иссык-Куля П.П. Ивановым.

В середине XX века городище было обследовано А.Н. Бернштамом, причём он отождествил его с одним из девяти поселений Верхнего Барсхана и назвал Тюпским (Курментинским). Городище им не шурфовалось.

В начале 60-х годов XX века на городище прибыла экспедиция Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д.Ф. Винника. Были заложены несколько разведочных шурфов и определены хронологические рамки существования города в пределах с VIII по XII вв. Было высказано предположение о двух периодах существования города. В последующие 40 лет городище не исследовалось, и его никак не связывали со средневековым монастырём, обозначенным на Каталанской карте.

Начиная с 2003 года, учёными-археологами КРСУ стали проводиться на городище археологические исследования, а в 2005 году были обследованы подземные пещеры, находящиеся в 500 метрах от городища.

Через залив от городища есть полуостров с местным названием Заячий (в XIX веке его называли Дальним), на оконечности которого под небольшим холмом находятся вырытые в глине подземные пещеры. Они давно известны местному населению и за последние 100 лет их излазили все поколения детворы. Пещеры связывают с отшельником-монахом, жившим там в течение нескольких лет в начале XX века.

Записав легенды, бытующие в данной местности, обследовав и сняв план этих пещер, мы пришли к выводу, что пещеры напрямую связаны с городищем. Если в древнем городе за укрепленными стенами имелся монастырь, то пещеры могли быть тайным хранилищем реликвий, святынь и, возможно, сокровищ, тем более что при высоком уровне стояния вод озера полуостров превращался в остров и обнаружить пещеры было практически невозможно. Старожилы утверждают, что в начале XX века пещеры имели два яруса, сейчас же остался один, но о втором уровне свидетельствуют провалы в нишах. Кроме того, в обвале

снаружи были найдены фрагменты средневековой керамики. Также отец Сергей, настоятель Каракольской церкви, сообщил, что одна из прихожанок, очень старая женщина, рассказывала, как в детстве она вместе с отцом на лодке возила продукты монаху и что монах подныривал под водой в пещеру. А один из жителей села Курменты – Кочергин Евгений Николаевич поведал, что в 60-х годах на городище в барсучьей норе был найден большой бронзовый крест, дальнейшая судьба которого, к сожалению, неизвестна.

Косвенным подтверждением нахождения здесь средневекового монастыря является и обнаруженный клад с мелкими бронзовыми вещами, в том числе и крестами. Как известно, святыни и реликвии христианских монастырей всегда прятались в особых хранилищах, подвалах или пещерах, обычно труднодоступных. И, связав воедино городище и пещеры, можно с ещё большей уверенностью говорить о существовании именно здесь средневекового христианского монастыря.

В южной части Курментинского городища есть провал, диаметр его 2,5 м. Арендатор этой посевной площади Олджобай рассказывает, что провал образовался, когда там проехал трактор, глубина провала была 5–6 м, и он уже 8 лет забрасывает его камнями, обломками кирпичей и всяким мусором. Возможно, это и был подземный выход из города к берегу залива, где на другом берегу как раз находились пещеры. Расчисткой этого провала не занимались, так как это требует большого труда и довольно опасно, но при наличии рабочей силы и соблюдении техники безопасности можно было бы проверить данную гипотезу.

В процессе обследования городища из шурфа были извлечены два железных предмета: один в виде кольца, другой неопределённой формы. Железо сильно окислено и разрушено. Требуется осторожная реставрация этих предметов. Из важных датированных находок можно упомянуть венчик светильника с зелёной поливой, фрагмент средневекового стекла. Добытый керамический материал требует дальнейшей тщательной обработки (отмывка, измерение, зарисовка, сравнение, датировка).

Интересным является тот факт, что в последней четверти XIX века в 800 метрах от городища был возведён мужской Свято-Троицкий христианский православный монастырь, где сейчас

располагается детский дом «Мээрим Булагы». На сегодняшний день от этого монастыря сохранилось всего три здания: первое – основное, где, собственно, и живут дети; второе – небольшая монастырская церковь; и третье – амбар (требующий срочной реставрации), который находится за оградой и является собственностью детского дома.

Данный факт также можно считать косвенным аргументом в пользу нахождения именно здесь средневекового монастыря. Почему православные монахи выбрали именно эту северо-восточную часть побережья? Может быть это именно они, строя монастырь в 1880-х годах, соорудили и пещеры? Для решения этих вопросов нужны планомерные и масштабные археологические исследования и проведение реставрационных работ.

Весь этот комплекс: городище, пещеры, остатки Свято-Троицкого монастыря – после тщательного изучения и исследования, затем реставрации может стать интереснейшим историко-туристическим объектом, который привлечёт огромное количество паломников из христианского мира и просто туристов. Это позволит в сочетании с природными данными – заливами, красивейшими ландшафтами, источниками прекрасной артезианской воды – создать ещё одну зону отдыха и обеспечить рабочие места жителям близлежащих сёл Ак-Булун, Курменты, Балбай.

Литература

1. *Кляйн В.* География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375 г.) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003.
2. *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1958.
3. *Железняков Б.А.* Периодизация распространения христианства, причины его упадка (Центральная Азия). Находки в Жетысу // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук 1 (247). – Алматы, 2005.

Светлана ЛУКАШОВА,
к.и.н. (Москва),

Николай ЛУКАШОВ,
к.ф-м.н., Конфедерация подводной деятельности России

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АКВАЛАНГИСТЫ-ЛЮБИТЕЛИ НА ОЗЕРЕ ИССЫК-КУЛЬ

Археологические исследования на протяжении всей своей истории были по большей части делом энтузиастов, в той или иной степени поддерживаемых и финансируемых официальными научными организациями. Редкая экспедиция обходится без участия романтиков от науки, готовых безвозмездно или за символическое вознаграждение работать на благо науки. Не будет преувеличением сказать, что на территории СССР и нынешнего СНГ большая часть археологических работ до сих пор производится ими.

Не составляет исключения и подводная археология, даже несмотря на то что участие в подводных работах требует серьёзной подготовки. Энтузиасты всегда находились и среди этой категории специалистов. Во времена существования известной организации ДОСААФ велась статистика участия аквалангистов-любителей в подводных экспедициях (не только археологических). В период наиболее активного развития подводного плавания в СССР, в 1968 году, 2420 аквалангистов приняло участие в 240 экспедициях. Практически все научные открытия в нашей подводной археологии сделаны любителями. Участие наёмных профессиональных водолазов в таких работах крайне незначительно, в первую очередь из-за высокой стоимости работ, и в настоящее время ситуация остается прежней.

Систематические подводные исследования Иссyk-Куля начались ещё в дореволюционной России. С 1871 по 1873 год в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора даже велось

специальное дело «Об археологических находках в озере Иссык-Куль; приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле». В декабре 1871 года генерал-губернатор К.П. Кауфман направляет в Кронштадт письмо с просьбой «поручить кому-нибудь собрать сведения, что будет стоить водолазный прибор, наиболее прочный, и на каких условиях можно найти охотника приехать в здешний край и заняться изысканиями. При этом главным образом нужно принять, что как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий». Однако существенной роли в археологических исследованиях Иссык-Куля профессиональные водолазы до сих пор так и не сыграли – это слишком дорого и организационно сложно для науки, не избалованной финансированием. Уже более 100 лет основной вклад вносят рыбаки и ныряльщики, а также аквалангисты-любители.

Со времени изобретения и распространения акваланга, т.е. с середины XX века, в истории подводных исследований наступил новый этап, снаряжение стало относительно дешёвым и доступным даже людям с минимальной начальной подготовкой. В советский период, начиная с конца 50-х годов, археологией прибрежной зоны озера Иссык-Куль занимались историки Киргизии, к исследованиям привлекались аквалангисты ДОСААФ – томского клуба «Скат», московского «Дельфина» и других объединений. Несмотря на любительский, по формальному признаку, статус этих организаций, в их состав входили, помимо молодых аквалангистов, и настоящие профессионалы высочайшего класса – водолазы, инструкторы, спортсмены с многолетним опытом, в том числе по проведению военных, поисково-спасательных, ремонтно-восстановительных подводных работ, такие как: И.И. Фадеев, С.С. Прапор, Л.Н. Шурыгин и многие другие. Это позволило сделать ряд значительных научных открытий, в том числе и затопленного города Чигу в Тюпском заливе.

С началом перестройки и распадом СССР на несколько лет в подводной археологии образовалась пауза. В конце 90-х исследования постепенно возобновились, что совпало с наступлением нового технологического этапа в развитии техники погружений в

легководолазном снаряжении, к тому же необычайную популярность приобрёл как вид туризма так называемый дайвинг – погружения с целью отдыха, развлечения. Это привело к тому, что подводное археологическое наследие стало доступно для многих людей, не имеющих отношения к науке, но с огромным энтузиазмом отправляющихся на поиски исторических сувениров. К сожалению, эту тенденцию поощряют многие туроператоры и владельцы дайв-клубов, которым выгодно максимально большее количество клиентов. Наверное, не будет преувеличением сказать, что большинство дайверов на высокогорное озеро Иссык-Куль привлекает именно эта возможность. Вот, например, выдержка из рекламы одного из туристических агентств:

«Приключенческая программа.

Место проведения: озеро Иссык-Куль, Киргизия.

Продолжительность: от 5-7 дней... На сегодняшний день археологам известно более десятка древних и средневековых поселений, находящихся под водой этого удивительного озера...

Любители подводного плавания и археологии со всего мира съезжаются на Иссык-Куль; здесь они могут увлекательно провести время и хорошо отдохнуть. Поэтому посещение Иссык-Куля так же привлекательно для романтиков и кладоискателей.

По данным исторической науки в регионе озера может находиться до 200 больших и малых кладов».

Пользуются популярностью и так называемые «экспедиции», самостоятельно организуемые многочисленными обществами. Например, экспедиция Подводного клуба МГУ на озеро Иссык-Куль 17 июня 2003 года. Текст официального сообщения о ней гласит: «Успешно завершилась клубная экспедиция на озеро Иссык-Куль в рамках новой программы “Затонувшие цивилизации”. Погружения совершались в местах древних поселений и затонувших городов в нелёгких высокогорных условиях – на высоте 1700 м над уровнем моря. Группой обнаружено множество артефактов, рассказывающих о прошлом иссык-кульской цивилизации». Более того, отчёт об этой экспедиции с фотографиями и указанием названия арендованного судна открыто опубликовался

в российских журналах. Любопытно, что участники «экспедиции» (руководитель Д. Орлов) заявили, что она – первая в истории изучения Иссык-Куля.

Между тем общение с руководителями и участникам подобных «мероприятий» показывает, что однозначно причислить их к разряду печально известных «чёрных» археологов было бы не совсем корректно. Последние, кстати, прекрасно осведомлены о том, кто, где и когда проводил исследования, и не публикуют своих отчётов ни в открытой, ни в какой-либо другой печати. Скорее речь идёт о некомпетентности и незнании или пренебрежении к правилам обращения с историческим наследием. Многие с удовольствием примкнули бы к настоящей экспедиции, будь у них такая возможность.

Любительский дайвинг приобрёл сегодня широкую популярность. Приходится констатировать, что запретительные меры, введение «закрытых для погружений районов» и т.д. малоэффективны (большая часть побережья и так формально является заповедником). На наш взгляд, более эффективно ведение просветительской работы и создание условий для привлечения такого контингента к научным исследованиям на официальной основе, в том числе и с использованием возможностей дайв-клубов и туристических агентств. Тем более что неформальный опыт такого рода уже есть.

На протяжении ряда лет, с 1984 года, московский клуб «Афалина» (ранее – клуб ДОСААФ «Дельфин») принимал участие в проведении подводных археологических экспедиций на Иссык-Куле. В экспедиции 2004 и 2005 годов участвовало большое количество добровольцев, многие из которых в прошлом не имели подобного опыта. Каких-либо коммерческих целей при этом не преследовалось. Все участники, в т.ч. организаторы, полностью оплачивали проезд, частично питание и организационные расходы. Существенную помощь в материально-техническом и транспортном обеспечении оказали несколько участников, имевших финансовые возможности, а также Конфедерация подводной деятельности России.

Несмотря на то что существует отечественный и международный опыт археологических раскопок с привлечением добровольных помощников (волонтёров – в соответствии с западной

терминологией), в т.ч. под водой, ситуация в современной России и странах ближнего зарубежья настолько специфична, что требует выработки своих подходов к организации подобного рода мероприятий.

Финансирование науки, по сравнению с советским временем, изменилось только в худшую сторону. Если раньше начальник экспедиции мог оплатить добровольным помощникам хотя бы питание (и/или проживание, проезд, культурную программу, иногда зарплату), сегодня добровольцы практически полностью оплачивают своё пребывание на археологическом объекте, работая «в своё удовольствие». Подводные исследования, как известно, мероприятие дорогостоящее, в связи с чем общая сумма расходов существенно возрастает. Например, минимальные затраты аквалангистов на двухнедельное пребывание в экспедиции составили около 300–400 долларов США, т.е. сумму, соразмерную с ценой десятидневного тура на Красное море. Не многие из тех, кто готов бесплатно работать, способны так оплачивать свой труд.

Ещё одна проблема, возникшая, в частности, в процессе подготовки нашей экспедиции, состояла в том, что не удалось заранее точно определить конечную сумму расходов, что также отпугнуло некоторых желающих. Инфраструктура традиционного «сухопутного» археологического лагеря достаточно стабильна, складывается годами и обычно при формировании экспедиции не требуется значительных организационных усилий. В нашем случае многие вопросы приходилось решать на ходу, несмотря на задел прошлых лет (организаторы экспедиции – опытные подводники, участвовавшие в многочисленных не только подводных, но и сухопутных экспедициях).

Большинство участников собирались приехать на Иссык-Куль на 1–2 недели, но не могли заранее назвать точную дату выезда. В результате это привело к трудностям как с покупкой авиабилетов, так и с организацией жизнедеятельности экспедиции – от питания до планирования работ. Нам удалось скомпоновать два более-менее равноценных «заезда»: в первом преобладали москвичи, во втором – группа аквалангистов из г. Щёкино (Тульская обл.). В течение всего месяца в лагере находились четыре инструктора клуба, на которых, в основном, и легли текущие проблемы.

Различия в тех же сроках пребывания, а также в уровне подготовки и специальных навыках у аквалангистов предопределили разделение на: 1) способных выполнять лишь отдельные поручения; 2) самостоятельно работающих и 3) организаторов.

Несколько человек должны были постоянно заниматься материально-техническим обеспечением – от зарядки баллонов до найма транспорта. Вместе с тем необходимость установления такой иерархии сочеталась с отсутствием действенных стимулов укрепления дисциплины. Несколько раз мы столкнулись с необходимостью выполнения работ, не радующих их непосредственных исполнителей, и только личный авторитет руководителя подводного отряда С.С. Прапора предотвратил возможный конфликт.

«Проблемный контингент» можно условно разделить на три подгруппы. Первая – это те, кто приехал преимущественно «отдыхать», а также члены семей и новички, которые не умели (или не хотели) самостоятельно решать текущие проблемы и требовали за собой присмотра. Мы не собирались устраивать подобие пионерского лагеря, но слоняющиеся вокруг палаток и не знающие чем себя занять новички дезорганизовывали работу остальных.

Вторая проблемная подгруппа – аквалангисты с недостаточным уровнем квалификации. Самостоятельная работа (не просто рекреационное погружение) в течение 2–3 часов каждый день в холодной воде оказалась достаточно тяжёлым испытанием, к которому были готовы далеко не все. В результате один из инструкторов был вынужден часть времени вместо исследовательской работы заниматься с новичками и восполнять огрехи обучения.

Проблему составляли и те, кто вёл себя как «крутые дайверы». Пренебрежение правилами техники безопасности, желание поставить новые личные «рекорды» несовместимы ни с нормальным ритмом работы, ни с моральной и юридической ответственностью руководства за всё происходящее в экспедиции. К счастью, таких «подвигов» было немного.

Ежедневное обеспечение работы подводного отряда экспедиции для группы организаторов уже совершенно не подпадало под определение «отдых». Одно дело лично погружаться и обследовать подводный город, другое – отвечать за распределение заданий для новичков или часами стоять у работающего компрессора.

Имеющийся опыт показал, что равное распределение денежных расходов уничтожает стимул для организаторов заниматься непрерывно возникающими проблемами. Ввести должность «оплачиваемого руководителя» мы не могли из-за вышеупомянутых финансовых трудностей. Мы очень благодарны нескольким нашим участникам, добровольно взявшим на себя оплату части общих расходов и тем самым снизившим уровень затрат до приемлемого уровня.

Следующей важной проблемой стали бытовые условия в экспедиции. Во время этого сезона мы опробовали два варианта организации проживания и питания: относительно цивилизованный, в частном секторе, и палаточный – с самостоятельным приготовлением пищи. И тот и другой имеют свои недостатки и преимущества. Цивилизованный вариант хорош тем, что не надо везти увесистые спальные принадлежности и палатку, а затем выделять дежурных для охраны лагеря; питание соответствует нагрузкам и подчинено удобному для нас графику; уровень комфорта достаточно высок. Палаточный вариант привлекает своей дешевизной и романтикой, кроме того, все живут вместе, что упрощает организацию. Важно отметить, что полноценная археологическая экспедиция обычно состоит не только из аквалан-гистов, но и из штатных учёных-археологов, студентов и аспирантов, которым просто не по карману частный сектор, так что базовый палаточный лагерь имеется в любом случае. Разбредаясь по частным квартирам, экспедиция теряет организационное единство и коллективистский дух, совместное времяпрепровождение ограничивается, а общие планы ставятся под угрозу срыва.

Начальник экспедиции вице-президент АН Киргизии В.М. Плоских шёл, насколько возможно, нам навстречу, и в результате удалось достичь приемлемого компромисса: чётко организованное питание у участника неподалёку от палаточного лагеря. Некоторые аквалангисты с удовольствием готовили и питались вместе с археологами, но это были преимущественно те, кто не участвовал в ежедневных погружениях. В «сухопутном» отряде был трёхразовый режим питания, но ритм подводных работ не укладывался в это расписание – завтрак и ужин совпадали, а обед приходился на самую активную фазу погружений. Днём под водой

самое оптимальное освещение. Кроме того, если вместо работы устраивать обед, например с 13 до 14 часов, то с учётом необходимого по технике безопасности двухчасового перерыва остаётся время с 16 до 18, в лучшем случае до 19 часов. На сбор снаряжения, погрузку и возвращение требуется минимум два часа. Как следствие – возвращение к девяти часам вечера в базовый лагерь, поздно и затемно. Поэтому обед заменялся плотным завтраком и полдником непосредственно после погружения (примерно в 16 ч.) из взятых с собой продуктов.

Ещё одна важная сторона экспедиции – досуг. Свободными от работы могли оставаться половина дня или вечер, кроме того, некоторые воскресенья и ненастные дни. Возможности самостоятельного проведения досуга ограничивались окрестностями г. Чолпон-Аты, пляжем и дискотекой. Нам повезло, что академик В.М. Плоских, несмотря на собственные финансовые затруднения, всё же нашёл возможность для организации регулярных выездов и экскурсий по Иссык-Кулю. Это очень важно, поскольку большинство участников-непрофессионалов привлекает не в последнюю (а может быть и в первую) очередь романтика экспедиции, возможность посмотреть новое, интересное. С большим удовольствием проводились вечера у костра – рассказывались истории, морские и сухопутные байки, иногда завязывались и научные дискуссии. Отмечались дни рождения.

В целом, экспедиции на Иссык-Куль оказались на редкость удачными. Их научные достижения будут раскрыты в других докладах, но суть не только в этом. Мы надеемся, что проведённый нами анализ позволит избежать схожих ошибок другим организаторам научных экспедиций с некоммерческими целями.

Можно констатировать, что, в отличие от западных стран, в России, во-первых, пока невелика прослойка относительно состоятельных людей, готовых платить не за приобретение материальных ценностей, но за такую специфическую форму активного отдыха, как подводная археология. Во-вторых, нынешние условия финансирования науки привели к существенному снижению числа профессиональных подводных археологов, что резко повышает требования к уровню квалификации

аквалангистов-волонтеров, вынужденных работать под водой самостоятельно. В-третьих, в нашей стране пока отсутствует развитая инфраструктура, обеспечивающая проведение регулярных археологических раскопок, нет достаточно совершенной нормативно-правовой базы и юридической практики в этой области, что ведёт к невозможности заключения полноценного контракта между волонтером и руководством экспедиции. В настоящий момент всё держится на общем энтузиазме, а также организаторских и административных возможностях конкретных специалистов.

Тем не менее позитивные тенденции имеются. Можно надеяться, что «научный туризм» (этот термин мы ввели в оборот несколько лет назад и пока не подобрали более подходящего для краткого определения описываемого) со временем разовьётся в массовое движение на благо науки и общества.

ВЛИЯНИЕ ГИДРОЛОГИИ ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ НА АРХИТЕКТУРУ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА «АК-БУЛУН»

Пещерный комплекс, или катакомбы, расположенные на полуострове, в 500 метрах к востоку от одноимённого средневекового городища, находится в верхней части холма, высотой около 17 метров над уровнем воды. Предполагается, что в этих пещерах в средние века располагался один из монастырей (или его часть), предположительно армян-несториан. В XIX веке его могли использовать монахи Свято-Троицкого мужского монастыря, также располагавшегося неподалёку.

В настоящее время для обследования доступен лишь верхний уровень катакомб, имеющий размеры периметра около 5 x 7 м и находящийся не более чем в 3–5 м от вершины холма. Из воспоминаний старожилов и некоторых сохранившихся источников известно также, что существовал и второй уровень,

входы в который сейчас завалены. Обследование первого уровня подтверждает это наличием минимум трёх мест с характерными осыпями, уходящими вниз. На втором уровне, предположительно, имелось до 20–30 помещений-келий, соединённых, как и на первом, системой коридоров (схема 1).

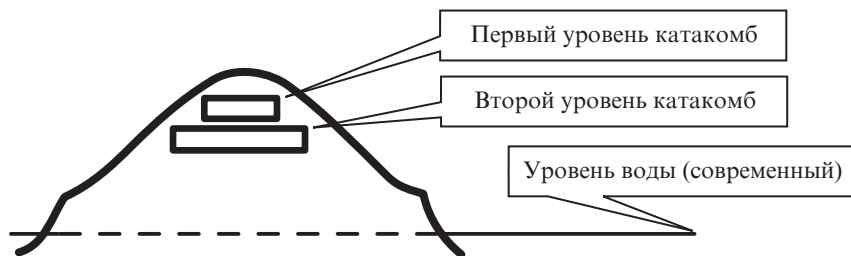

Схема 1.

Состояние, размеры катакомб, а также их непонятная приближённость к вершине холма (большинство известных подобных сооружений тяготеют к подножью) вызывают ряд вопросов и сомнений в возможности их существования в средние века, в том числе из-за относительной нестойкости грунта, в котором они прорыты.

Между тем имеющиеся данные об изменении уровня воды в рассматриваемые исторические промежутки времени позволяют сделать следующие предположения: если данный холм представлял (а возможно, и до сих пор представляет) собой сакральное место, в котором находился монастырь, святилище и т.п. в разные эпохи, тогда уровень их размещения по высоте должен был изменяться в соответствии с изменением уровня воды. Данные подводной археологии, полученные на протяжении ряда лет авторами данной публикации и другими исследователями, показывают, что даже для обычных поселений, расположенных в прибрежной зоне Исык-Куля, можно считать характерным повторное заселение одних и тех же районов после поднятия и последующего опускания уровня воды через 300–500 лет. Тем более если это место считалось особенно важным с религиозной точки зрения.

Вершина рассматриваемого холма на протяжении, по крайней мере, двух тысяч лет не скрывалась под водой полно-

стью, однако в XIX веке уровень воды был примерно на 5–6 метров выше современного. Следовательно, если катакомбы строились в этот период, то вход в них располагался как раз у подножья, несколько выше уреза воды, что вполне логично. В средние века уровень воды был на 5–7 метров ниже современного. Если в холме в тот период были катакомбы, то вход в них сейчас расположен под водой, близко к её поверхности, а общая площадь их могла быть существенно больше, то есть соответствовать достаточно крупному культовому сооружению (схема 2).

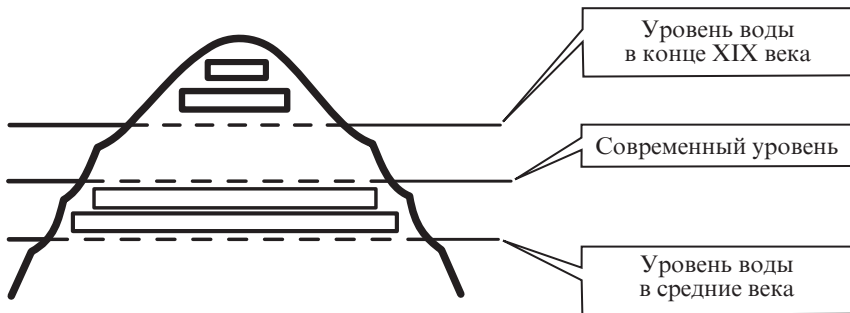

Схема 2.

Таким образом, если сакральная значимость холма достаточно велика, то для того, чтобы обеспечить функционирование катакомбного комплекса культового назначения, в разные исторические эпохи его приходилось переносить на более высокий уровень вследствие подъёма воды.

Проверить эту гипотезу можно, попытавшись найти следы входа на «средневековый» уровень катакомб под водой. Вход, вероятнее всего, подвергся обрушению, но даже если он сохранился, работы в подводных пещерах из такого нестойкого материала технически очень трудны и связаны с необходимостью соблюдения особых мер безопасности.

В связи с этим авторы считают необходимым предостеречь о недопустимости проведения таких работ без специального снаряжения, инженерного обеспечения и тем более аквалангистами, не обладающими необходимой квалификацией.

Нургиль РЫМБЕКОВА,
ведущий специалист Управления по развитию культуры в регионах
Министерства культуры КР

СТРЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОИНА

Согласно письменным источникам, древние тюрки вышли на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа и составивший мощную конкуренцию железному оружию Китая и Тибета, откуда до этого времени кочевники получали железное оружие [1: II, 172].

Археологическими разведками обнаружены древние железоплавильни и места добычи железной руды, неглубокие шурфы и забои на Алтае, в Туве, Хакасии, датированные VI–IX веками.

На территории Иссык-Кульской области найдены целые ремесленные комплексы с остатками железоплавильных печей и кричного железа (в городище Сары-Булун, на юго-западной оконечности озера Иссык-Куль и под волнами озера в районе с. Кара-Ой, с. Жаркымбаево и других местах).

Способ получения железа был сыродутным. Восстановление железа путём химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа считалось гораздо выше, чем доменного [2: 515].

Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготавливали однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли, наконечники стрел и копий [2: 516–521]. В отличие от них древние тюрки производили железо и железные предметы массового потребления. Широкое освоение тюрками железных рудников в VI веке позволило им даже дань жужаньцам выплачивать железом, поэтому в 546 году жужаньский правитель Анахуань называл древних тюрков «мой плавильный невольник» [1: I, 228].

Развитие металлургии позволило тюркам перевооружить свою армию и создать отборные ударные части из латной

кавалерии – «фули», или «бури» [1: I, 229] (тюркс. «бёрю», т.е. «волки»). В тактике боя тюрки наряду с атакой в рассыпном строю начали применять наступление панцирной кавалерии в плотно сомкнутом строю. Они также усовершенствовали оружие дистанционного и ближнего боя и защиты, разнообразили виды и типы вооружения. Военное искусство древних тюрков и их передовая для раннего средневековья военно-дружинная культура: вооружение и снаряжение всадника и боевого коня, структура военной организации и тактика ведения боя – позже были заимствованы другими кочевниками Евразии.

Археологический материал существенно дополняет сведения письменных источников о вооружении древнетюркских воинов. Предметы вооружения являются важным вещественным источником для реконструкции комплекса боевых средств тюркского периода, при оценке уровня развития экономики, развития военного искусства и военной истории кочевников.

При археологических раскопках, произведённых на территории Кыргызстана, предметы вооружения чаще встречались в мужских захоронениях. В курганах, датируемых XI–XIV веками, предметы вооружения в виде одного-двух наконечников стрел и кинжала представлены и в женских погребениях. В мужских погребениях обнаружены наконечники стрел, колчаны, луки и их детали, реже встречаются мечи, сабли, палаши. Комплект предметов вооружения около погребённых зачастую неодинаков. В некоторых погребениях он богаче, чем в остальных. Это даёт возможность судить о существовавшей социальной дифференциации. Разная укомплектованность погребений предметами вооружения связывалась, видимо, и с возрастными различиями погребённых. В могилах взрослых мужчин находили большее разнообразие предметов вооружения, нежели в могилах юношей и подростков.

Наиболее распространённые и многочисленные находки из захоронений – это наконечники стрел, которые используются в качестве эталонов для построения хронологических классификаций более широкого круга археологических памятников при их датировке. Найдены железные, костяные и деревянные наконечники стрел. Железные наконечники, датированные VI–X веками, в основном с трёхлопастными перьями, трёхгранные, пяти-

шестиугольные, ромбические, круглые, овальные и плоские в сечении. Некоторые наконечники стрел снабжались костяными «свистунками», о чём говорят отверстия округлой формы на наконечниках и костяные шарики, найденные на Иссык-Куле, в Нарынской, Таласской областях. Железные наконечники стрел с костяными «свистунками» известны ещё с гуннских погребений [3: 8]. Трёхлопастные наконечники стрел во второй половине I тыс. н.э. были ведущим типом железных наконечников, о чём говорит широкий ареал их распространения в Южной Сибири и Центральной Азии [4: 143–145]. На территории Кыргызстана трёхлопастные наконечники стрел с костяными «свистунками» и без «свистунков» найдены в кенкольской культуре, в подбойных и катакомбных погребениях юга Кыргызстана [5: 81, рис. 3; 6: рис. 12], в погребениях тюркского времени Чуйской долины [7: 45] и Иссык-Куля [8].

В связи с усилением защитных средств противника в VIII–X веках появляются разнообразные бронебойные наконечники. В это время широко распространяются трёхгранные и круглые наконечники, реже – овальные. До них в археологических материалах первой половины II тыс. до н. э. встречаются массивные плоские наконечники. Плоские наконечники были известны с гуннского времени, имели широкое распространение в тюркское время и во II тыс. н. э., а в монгольское время они входили в число ведущих типов наконечников стрел.

Наконечники стрел Тянь-Шаня XI–XIV веков делятся на три группы: плоские, линзовидные, молниевидные [7: 120–121]. В IX–XIV веках в качестве оружия дистанционного боя с бронебойным эффектом применялись томары – один из видов плоского наконечника. Томары представляли собой наконечники с тупым, постепенно расширяющимся остриём, образующим прямоугольное, а затем округлое сечение. Такое острие способствовало нанесению широкой раны и обладало бронебойными свойствами, которое могло применяться, например, для рассечения колец кольчуги [9: 101]. Об их широком использовании говорят археологические находки в Семиречье, на Алтае, в Южной Сибири и Центральной Азии.

«В IX–X вв. н.э. в эпоху “кыргызского великодержавия” военное искусство кыргызов достигло наивысшего расцвета.

<...> По типологическому разнообразию стрел, в особенности броневой формы, кыргызы значительно превосходили остальные кочевые племена центральноазиатского историко-культурного региона. Благодаря разнообразному набору высокоэффективных броневых стрел кыргызские воины имели возможность поражать защищённого доспехом противника в дистанционном бою на значительных расстояниях» [10: 50].

Плоские железные наконечники стрел также представлены в археологических памятниках XIII–XIV веков Урала и Поволжья [4: 39].

К броневой форме относятся также линзовидные наконечники. Они имеют остроугольное остриё, выделенную боевую головку, удлиненную шейку, упор, линзовидное сечение. Линзовидные наконечники известны по памятникам Центральной Азии, датированным XI–XIV веками [7: 122].

Молниевидные наконечники имеют овальное остриё, выступающие крылья, упор, слабо округлённые плечи. Единственный экземпляр овально-крылатого типа молниевидного наконечника в Кыргызстане найден в районе средневекового каравансарая Мына-Кельди. Такие наконечники были известны по археологическим материалам Минусинской котловины и датируются II тыс. н.э. [11: 113, рис. 3].

Костяные наконечники стрел использовались древними тюрками крайне редко, а в эпоху монголов применялись довольно мало, но различных форм, зачастую из-за нехватки железных наконечников. Костяные наконечники стрел найдены в могильниках Туура-Суу, Кара-Булун и в Кенкольском могильнике. За пределами Центральной Азии костяные наконечники известны в сарматских погребениях Нижнего Поволжья [12: 22, 34, рис. 5; 13: 494, рис. 61] и в поселении Забайкалья [14: 289, рис. 20].

Деревянные наконечники стрел в курганах практически не встречаются. Но один экземпляр деревянного наконечника найден в могильнике Туура-Суу вместе с железными и костяными наконечниками. Как полагают исследователи, они использовались для охоты на пушных зверей [7: 121–122]. Деревянный наконечник, по-видимому, прикреплялся к древку специальным клеем. Исходя из всего погребального комплекса, этот наконечник датирован XIII–XIV вв. н. э.

Древки стрел в курганах сохраняются редко. На основе археологических материалов установлено, что средняя длина может составлять около 55–65 см. В одном конце древко имело вырез для тетивы глубиной 0,5–0,7 см. Материалом для изготовления древка стрелы служили местные породы деревьев. По сохранившимся частям древка в одном кургане установлено, что оно было изготовлено из берёзы. Древки могли иметь отметины для распознавания стрел. Стрелы укладывались в колчаны, во многих случаях наконечниками кверху.

Таким образом, изучая основную часть стрел – наконечники, представленные в археологических материалах, в дополнение к сведениям письменных источников, можно проследить развитие военного дела и военного искусства у кочевников центральноазиатского историко-культурного региона:

1. Археологические материалы, относящиеся ко второй половине I тыс. н. э. – первой половине II тыс. н. э., обнаруженные на территории Центральной Азии и Южной Сибири, свидетельствуют о том, что кочевники этих регионов имели тесные историко-культурные связи, в том числе и военные.

2. Важнейшим оружием дистанционного боя кочевников служили стрелы, а потому совершенствование наконечников стрел от гуннского времени до броневой VIII–X веков было связано с усилением защитных средств противника.

3. Разнообразные по форме и материалу предметы вооружения говорят об их широком применении в жизни кочевников этого региона. Усовершенствование военного искусства привело к появлению новых типов вооружения и развитию военного искусства. Военное искусство древних тюрков, достигнув своего наивысшего расцвета, позволило им создать свою государственность.

4. Усовершенствование предметов вооружения и военного искусства кочевниками Центральной Азии позже оказало своё влияние на ход истории в регионе.

Литература и примечания

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т 2. – М., 1950.

2. *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
3. *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. – Л., 1940.
4. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986.
5. *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
6. *Баруздин Ю.Д.* Кара-Булакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. – Вып. 3 (История). Т. 3. – Фрунзе, 1961.
7. *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племён Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
8. Один экземпляр трёхлопастного наконечника стрелы со «сви-стунком» хранится в музее средней школы с. Шаты Тюпского района Иссык-Кульской области.
9. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских киргизов VI–XI вв. – Новосибирск, 1980.
10. *Худяков Ю.С.* Изучение панцирной конницы у древних тюрок и кыргызов // Диалог цивилизаций: Ежеквартальный научный журнал. – 2004. – № 2 (5).
11. *Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л.* Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины музея археологии Казанского университета // Военное дело древнего средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990.
12. *Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. – Саратов, 1947.
13. *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. – 1959. – № 60.
14. *Давыдова А.В.* Иволгинское городище (к вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. – 1956. – № XXV.
15. Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
16. *Сосновский Г.П.* Раскопки Ильмовой пади // СА. – 1946. – № VIII.

Людмила ДУБРОВСКАЯ,
к.т.н., КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов
(Казахстан)

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Введение

Объекты культурного наследия Казахстана имеют большое значение для изучения истории Казахстана и региона Центральной Азии в целом. Территория Казахстана богата различными памятниками культуры: это петроглифы (наскальное изобразительное искусство), археологические объекты, памятники архитектуры и истории, природно-исторические ландшафты.

Особый интерес представляют подземные культовые сооружения (мечети, святилища) на Мангышлаке. Уникальность объектов заключается в том, что это не традиционные постройки, фактически они являются горными выработками в пластах различных пород. Расположены они, как правило, у некрополей и находятся на значительном расстоянии от населённых мест. Сохранности этих сооружений способствуют как климатические условия, так и антропогенный фактор. В последние годы культовые сооружения привлекают большое количество верующих.

Климатические условия полуострова Мангышлак

Климат на территории Мангышлака резко континентальный. Осадков выпадает мало, лето сухое и жаркое, зима холодная. Для климата полуострова характерны большие величины годовых и суточных амплитуд колебания температуры воздуха и почв. Сухой и жаркий климат вызывает высокую испаряемость влаги. Величина испаряемости в десятки раз превышает количество выпадающих осадков. Ветры в районе дуют в течение года и способствуют быстрому испарению влаги.

За последние годы климатические условия на Мангышлаке изменились: значительно увеличилось количество выпадающих осадков. Это привело к интенсивному разрушению верхних пластов пород, в результате чего вода проникает в подземные культовые сооружения и способствует их разрушению.

Исследование сооружений

Для изучения подземных культовых сооружений был составлен план исследований, который включал следующие работы:

- изучение материалов по климатологии, геологии, гидрогеологии;
- изучение окружающей местности и состояния объекта;
- исследование физико-механических характеристик материалов сооружения;
- химический анализ материалов, слагающих объект;
- изучение температурно-влажностного режима сооружения (исследование изменений влажности и температуры воздуха внутри и снаружи помещений в течение года; исследование изменений влажности и температуры материалов внутри и снаружи помещений в течение года);
- разработка рекомендаций по сохранению культового сооружения.

По указанной программе были выполнены работы на следующих объектах: подземные мечети Бекет-Ата, Караман-Ата, Шопан-Ата, подземное святилище Султан-ефе.

Мечеть Бекет-Ата

Наиболее сложным объектом из перечисленных является мечеть Бекет-Ата. Мечеть существует более 200 лет и находится в 300 км от морского порта Актау. Сооружение расположено у подножия западного чинка плато Устюрт в живописном месте. Объект состоит из пяти помещений пещерного типа, которые соединены между собой проходами (рис. 1). Куполообразные пещеры вырублены в меловой скале с частичным заглублением в слой мергеля.

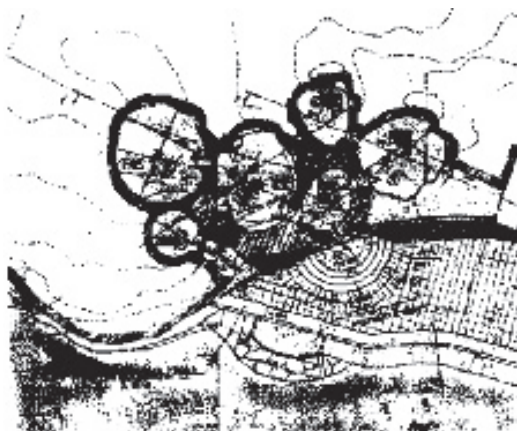

Рис. 1. План мечети Бекет-Ата

Исследования по намеченной программе на объекте выполнены в 1996–1997 годах [1]. Установлено, что поверхность массива горы состоит из урезанного трещинами слоя мела и раздробленной породы известняка. Ниже меловых пластов расположены слои мергеля, которые имеют отвесные поверхности. Мергель подвержен выветриванию – все поверхности покрыты коркой рыхлого материала. Слои мела и мергеля размываются дождевыми потоками в весеннее и осеннее время. Подземные воды образуются за счёт инфильтрации атмосферных осадков и частично за счёт конденсации. Уровень грунтовых вод в месте расположения мечети Бекет-Ата находится на глубине более 20 метров и не оказывает влияния на объект. В районе расположения мечети Бекет-Ата ниже по рельефу существует колодец с солёной водой. Недалеко от колодца находятся два родника.

Вода в родниках тоже солёная. Результаты исследования температурно-влажностного режима показали, что материалы сооружения внутри помещений находятся в сухом состоянии в течение года, влажность их редко превышает 1%. Заметного накопления влаги в материалах внутри помещений за зимний период не происходит. Влажность воздуха и материалов снаружи имеют повышенные значения только в период выпадения осадков. Из-за высокой испаряемости влаги и ветров, дующих в районе в течение всего года, материалы быстро высыхают. В меловом

слое наиболее интенсивному разрушению подвержены рыхлые породы – они размываются дождевыми водами, так как скорость потоков воды на горном рельефе значительно возрастает. Слои мергеля за счёт высокой плотности (до 2,08 г/см³) разрушаются медленнее меловых, кроме того, мергелевые слои защищены сверху меловым слоем.

Археологической экспедицией были проведены лабораторные исследования состава почвы горы, в которой вырублены пещеры с устроенной в них мечетью Бекет-Ата. Определены физико-механические характеристики мела и мергеля, сделан химический анализ этих материалов. Выполнен анализ состава и содержания водорастворимых солей материалов. Разработаны растворы для консервации поверхностей разрушающихся материалов – мела и мергеля. Выполнен цикл лабораторных испытаний для предложенных защитных растворов: определены физико-механические характеристики растворов (прочность, водопоглощаемость, морозостойкость, паропроницаемость, сорбционная влажность, водоразмываемость). Растворы для консервации поверхностей разработаны на основе местных материалов – мела и мергеля.

Исследователями были выработаны рекомендации по защите сооружения от разрушения. Предложены меры по защите от размывания меловой поверхности горы, в которой устроена мечеть, а также слоёв мергеля. Для этого вода отведена на менее опасные участки: с верхней части массива горы она отводится по лоткам вниз, в организованные русла. Для защиты меловых поверхностей от размывания разработан раствор, состоящий из мела с добавкой гипса, с последующей обработкой поверхности раствора составом на основе ортофосфорной кислоты. Разработанный раствор не разрушается при испытании на водоразмываемость и выдерживает более 30 циклов при испытании на морозостойкость. Для защиты мергелевого слоя разработан раствор на основе мергеля с различными добавками. Раствор на основе мергеля также не размывается водой и выдерживает 10 циклов при испытании на морозостойкость.

Разработана технология приготовления и нанесения растворов для консервации природных материалов (мела и мергеля), которые подвержены разрушению.

Работы по консервации на объекте выполнялись под руководством специалистов института НИПИ памятников материальной культуры в течение 1999–2000 годов. Сложность работ заключалась в том, что они выполнялись на горном рельефе. При производстве работ применялось альпинистское снаряжение для страховки рабочих и перемещения грузов по рельефу горы.

Обследование объекта в 2004 году показало, что в целом новые растворы хорошо защищают природные материалы от разрушения. В случае нарушения технологии приготовления или нанесения растворов наблюдается разрушение консервационных растворов на отдельных участках.

Мечеть Караман-Ата

Подземная мечеть Караман-Ата расположена на территории одноимённого некрополя XIII–XX вв. в 70 км от Каспийского моря. В отличие от мечети Бекет-Ата, подземная мечеть Караман-Ата находится на относительно плоском участке. Сооружение состоит из нескольких пещер, соединённых проходами (рис. 2).

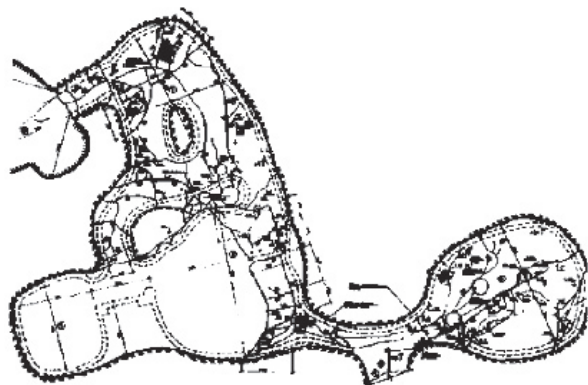

Рис. 2. План мечети Караман-Ата

Перекрытием служит природная толща известняка, которая опирается на слои мергеля, над двумя помещениями перекрытие обрушено. В отдельных помещениях для поддержки перекрытия дополнительно установлены колонны. В перекрытии

имеется несколько световых проёмов. Помещения мечети вырублены в пластах мергеля.

Известно, что в 80-е годы на объекте были начаты ремонтные работы. Поверхности стен и колонны (которыми служат слои мергеля) были обложены блоками из ракушечника на цементном растворе. Кладка из ракушечника в отдельных местах оштукатурена цементным раствором. Ремонтные работы не были завершены.

При обследовании установлено, что цементная штукатурка за более чем 20-летний период разрушилась. Поверхность природных слоёв мергеля, скрытая за кладкой из ракушечника продолжала разрушаться. Обрушенное перекрытие повлекло за собой разрушение природных материалов внутри помещений.

В результате изучения температурно-влажностного режима получены данные о параметрах воздушной среды внутри и снаружи помещений, данные о влажности и температуре материалов внутри и снаружи. Установлено, что каменное перекрытие разрушается из-за проникновения осадков через трещины, в результате чего на поверхности перекрытия (внутри помещений) образуются корки кристаллов. Поверхность камня выветривается. Наиболее подвержены выветриванию слои мергеля. Хотя сам мергель как материал достаточно прочен, однако порода мергеля раздроблена, в связи с чем происходит интенсивное выветривание породы.

По проекту консервации выполнено следующее:

- восстановлено обрушенное перекрытие, что уменьшило воздействие природных факторов на материалы;
- трещины в каменном перекрытии заполнены специальным раствором для исключения попадания осадков в толщу камня;
- удалена обкладка стен из ракушечника, живописные природные стены из мергеля открыты для обзора;
- выполнена консервация стен из мергеля специально разработанным раствором [2];
- восстановленное перекрытие и перегородки между помещениями оштукатурены специальным раствором под природные поверхности.

Работа по консервации выполнена в 2002 году, в настоящее время состояние объекта хорошее, разрушения материалов не отмечено.

Мечеть Шопан-Ата

Мечеть Шопан-Ата расположена на территории некрополя Шопан-Ата IX–XIX вв. и представляет собой несколько помещений, вырубленных в толще скальных пород (рис. 3). Перекрытием служит слой природного камня (известняк). Непосредственно к мечети с правой стороны примыкают помещения, перекрытие над которыми утрачено.

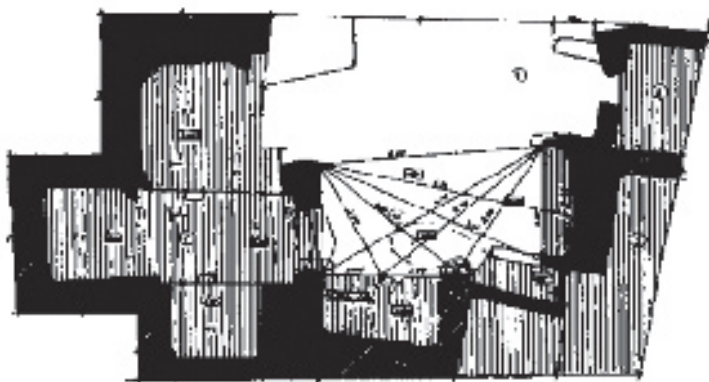

Рис. 3. План мечети Шопан-Ата

Осадки постепенно разрушали породы, которые служили полом в этих помещениях и образовывали углубления в них. В углублениях после дождя собиралась вода, что приводило к подтоплению помещений мечети (проходов, коридоров). Для предотвращения дальнейшего разрушения сооружения необходимо было восстановить утраченное перекрытие.

В первую очередь требовалось соорудить водоотвод с территории, расположенной над перекрытием помещений, примыкающих с левой стороны от центрального зала мечети. Над перекрытием помещений мечети образовалось углубление природного происхождения, в котором собиралась вода и по трещинам просачивалась внутрь, из-за чего на потолке происходило разрушение верхнего слоя камня под воздействием влаги. В это довольно большой площади углубление собиралась вода с соседних склонов. Ранее предпринимались попытки отвести её в другое

место, однако они не увенчались успехом и вода продолжала проникать в толщу перекрытия.

При обследовании помещений мечети каких-либо деформаций в стенах и перекрытиях не зафиксировано. В помещениях, где ранее проводились реставрационные работы, отмечено разрушение материалов на границе соприкосновения природного камня и восстановленных участков стен – происходит отслаивание цементной штукатурки от камня.

Для сохранения сооружения был разработан проект консервации, предусматривавший:

- организованный водоотвод с территории, расположенной над перекрытием помещений, примыкающих с левой стороны от центрального зала;
- восстановление утраченного перекрытия над помещением правого крыла мечети.

Работы на объекте были выполнены по проекту в 2004 году.

Святылище Султан-епа

Святылище Султан-епа находится на Восточном чинке плато Тюбкараган, на юго-западной стороне каньона, выходящего к морскому заливу Сарыташ. Обследование объекта выполнено в октябре–ноябре 2003 года.

Сооружение состоит из наземной и подземной частей. Наземная часть выполнена из каменной кладки без раствора. Подземная часть представляет собой выработку в пластах горных пород с дополнением из каменной кладки, выполненной также без раствора. В плане объект обследования имеет криволинейные очертания (рис. 4).

Святылище включает несколько помещений, соединенных узкими и низкими лазами. Полom подземных помещений служит пласт известняка-ракушечника. Перекрытие подземных помещений представляло собой слой природного камня (известняк-ракушечник) переменной толщины. Этот же слой природного камня являлся полом в наземных помещениях и на момент обследования был обрушен.

В центральном помещении (2) каменное перекрытие потрескалось и разделилось на блоки. Ширина раскрытия трещин в

перекрытия составляла от долей миллиметра до нескольких сантиметров (1,5–10). Многие трещины забиты продуктами выветривания камня. Блоки перекрытия опираются с одной стороны на слой суглинка, с другой стороны заклинены соседними блоками. Отдельные блоки сместились вниз на несколько сантиметров. В местах смещения блоков перекрытия установлены подпорки из камня в виде колонн.

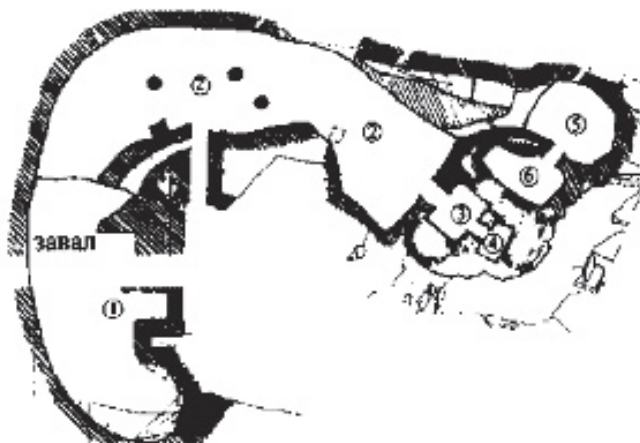

Рис. 4. План святилища Султан-ене

Стенами сооружения служат кладка из камня ракушечника и пласты горных пород. В кладке из ракушечника в отдельных местах образовались промоины от паводковых вод, в ней отмечены следы прежних ремонтов. Кладка наземных помещений частично разрушена, а сохранившаяся имеет сильный уклон в сторону обрушившегося перекрытия.

Пласты горных пород в подземных помещениях подвержены выветриванию. Приведём возможные причины разрушения каменного перекрытия:

- природная трещиноватость камня;
- перегрузка от кладки наземной части в местах расположения трещин в камне перекрытия;
- деформация изгиба каменного перекрытия из-за просадки слоя суглинка, на который перекрытие опирается. Просадка слоя суглинка вызвана замачиванием паводковыми водами.

Отдельные участки перекрытия: в помещении 2, в местах расположения колонн – находятся в аварийном состоянии. В случае восстановления кладки наземной части дополнительная нагрузка может вызвать обрушение перекрытия.

В помещении 4 каменная кладка в нижней части размыта паводковыми водами, что может привести к дальнейшему её разрушению. Через трещины в перекрытии осадки проникают внутрь и оказывают разрушающее воздействие на материалы.

Для предотвращения дальнейшего разрушения сооружения в проекте консервации предусматривалось следующее:

- соорудить водоотвод с территории, расположенной над перекрытием помещений;
- полости, через которые вода поступает внутрь помещений, заложить камнем, пустоты между камнями заполнить жирным глиняным раствором;
- заделать трещины в каменном перекрытии;
- произвести консервацию каменного перекрытия внутри помещений в местах шелушения камня;
- произвести консервацию стен из пластов горных пород внутри сооружения для предотвращения его выветривания.

Работы по консервации сооружения выполнены по проекту.

Опыт консервации сырцовых объектов

В научно-исследовательской и экспериментальной лаборатории строительных материалов и реставрационных технологий КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов (до 2006 года РНИПИ памятников материальной культуры) в 1987–1993 годах выполнены работы по консервации резной лёссовой штукатурки, извлечённой из раскопок цитадели городища Костобе и загородного дворца Кулан [3]. Консервация производилась пропиткой материала полибутилметакрилатом. Резная лёссовая штукатурка после консервации хранится в музее и находится в удовлетворительном состоянии.

На археологическом раскопе (городище Куйруктобе) были проведены натурные испытания по закреплению древних сырцовых материалов методом пропитки. Получен отрицательный результат.

Дальнейшие исследования были направлены на разработку защитного раствора для современных и археологических сырцовых конструкций. В результате был получен водостойкий глиняный раствор с традиционными добавками. Раствор был испытан в натуральных условиях на участке крепостной стены в г. Туркестане в 1998 году. Стена под водостоком была обмазана этим раствором и, несмотря на потоки воды, хорошо сохранилась до настоящего времени.

Для применения подобного раствора на других объектах необходимо подобрать состав добавок к местной глине.

Заключение

В процессе обследования и изучения подземных объектов на Мангышлаке приобретён определённый опыт. Как правило, разрушение материалов сооружений и самих сооружений чаще всего вызвано запущенным состоянием объектов. Зачастую достаточно осуществить профилактические мероприятия для устранения причин разрушения. Работы по консервации подземных сооружений на Мангышлаке позволили защитить их от разрушения. Разработаны новые составы растворов для защиты меловых напластований и мергелевых пород. Для защиты сырцовых конструкций с помощью обмазок разработан состав неразмываемого раствора на основе глины.

Литература

1. *Dubrovskaya L.V.* Conservation of Beket-Ata mosque: State Institute for Scientific Research and Planning on Monuments of Material Culture Republic of Kazakhstan // Iran. – 2002. – February.

2. *Dubrovskaya L.V., Char Una L.P.* Conservation on underground mosques of Western Kazakhstan / 9th International Conference on the Study and Conservation of Earthen Architecture Terra // Iran. – 2003. – February.

3. *Чарлина Л.Ф., Дубровская Л.В., Куземцева Н.В.* Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // Материалы конференции «Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии». Алматы, 11–12 мая 2004.

Радий НУРМАМЕТОВ,
зав. отделом внешних связей
Министерства культуры КР

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ПРЕДМЕТОВ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА НА ИССЫК-КУЛЕ

В начале 70-х годов на окраине с. Курменты вблизи курментинского цементного завода при разработке карьера местными рабочими случайно был обнаружен клад. К сожалению, сейчас установить точное местонахождение клада не представляется возможным, поскольку рельеф местности на этом участке претерпел серьёзные изменения. К тому же клад был разделён между тремя участниками находки, и в дальнейшем предметы сменили несколько владельцев. До настоящего времени сохранилась лишь часть предметов у одного из них, так как он тщательно скрывал их из-за некоторых суеверий.

Оба крестика по устойчивым морфологическим признакам идентичны. Описание: материал – бронза; техника литья; длина вертикальной части – 3,1 см, горизонтальной – 2,6 см; подвесной, нательный; по поверхности концов – слегка выпуклый бортик, описывающий форму конца; концы в форме трилистника; верхний конец оканчивается отлитым вместе с крестом выступающим ушком с диаметром отверстия 0,4 см, которое находится в плоскости, перпендикулярной плоскости предмета; обратная сторона гладкая, с незначительными неровностями (рис. 1).

Рис. 1. Крестик из случайного клада в с. Курменты

В кладае находилось несколько бронзовых и серебряных вещей: бронзовые перстни (один со свастикой) и серебряный перстень низкой пробы с арабской надписью,

бронзовый браслет с неопределёнными рисунками или знаками; разноцветные стеклянные бусы, но особое внимание в этой случайной находке привлекают два нательных крестика. Обследование показало, что оба крестика по устойчивым морфологическим признакам идентичны.

Крест – один из главных христианских символов и предмет христианского культа. Знаки с изображением креста и крестообразных фигур известны в пещерной живописи каменного века и в наскальном искусстве на протяжении всех эпох, начиная с верхнего палеолита.

В первобытных сообществах крест, возможно, использовался как фетиш. В эпоху бронзы изображение круга с внутренним перекрестием имело значение солярного символа – знака Солнца. В закрытых комплексах андроновской культуры зафиксированы находки крестообразных украшений из бронзы, схожих по внешним признакам со случайной находкой из Курменты. Как религиозный символ крест широко представлен в верованиях древних цивилизаций: Древнего Египта, Шумера, Вавилона, Ассирии, Греции, Рима. В Римской империи деревянное сооружение в форме креста являлось орудием казни рабов и лиц, не имевших римского гражданства. Процедура казни была намеренно унижительной и мучительной, зачастую приговорённых заставляли нести кресты публично к месту казни.

Христианская традиция связывает поклонение кресту с евангельским рассказом о распятии на кресте Иисуса Христа. В христианстве символ креста испытал сложную и долгую трансформацию.

Культ креста был установлен и введён в христианское богослужение в IV в. н.э. Среди ранних христианских символов (рыба, хлеб, агнец, голубь и др.) крест не встречается. Христианские богословы считают, что на протяжении первых трёх веков этот знак относился к области *disciplinae arganae*, т.е. к кругу тех христианских верований и обрядов, которые хранились в тайне от язычников. С V века крестами стали украшать церковные абсиды и возводить кресты на крышах христианских храмов. Примерно около 400 года появляется изображение распятия – фигуры Христа на кресте, а с XI века кресты ставятся на

алтарях. Широкое распространение получили нательные кресты и энколпионы [1]. В V веке знак креста стали изображать на титульном листе дипломов и других документов, а также перед подписями в официальных документах и актах; позже вместо подписи стали просто ставить три креста, что называлось на юридическом языке *cruce subscribere*. Кто нарушал подписанный крестами договор, тому назначалось двойное наказание. Крест ставился под рецептами врачей, на могилах, при обозначении года чьей-либо кончины. Изображение креста проникает и в символику светской власти: кресты на диадемах монархов, на монетах, в гербах [2: 19].

В истории русской православной церкви вопрос о форме креста приобрёл принципиальное значение во второй половине XVII века. В то время как у католиков и христиан других вероисповеданий практикуется почти исключительно повсеместно крест четырёхконечный (лишь в XIII–XV вв. был также в употреблении, особенно при папском и епископском богослужении, крест восьмиконечный), русские старообрядцы признают единственно правильным восьмиконечное изображение креста, отвергая как ересь крест четырёхконечный («латынский крыжъ»), как, впрочем, и всякие другие. Русская православная церковь допускает одинаково восьмиконечную, шестиконечную и четырёхконечную формы креста, и лишь в «чине освящения нового дома», пишется в одной из богослужебных книг, вменяется в обязанность изображать на стенах дома крест восьмиконечный, с надписями и с изображениями копыя и трости.

Полемика старообрядцев против русской православной церкви с обращением в качестве доказательства к данным археологии XVIII–XIX веков изложена в символической книге старообрядцев «Поморские ответы», а опровержение старообрядческого мнения представляет весьма обширную литературу, начиная с «Жезла правления» Симеона Полоцкого (1666 г.) и кончая новейшими учебниками духовных семинарий по обличению старообрядства. Результаты открытий и исследований в области церковной археологии склоняют решение спорного вопроса в сторону православной практики, т.е. полного безразличия трёх указанных выше форм креста [3].

Культурная и хронологическая принадлежность

Вопросы культурной и хронологической принадлежности предметов христианского культа, несмотря на большое количество литературы, посвященной иконографии и ставрографии, нельзя отнести к детально разработанным в плане исторической атрибуции. Хотелось бы выделить статью П.Д. Диатроптова «Христианская символика на позднееримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса IV–VII вв. н.э.» [4: 118–128]. Взяв за основу типологию Дж. Хейса, П.Д. Диатроптов разбивает на типы изображения крестов на исследованных сосудах и приводит датировки по Хейсу и А.В.Сазанову (первая – для Средиземноморья, вторая — для Причерноморья). Приведённые датировки А.В. Сазанова по сравнению с датами Дж. Хейса являются более поздними.

Атрибуция предметов христианского культа, найденных в Средней Азии, решается исследователями, в основном, на основе личного опыта и интуиции. И можно только приветствовать любые усилия по систематизации и классификации, созданию типологических рядов.

Часто предлагается общее подразделение всех изображений в различных видах искусства на фигуративные и абстрактные. Однако изображение креста подчёркивает условность такого подразделения. Во-первых, символ креста, на первый взгляд кажущийся абстрактным, учитывая его наличие ещё в пещерной живописи, в христианстве наделён конкретным смыслом. Во-вторых, изображения креста сопровождаются фигуративными элементами: процветший крест, рельеф распятого Христа и т.п. Несмотря на кажущуюся простоту самого символа, его изобразительные вариации обладают большим количеством признаков, осложняющих классификацию изображений, предметов и артефактов.

Статья Г.А. Терновой «Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет» [5: 176–193] представляет один из первых примеров по систематизации имеющегося археологического материала. Материал не позволяет к настоящему времени создавать типологические ряды ввиду недо-

статочного количества предметов. Опыт составления классификаций показывает, что необходимы серии из от 70 до 100 более или менее однородных предметов или изображений для последующей исторической реконструкции. В настоящее время известно более двух десятков археологических находок нательных крестов, в основном из Чуйской долины и Прииссыккуля. Самая большая коллекция собрана А.М. Камышевым и В.Д. Горячевой с Краснореченского и Ак-Бешимского городищ.

Автором накоплена также большая коллекция изображений крестов на надмогильных памятниках, кайраках, керамике и, что очень интересно, в виде петроглифов. Общее количество позволяет приступить не только к описанию, но и к классификации на основе типологических рядов.

Для предметов христианского культа применимы классификация по морфологическим и декоративным признакам с учётом надписей и клейм, классификация по стилистическим и семантическим признакам, функциональная и технологические классификации.

В чём важность и необходимость составления таких классификаций для предметов христианского культа? Все эти типы предметов обладают датирующими признаками и могут служить важным материалом для культурной атрибуции. Внешняя форма предметов имеет закономерные связи с назначением, употреблением, распространением, а также с конфессиональной, этнической и хронологической принадлежностью. Огромную ценность для исторической науки имеют типологические классификации скифо-сакской, согдийской, древнетюркской торевтики, предметов искусства, каменных изваяний и петроглифов. В петроглифике успешно используются хронологические колонки для атрибуции вновь обнаруженных изображений. Несомненно, что и для изучения распространения христианства в эпоху поздней античности и раннего средневековья данные археологии и изобразительные памятники, систематизированные и типологически классифицированные, окажут неоценимую помощь.

Попробуем предвосхитить создание типологических рядов следующим образом хронологической матрицы для изображений креста на различных памятниках (*табл. 1*).

Таблица 1.

	Тип креста			Материал					Функциональное назначение				
				Металл	Камень	Дерево	Кость	Другие	Нательный	Надмогильный	Архитектурный	Живописный	Литургический
IV в. – конец V в. Инкубационный период													
Конец V в. – конец VI в. Период распро- странения (диссе- минации)													
Конец VI в. – 869 г. Период конфирмации													
869 – 1025 гг. Период канонизации													
1025 – 1270 гг. Период дифференциации													
1270 – 1517 гг. Орденский период													

Морфологическая история и типология

Вопрос о достоверной форме и других признаках креста, на котором был распят Иисус Христос, до настоящего времени остаётся в области исторических спекуляций. По описаниям в церковных источниках крест как орудие казни в разных частях римской

империи был неодинаковой формы: в одних случаях – как вертикально установленный в землю брус или бревно, два бруса, сложенных в виде знака «X» (лат. *cruх decussata*); в других – как два бруса в виде буквы Т (первоначально египетский крест – лат. *cruх commissa vel patibulata*, – в дальнейшем разбойничий крест или Антониевский). Первое изображение распятия, как полагают, намеренно искажённое и карикатурное, относится к середине III в. Оно было открыто в 1857 году при раскопках Палатинского холма в Риме и имеет также форму Т-образного знака.

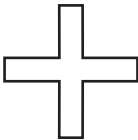
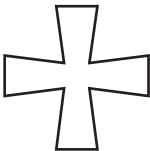

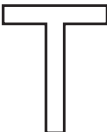
Знак «Т» был не только буквой алфавита греческого и латинского. Вероятнее всего, он был заимствован греками у финикийцев и египтян, для которых был символом счастья и радости, а также иероглифом. В качестве культового символа будущей, загробной, блаженной жизни он был воспринят и первыми христианами, так что можно предположить, что первоначальные изображения, встречающиеся преимущественно в христианских гробницах I–V веков, вовсе не означают собой крест Иисуса Христа.

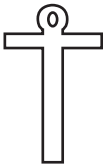

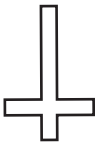

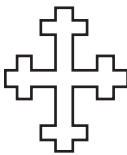

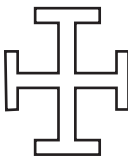
Гораздо реже встречалась четырёхконечная форма креста (лат. *cruх immissa vel capitata*), когда горизонтальная балка прикреплялась не поверх вертикального бруса, а несколько ниже. По мнению большинства археологов [6], к элементам креста как орудия казни относились также седалище (лат. *sedile*) – кусок дерева в виде рога, вставленный в продольный брус спереди, посередине, так что распятый опирался на него или сажался верхом (отсюда латинские фразеологизмы *cruce sedere*, *cruce inequitare*), и подножие (лат. *suppedaneum*) – кусок дерева, на который опирались ноги распятого. Над головой казнимого большей частью прикреплялась дощечка, на которой обозначалось преступление распятого. Если эта дощечка и подножие выступали за продольные грани вертикального бруса, то крест имел форму семиконечного или восьмиконечного; если ни дощечка, ни подножие не выступали за грани бруса, то крест был четырёхконечным; наконец, если за грани выходило только одно подножие или одна дощечка, то крест был пятиконечным или шестиконечным.

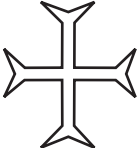

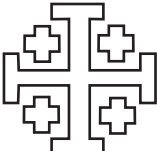
Письменные источники об изображениях креста, бытовавших и использовавшихся на заре христианства, весьма разноречивы. Тертуллиан сообщает: «Греческая буква тау, а наша (латинская) Т есть образ креста» [7]. Апостол Варнава [8] в своём

послании, при объяснении слов пророка Иезекииля (60) «сказал Господь: пройди посреди града [Иерусалима] и изобрази тау (Т) на лицах всех болезнующих о беззакониях», говорит: «...в букве тау ты имеешь крест» [9: 147]. Но гораздо большее количество письменных свидетельств и вещественных памятников говорит в пользу формы *сгux immissa*. Ириней Лионский [10] и Иустин-философ [11] говорят о кресте Иисуса Христа пятиконечном. По словам Нона [12], Иисус Христос умер на древе четырёхконечном *tetrapleuron*. Иероним [13] сравнивает крест Иисуса Христа с летающей птицей, Иустин – с Моисеем, распростёршим руки на молитву – эти сравнения также указывают на четырёхконечную форму креста Иисуса Христа. Яснее всех свидетельство блаженного Августина [14]: «...была широта, в которую простёрты были руки, длина, поднимающая от земли, на которой пригвождено было тело, высота, выдающаяся вверх над поперечною перекладиною» [6].

Представленные ниже типы наглядно показывают наличие большого разнообразия крестов по форме, по количеству концов, по технике исполнения.

<p>Латинский крест (Крест страстей Господних)</p> 	<p>Греческий крест</p> 	<p>Херсонский (Корсунский) крест</p>
<p>Патриарший крест. Русский православный (старообрядческий) крест</p> 	<p>Крест св. Антония (тау-крест, разбойничий)</p> 	

<p>Геральдический Андреевский крест. Бургундский крест</p> 	<p>Константиновский крест в форме монограммы Христа (XP)</p> 	
<p>Крест с ручкой</p> 	<p>Кардинальский крест</p> 	<p>Папский крест</p>
<p>Крест св. Петра</p> 	<p>У-образный или вилообразный крест</p> 	<p>Мельничный крест</p>
<p>Крест с фигурными концами в виде клеверного листа</p> 	<p>Крест с вторичными пересечениями</p> 	
<p>Крест св. Якова (яковитский)</p> 	<p>Лотарингский крест</p> 	<p>Иерусалимский крест</p>

<p>Мальтийский крест</p> 	<p>Армянский расщеплённый крест</p> 	<p>Пизанский крест</p>
<p>Прцветший крест</p> 	<p>Несторианский крест</p> 	<p>Пятичастный крест</p>

Об эволюции формы креста в целом можно говорить как от простого к сложному. Прямые линии заменялись кривыми, формы концов усложнялись и декорировались различными элементами. Сложилась общая тенденция: каждое новое направление в христианстве (а с XI века и политическое течение) заявляло о себе новой формой креста. Новая форма креста была в средневековой политической реальности подобно эмблеме или логотипу для современных партий.

Можно с достаточной точностью говорить о нижней дате той или иной формы креста. Однако абсолютная датировка и верхние даты представляют большую сложность. Например, с позднего средневековья и до наших дней нательные кресты имеют самые различные формы.

При столь большом числе различных вариаций изображения креста необходимо выработать формализованный подход. Представляется, что если описать вокруг креста окружность как минимум вокруг трёх основных концов, то соотношение следующих критериев – расположение центра описываемой окружности, угловое положение основных перекрестий, симметричность – даёт возможность для выделения основных формальных

типов. При таком подходе мы имеем четыре основных типа (исключая монограммы):

- I. Классический
- II. Тау-тип
- III. X-тип
- IV. Y-тип

Классификация осуществляется по следующим основным признакам: центр описываемой окружности, угловое положение перекрестий, симметричность и др.

Если составить визуальный ряд из известных к настоящему времени археологических находок, относящихся к раннему средневековью, то в отношении крестика из Курменты можно отметить следующее:

1) по устойчивым морфологическим признакам он имеет сходство с крестиком из Херсонеса (из известных на севере Кыргызстана и в Семиречье изображений и артефактов ближе всего по этим признакам крест из Невакета и изображение на кайраке из Саруу);

2) по общему историческому типу он имеет сходство как с пизанским, так и некоторыми разновидностями орденских;

3) по форме оформления концов имеется некоторое сходство с изображением на надмогильном камне с армянскими письменами, найденном вблизи Бишкека.

Крест из Курменты

Крест из Херсонеса

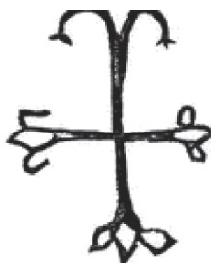
Крест из Невакета

Пизанский крест

Изображение на кайраке
из Саруу

Изображение креста на
надмогильном камне армянского
епископа (из окрестностей Бишкека)

Надмогильный камень из Саруу

Надмогильный камень
из Невакета (Красная Речка)

Несомненно, нас ожидают дальнейшие находки предметов христианского культа, которые позволят дополнить имеющийся материал, а также заполнить и, вполне вероятно, скорректировать предложенные табличные формы. Систематизированные археологические данные дадут возможность аргументированно атрибутировать многочисленные находки, в частности случайные, и создавать полноценные исторические реконструкции относительно распространения христианской культуры на Восток.

Литература и примечания

1. Энколпион (пер. с греч. – за пазухой, на груди). Сначала имели форму четырёхстороннего ящичка, пустого внутри; с наружной стороны – изображение монограммы имени Иисуса Христа, а позже кресты различной формы. В этом ящичке хранились частицы мощей, а в эпоху гонений – списки священных христианских книг. В этом виде они стали принадлежностью епископского сана и носились епископами поверх одежды. Кресты-энколпии были также принадлежностью царского торжественного облачения в Византии, а позже и в России, до Петра Великого. В XVIII в. энколпии с ящичками внутри выходят из употребления и заменяются для епископов цельными крестами меньшей величины, сделанными из металла или финифти.

2. *Нейхардт А.А.* Происхождение креста. – М., 1956.

3. *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках и монографии. – СПб., 1892.

4. *Диатроптов П.Д.* Христианская символика на позднеримской краснолаковой керамике Боспора и Херсонеса IV–VII вв. н.э. // В сб. «Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье»: Труды ГИМ. Вып. 102. – М., 1998.

5. *Терновая Г.А.* Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2004.

6. См. *Барсов Н.И.* Об эволюции христианства // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона / Под ред. *И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского.* Т. 64. – М., 1890-1907.

7. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*, v. 19, 47, 69, 70, 76, Vindobonae, 1890–1957 – См. в рус. пер.: Творения, ч. 1. – Киев, 1910. – С. 157.

8. ВАРНАВА (Июсия) (ум. в 62 году) – апостол от 70-ти, друг и сподвижник апостола Павла (Деяния апостолов 4: 36; 9: 27 и др.),

епископ Медиоланский, Кипрский; пострадал в г. Саламис (Кипр); ему приписывается апокрифическое «Послание Варнавы», не вошедшее в новозаветный канон.

9. Acta apostolorum apocryphorum. – Leipzig, 1851.

10. **ИРИНЕЙ ЛИОНСКИЙ** (ок. 130 г. – ок. 200 г.) – христианский богослов, мученик, епископ г. Лиона. Ученик Поликарпа Смирнского и пресвитеров, видевших ещё апостола Иоанна Богослова. Главное сочинение «Обличение и опровержение лжеименного знания» (на греческом языке) – полемика с еретическими учениями гностицизма.

11. **ИУСТИН ФИЛОСОФ И МУЧЕНИК** (ок. 100 г. – ок. 166 г.) – один из первых христианских писателей-апологетов, отец Церкви. Казнён в Риме, где руководил христианской школой. Автор двух апологий «в защиту христиан» (150 и 162 гг.) и философско-богословского «Разговора с Трифоном иудеем»; попытался использовать наследие греческой философии для раскрытия христианского вероучения.

12. **НОНН ПАНОПОЛИТАНСКИЙ** (V в.) – греческий поэт конца античности. До нас дошли поэма «Деяния Диониса» и переложение «Евангелия от Иоанна». Реформатор гекзаметра, попытался приблизить структуру античного стиха к живой речи.

13. **ИЕРОНИМ (Hieronimus) СТРИДОНСКИЙ** (ок. 342 г. – 420 г.) – христианский писатель и богослов, один из великих учителей Западной церкви. Друг и секретарь (382–384 гг.) папы Дамаса, после смерти которого отправился на Восток и с 386 г. жил в Вифлееме. Ему принадлежит латинский перевод Библии (т.н. Вульгата) – догматико-полемические и нравоучительные сочинения, книга «О знаменитых мужах» (о жизни и сочинениях отцов Церкви и церковных писателей первых четырёх веков).

14. **БЛАЖЕННЫЙ (Augustinus Sanctus) АВРЕЛИЙ** (354–430 гг.) – христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики. Епископ города Гиппон (Северная Африка). Родоначальник христианской философии истории (сочинение «О Граде Божием»): «земному граду» – государству – Августин противопоставлял мистически понимаемый «Божий град» – церковь. Развил учение о благодати и предопределении. Автобиографическая «Исповедь» Августина, изображающая становление личности, отличается глубиной психологического анализа. Христианский неоплатонизм Августина господствовал в западноевропейской философии и католической теологии вплоть до XIII века.

ОЦЕНКА ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Современная концепция культурного наследия целиком охватывает всю искусственно созданную человеком среду и рассматривается в общем экологическом контексте планеты Земля, именно в этом контексте объекты культурного наследия признаны обладающими выдающейся культурной ценностью. Политика их сохранения должна основываться на критическом анализе, начиная с обследования, составления документации, определения их истинного культурного потенциала и присущих ему ценностей, которые можно подразделить на две группы: культурные ценности и современные социально-экономические ценности.

Сохранение культурного наследия – это, прежде всего, вопрос культуры. Культура всё чаще рассматривается как одна из основ устойчивого развития общества. Исходя из этого, всё более и более возрастает её роль как одного из векторов в региональной, национальной и международной культурной политике, и очень часто культурное наследие связывается с устойчивым развитием того или иного региона, государства или даже уголка мира.

В нашей стране часто материальное культурное наследие воспринимается, фактически, как синоним термина «памятник». Однако в настоящее время в международной практике и теории культурного наследия памятник рассматривается, в основном, лишь как синоним «объекта» наследия.

Вместе с тем, как абсолютно справедливо отметила Т.М. Миронова, «дефиниция “памятник”, прежде всего, ориентируется на сохранение памяти, воспоминания; он выключен из активной хозяйственной деятельности; наследие же – это то, что передали нам предки, но передали не просто на сохранение, но для интерпретации и приумножения» [1: 77]. Следовательно, в отличие от памятника, являющегося категорией частичной и нединамичной, объект наследия является частью целостной и развивающейся системы наследия.

Точку зрения на двуединую сущность наследия, имеющую два хронологических вектора, разделяют и специалисты российского НИИ культурного и природного наследия, для которых «культурное и природное наследие – память о жизни российских

народов в прошлом, база современного культурного процесса в обществе, без которой невозможно его развитие» [2: 3].

Не существует готового рецепта сохранения объекта культурного наследия, процесс сохранения и менеджмента культурного наследия основан на соответствующем понимании ценностей, присущих объекту культурного наследия. Все решения по объектам культурного наследия должны основываться на тщательно взвешенных оценках и суждениях, с должным учётом целей Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия как приоритетных. Политика сохранения и менеджмент культурного наследия в целом состоят из разной степени интенсивности и различного масштаба актов по вмешательству в памятники; это определяется степенью их физической сохранности, причинами разрушений, а также предполагаемыми условиями среды, в которой будет находиться памятник. Каждый случай должен рассматриваться одновременно и индивидуально, и как единое целое, с учётом всех факторов. Необходимо постоянно помнить о конечной цели менеджмента культурного наследия и принципах консервации и реставрации. В целом же, практикой доказано, что минимальное, но эффективное вмешательство – это самый правильный подход.

Культурное наследие сегодня

В 1972 году тревога, вызванная всё возрастающими угрозами культурному и природному наследию во всём мире, а также потребность по обеспечению организованной международной поддержки по охране объектов и ценностей всемирного наследия побудили Генеральную конференцию ЮНЕСКО принять специальную **Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия**.

Цель этой Конвенции – защитить объекты, представляющие «выдающуюся мировую ценность». Был учреждён Список всемирного наследия, который пополняется на основании Конвенции и идентифицирует объекты в различных государствах-сторонах Конвенции, осознающиеся как памятники мирового значения и потому заслуживающие особого признания и защиты. Вместе взятые, эти презентативные объекты представляют богатое много-

образе мирового наследия. С точки зрения Конвенции, культурное наследие включает памятники, ансамбли и достопримечательные места, которые определяются следующим образом (ст. 1):

- **памятники:** произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся мировую ценность с точки зрения истории, искусства и науки;

- **ансамбли:** группы изолированных или объединённых строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляет выдающуюся мировую ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- **достопримечательные места:** произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические комплексы, представляющие выдающуюся мировую ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Для номинации объекта в Список всемирного наследия основным требованием является то, что он должен представлять выдающуюся мировую ценность.

Процесс критического анализа

Управление культурным наследием должно основываться на чётком определении объекта наследия и его связи с окружением. Это определение является частью процесса критического анализа, цель которого – добиться того, чтобы наследие ценилось как неотъемлемая часть современного общества, путём разработки системы определения ценности объекта, установления целей менеджмента и выработки политики презентации и интерпретации. Этот процесс состоит из четырёх отдельных этапов:

- **обследование:** методическое инспектирование, исследование и документирование объекта, его исторического и природного окружения;

- **определение:** критическая оценка объекта и его окружения с позиций истории – иными словами, установление его значимости;

- **анализ:** научный анализ и диагностика материала и конструктивной системы с целью обеспечения его сохранности;
- **стратегия:** долгосрочные и краткосрочные программы сохранения и управления процессами возможных изменений, включая регулярное инспектирование, мониторинг, периодическое поддержание и контроль окружения.

Определение объекта наследия

Объект наследия, в особенности произведение искусства, так же как здание или комплекс, может быть определён на основе специфических понятий. Он может, следовательно, восприниматься как целое, образованное из составляющих его компонентов. Это целое представляет собой потенциальное единство, благодаря которому каждая часть может быть описана и определена в свете её первоначального предназначения. *Одной из целей натурного обследования и критической оценки объекта с исторических позиций является определение степени целостности объекта и состояния его потенциального единства.* Помимо всего прочего, целостность имеет отношение к полноте сохранности материала объекта. Истинные качества объекта наследия проявляются в качестве его материала, мастерстве исполнения, в его дизайне, окружении и в его взаимоотношениях с этим окружением.

С течением времени первоначальный объект наследия может быть частично повреждён, сознательно с какой-либо целью изменён или даже разрушен, что приводит к снижению или потере его потенциального единства. С другой стороны, исторический объект может, в разные периоды его существования, становиться частью нового целого, благодаря чему он получает новое определение как часть другого потенциального единства; такие трансформации являются частью его исторической стратегией. Действия, направленные на реставрацию объекта наследия, должны учитывать это новое потенциальное единство и, следовательно, должны производиться в рамках, им определяемых.

Линия исторического времени

Отношение, которое исторический объект, такой как произведение искусства, историческое здание или исторический город, имеет ко времени и к истории, можно разделить на три фазы:

- первая фаза, результатом которой явилось создание объекта;
- вторая фаза, которая продолжалась от конца фазы создания до настоящего времени;
- третья фаза, которая ассоциируется с представлением о памятнике в нашем сознании в настоящее время.

Данная последовательная смена фаз формирует **линию исторического времени** объекта. Эта историческая линия необратима. Она является результатом специфических культурных, социальных, экономических и политических условий, соответствовавших фазам его создания и развития. Тесная взаимосвязь объектов наследия с конкретным историческим отрезком времени даёт необходимую основную информацию для их оценки.

Аутентичность объекта культурного наследия

Аутентичность – важнейший аспект при оценке объекта наследия. В общем, нами предлагается следующая характеристика: аутентичностью обладает объект наследия, который в материальном плане представляет собой подлинник, оригинал (тот самый, который был построен и который старел и изменялся с течением времени) [3].

Аутентичность устанавливается в процессе оценки памятника и, таким образом, может пониматься по-разному, в зависимости от контекста его исторической значимости. В случае с объектом наследия его историческая подлинность должна главным образом отражать важные периоды его строительства и использования на разных этапах развития его линии исторического времени.

Аутентичности может угрожать разрушение исторических наслоений, замена подлинных элементов на современные (особенно если она основывается на гипотезах) и добавление новых элементов. Если памятник удовлетворяет условию аутентично-

сти, это означает, что он сохранил свою первоизданную целостность и остался таким, каким он был создан или стал в процессе развития его линии исторического времени. Следует принимать во внимание четыре аспекта аутентичности, т.е. подлинности:

- подлинность дизайна;
- подлинность материала;
- подлинность исполнения;
- подлинность окружения.

Чтобы быть представленным к включению в Список всемирного наследия, объект наследия должен сохранять свою целостность в соответствии с этими четырьмя видами подлинности. Если, к примеру, первоначальный памятник разрушен, его копия не может отвечать этим критериям, так как подлинность материала утрачена. Подлинность материала – это первостепенный критерий по отношению к критериям подлинности дизайна и исполнения, который вместе с подлинностью окружения и определяет объект наследия. С другой стороны, большинство объектов наследия в то же время подвергаются изменениям в результате природных воздействий или использования. Эти изменения являются частью исторической стратиграфии памятника.

Ценности, присущие объекту наследия

Ценности объекта культурного наследия заключаются в материале, мастерстве исполнения, дизайне и окружении исторического памятника или комплекса. Таким образом, эти ценности состоят в том, что в физическом смысле является частью объекта или его окружения. Исторический объект как продукт прошедших эпох подвержен деградации, обусловленной его естественным старением и функциональным использованием. Во многих случаях объекты претерпевали различного рода изменения. В свою очередь эти накопленные изменения сами стали частью исторического характера и материальной субстанции объекта. Эта материальная субстанция представляет ценности, присущие объекту культурного наследия; она – носитель исторических свидетельств и ассоциативных культурных ценностей, как прошлых, так и настоящих.

С объектом наследия могут быть связаны многие ценности, и чаще всего они не присущи ему изначально. Те ценности, которые считаются значительными, послужат основанием для его охраны и консервации. Круг таких ценностей может быть широк – от исторических до коммерческих. Один и тот же памятник может обладать ценностями, вступающими в противоречие друг с другом, что создаёт особые сложности для принятия решений по его менеджменту; суждения о ценности памятника могут меняться с течением времени. Имея дело с объектами культурного наследия, следует в равной степени учитывать культурные ценности, а также современные ценности социально-экономического характера.

Наличие или отсутствие этих ценностей ведёт к защите и сохранению объектов культурного наследия или, в иных случаях, может привести к их заброшенности и разрушению. Например, ценности националистического или политического плана могут служить мотивацией для охраны и реставрации памятника, но те же самые ценности могут привести к утрате объекта, который не соответствует господствующим представлениям о значимости с точки зрения политики.

Культурные ценности

Культурные ценности, связанные с объектами наследия, по отношению к сегодняшнему наблюдателю неизбежно субъективны (т.к. они зависят от истолкований, отражающих современное восприятие). Подобная оценка объекта наследия определяет степень общего интереса к нему и его окружению, интерпретацию присущего ему культурного характера и выработку политики обращения с ним. Признание памятника объектом культурного наследия, обладающим *выдающейся мировой ценностью*, и вытекающее из этого отношение к нему должно основываться на этой оценке, с учётом исторической субстанции и археологического потенциала.

Культурные ценности могут классифицироваться многими способами, в частности:

Ценность тождественности (основанная на узнавании)

Ценности: Данная группа ценностей относится к эмоциональной связи общества с определёнными памятниками или достопримечательными местами. Они включают следующие характеристики:

- древность, традиции, преемственность, связь с памятью, легендарность;
- необычные (чудесные) свойства, сентиментальные чувства, духовные ценности, религиозная значимость;
- символическая, политическая, патриотическая и националистическая значимость.

Влияние: Во многом складывающаяся из эмоциональных ощущений, эта группа ценностей оказывает сильное влияние на охрану, консервацию и реставрацию памятника. Хотя эти ценности могут усилить заботу о памятнике, они же могут стать причиной его «чрезмерной» реставрации. В то же время отсутствие таких ценностей может привести к заброшенности и разрушению. Эти ценности должны пропагандироваться путём образования и обучения.

Относительная художественная или техническая ценность (основанная на исследовании)

Ценности: Данная группа ценностей определяется на основе научных исследований, критической оценки и анализа с исторических позиций значимости дизайна объекта наследия, его технического, конструктивного и функционального замысла и исполнения.

Влияние: Эти ценности определяются в результате исследований, проведённых профессионалами с целью установления относительной значимости памятника в период его создания, в другие периоды и в настоящее время. Они служат основанием для классификации, для включения в списки охраняемых памятников и для выработки стратегии консервации.

Ценность редкости (определяется на основании статистических данных)

Ценности: Эта группа ценностей определяется сравнением памятника с другими постройками того же типа, стиля, автора,

периода, региона или по совокупности этих признаков; они определяют редкость, репрезентативность или уникальность объекта наследия.

Влияние: Эта группа ценностей связана с двумя предыдущими группами и влияет на уровень охраны, принятый для данного объекта. Высокая степень редкости объекта может усиливать значение его качеств, имеющих выдающуюся мировую ценность, увеличивая тем самым возможность его включения в Список всемирного наследия.

Современные ценности социально-экономического характера

Ценности, обусловленные возможностью использования объекта, связаны с современным обществом, его социально-экономической и политической инфраструктурой. Здесь можно выделить следующие категории:

Экономическая ценность

Ценности: Поскольку экономика стремится обеспечить наилучшее распределение ресурсов с целью удовлетворения широкого круга потребностей, экономическая ценность не может ограничиваться лишь финансовой ценностью. В отношении культурного наследия экономическая ценность может пониматься как ценность, рождаемая самим памятником или же создаваемая в результате действий по его консервации.

Влияние: Экономические ценности имеют четыре потенциальных источника дохода: туризм, коммерция, функциональное использование и удобство. Некачественный менеджмент в отношении любого из этих источников может привести к нежелательному воздействию или даже к гибели памятника. Это часто происходит в случаях, когда неоправданно большое значение придаётся извлечению прибыли, вместо того чтобы использовать более приемлемый подход, комплексно учитывающий расходы и доходы, издержки и выгоды, затраты и приобретения.

Функциональная ценность

Ценности: Функциональная ценность связана с экономической ценностью, так как она предполагает либо продолжение использования памятника по первоначальному назначению, либо начало использования здания или территории в другой, совместимой и хорошо сочетающейся с ними функции. В руинированных памятниках первоначальная функциональная ценность утрачена, но найдена новая – служить целям программы интерпретации (раскрытия содержания объекта для публики) либо использоваться как место для проведения зрелищных мероприятий.

Влияние: Приемственность использования памятника в традиционной функции усиливает его значение так, как никогда не удаётся этого добиться с помощью интерпретирующих (раскрывающих его содержание) экспонатов. Правильное использование объекта способствует его сохранению. Напротив, неподходящее или плохо продуманное приспособление может стать причиной его деградации, нежелательных изменений или утраты.

Образовательная ценность

Ценности: Образовательная ценность объекта наследия заключается в его потенциале для культурного туризма, а также в знании о культуре и истории, которые он даёт как способ интеграции исторических памятников в современную жизнь.

Влияние: Соответствующее включение объектов всемирного наследия в образовательные программы является существенно необходимым. Однако перенесение акцента на туризм может привести к необоснованным реконструкциям или уничтожению подлинных материалов, к утрате невосполнимых археологических свидетельств.

Социальная ценность

Ценности: Социальная ценность памятника связана с традиционными типами социальной активности и совместимым современным использованием. Это включает общность социальных связей в обществе и играет роль установления социальной и культурной тождественности.

Влияние: Социальные ценности могут быть источником заинтересованности в местном окружении к сохранению и вос-

становлению памятника; и здесь недостаток социальной согласованности и понимания может создать трудности в процессе консервации. Такой интерес может быть побуждающей силой, стоящей за этими движениями.

Политическая ценность

Ценности: Политическая ценность часто связана с конкретными событиями в истории объекта наследия применительно к данному региону или стране. На современное значение памятника могут оказывать влияние эти события настолько, что по силе воздействия они сравнимы с современными политическими приоритетами.

Влияние: Политическое значение объекта всемирного наследия может помочь в увеличении финансирования и привлечении всеобщего внимания к его защите и охране. С другой стороны, непродуманные акции могут привести к нежелательному развитию и потере аутентичности.

Вышеприведённая классификация групп ценностей может использоваться в качестве индикатора для сравнения с ценностями, принятыми для оценки наследия на национальном или местном уровнях; она может также послужить в качестве руководства при оценке объектов культурного наследия.

Ниже, в приложении, приводится образец документа (паспорта) для оценки объекта культурного наследия – памятников истории и культуры Кыргызской Республики.

Литература и примечания

1. *Миронова Т.Г.* Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: Дисс. ... канд. культурологии. – М., 2000.

2. *Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В.* Культурное и природное наследие России: Концепция и программа комплексного атласа. – М, 1995.

3. Слово *аутентичный* (подлинный) может пониматься как *первоначальный, оригинал* (в противоположность *копии*), или как *настоящий, фактический, первородный* (в противоположность *мнимому*). – См.: Shorter Oxford English Dictionary (Краткий Оксфордский словарь английского языка).

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МАДАНИЯТ МИНИСТРЛИГИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ТАРЫХЫЙ МАДАНИЙ МУРАС БӨЛҮМУ
ОТДЕЛ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ТАРЫХЫЙ МАДАНИЙ МУРАСТАРЫ
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПАСПОРТ

СҮРӨТТҮН ЖАЛПЫ КӨРҮНҮШҮ
ФОТО ОБЩЕГО ВИДА
СҮРӨТ ФРАГМЕНТТЕРИ
ФОТО ФРАГМЕНТОВ
БАШКА ПЛАНДАРЫ
ГЕНПЛАН
ӨЛЧӨӨ СЫЗЫК ПЛАНДАРЫ
ОБМЕРНЫЙ ЧЕРТЕЖ-ПЛАН
ФАСАДЫ
ФАСАД
КЫЙМАСЫ
РАЗРЕЗ
СХЕМАЛЫК ПЛАНЫ
СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН
КОРҒОО АЙМАҒЫ
ОХРАННАЯ ЗОНА
КОШУМЧА БАРАҒЫ
ВКЛАДЫШ

1. МУРАСТЫН АТАЛЫШЫ НАИМЕНОВАНИЕ ПАМЯТНИКА	Курменты			
2. МУРАСТЫН ТИБИ ТИП ПАМЯТНИКА	АРХЕОЛОГИИ	ИСТОРИИ	АРХИТЕКТУРЫ	МОНУМЕНТ. ИСКУССТВА
	X	X	X	
3. МУРАСТЫН УБАКЫТЫ ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА	По историческим данным обоснованно можно датировать православный миссионерский Свято-Троицкий монастырь. Известна точная дата основания монастыря и его последующая история на протяжении почти полувека. По предварительным материалам археологических исследований есть основания датировать городище Курменты двумя историческими периодами: VII–IX вв., X–XIV вв.			
	(или дата исторического события – дата памятников истории)			
4. МУРАСТЫН ДАРЕГИ АДРЕС ПАМЯТНИКА	Иссык-Кульская область, Иссык-Кульский район. Комплекс расположен на побережье Тюпского залива озера Иссык-Куль (бухта Широкая) в 1,5–2 км к югу от села Курменты и частично на территории посёлка совхоза-техникума им. Фрунзе.			
	(ОБЛАСТЬ, РАЙОН, НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ)			

5. АЗЫРКЫ УБАКТАГЫ ПАЙДАЛАНУУ- НУН МҮНӨЗҮ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	ПО ПЕРВО- НАЧ. НАЗНА- ЧЕНИЮ	КУЛЬ- ТУРНО- ПРОСВЕ- ТИТ.	ТУРИСТ- СКО- ЭКСКУР- СИОН.	ЛЕЧЕБНО- ОЗДОРО- ВИТ.	ЖИЛЫЕ ПОМЕ- ЩЕ- НИЯ.	ХОЗЯЙСТ- ВЕННОЕ	НЕ ИС- ПОЛЬ- ЗУЕТСЯ
		X	X		X	X	X

6. ТАРЫХЫЙ МААЛЫМАТТАР
ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
А)

<p>Археология эстеликтери Үчүн</p> <p>Для памятников археологии</p>	<p>В Каталанском атласе мира 1375 г. (составитель Крескес) отмечено озеро Иссык-Куль, имеющее продолговатую форму и вытянутое с востока на запад. Это полностью соответствует реальности, что само по себе необычно, т.к. другие озёра, известные только своим названием, изображались в форме круга. На берегу озера имеется изображение здания с двумя башенками, каждая из которых увенчана прямым равноконечным крестом. К этому изображению есть пояснение на каталанском языке: «Это место (не озеро!) называется Исикол. В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся (погребены) останки св. Апостола и Евангелиста Матфея».</p> <p>Существует также выполненная в форме круга Каталанская карта мира. Она была создана позднее атласа, приблизительно в 1450 г., её изготовление приписывается некоему Эстензе из г. Феррары. Карта содержит указание на монастырь, но при этом не упоминает Иссык-Куль или какое-либо другое озеро и место. Карта кратко сообщает: «Этот монастырь принадлежит монахам, которые хранят останки св. Маттиаса и являются армянами» (возможна ошибка в переводе имени «Маттео» из итальянского подлинника, что должно означать «Матфей»). Вероятно, автор этой карты и Крескес опирались на один и тот же источник. Предположительно, не само озеро вызвало особый интерес источника, а изображенный на его берегу и упомянутый в пояснении монастырь.</p> <p>Одним из первых русских учёных, увидевших Каталанскую карту и предположивших нахождение монастыря в Курментинской бухте, был П.П. Семёнов-Тян-Шанский. В конце XIX в. городище на берегу Курментинской бухты было обнаружено выдающимся востоковедом В.В. Бартольдом, затем было нанесено на археологическую карту Иссык-Куля П.П. Ивановым.</p> <p>В середине XX в. городище было обследовано А.Н. Бернштамом, причём он отождествил его с одним из девяти поселений Верхнего Барсхана и назвал Тюпским (Курментинским). Городище им не исследовалось, однако он считал его одним из богатейших на берегах Иссык-Куля.</p>	<p>Коллекция лардын келип чыгышынын, аны ким жана качан изилдеген, сакталган орду</p> <p>История возникновения, кем и когда производились разведки и раскопки, место хранения коллекций</p>
---	--	---

	<p>В начале 60-х гг. XX в. городище обследовалось экспедицией Института истории АН Кирг. ССР под руководством Д.Ф. Винника. Были заложены несколько разведочных шурфов и определены хронологические рамки существования города с VIII по XII вв. Было высказано предположение о двух периодах существования города. Последующие 40 лет городище не исследовалось и никак не связывалось со средневековым монастырем, обозначенным на Каталанской карте.</p> <p>Выше уже было сказано об археологических исследованиях на городище, начиная с 2003 г., а в 2005 г. были обследованы подземные пещеры, находящиеся в 500 метрах от городища.</p>	
<p>Тарыхый эстеликтер үчүн Для памятников истории</p>		<p>Объект эстелик катары маанисине байланыштуу болгон окуялар жана адамдардын кыскача мүнөздөмөсү, анын келип чыккан тарыхы История возникновения, краткая характеристика событий и лиц, в связи с которыми объект приобрёл значение памятника</p>
<p>Архитектура жана монументалдык искусство эстеликтери үчүн Для памятников архитектуры и монументального искусства</p>	<p>В последней четверти XIX в. в 800 метрах от городища монахами Валаамского монастыря был возведён мужской Свято-Троицкий миссионерский православный монастырь. На сегодняшний день сохранились всего 3 здания: 1 – основное, где, собственно, и живут дети; 2 – монастырская церковь небольшого размера; 3 – амбар, который находится за оградой (требует срочной реставрации).</p>	<p>Автору, курулушчу, заказчиги, келип чыгышынын тарыхы Автор, строитель, заказчик, история создания</p>

- В) РЕСТАВРАЦИЯЛЫК, ЖУМУШТАР (УБАКЫТЫ, АВТОРУ, ДОКУМЕНТТЕРДИН, САКТАЛЫШ ОРДУ)
РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ (ВРЕМЯ, АВТОР, МЕСТО ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ)
- С) ЭСТЕЛИКТИН АЛГАЧКЫ КӨРҮНҮШҮНҮН ӨЗГӨРҮШҮ ЖАНА АНЫН КАЙРАДАН КУРУЛУШУ
ПЕРЕСТРОЙКА И УТРАТЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПАМЯТНИКА
7. ЭСТЕЛИКТИН КООМДУК ЖАНА КӨРКӨМДУК МААНИСИНИН ЖАЛПЫ БААЛАНЫШЫ
ОБЩАЯ ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПАМЯТНИКА
8. ЭСТЕЛИКТИН СҮРӨТТӨЛҮШҮ
ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Археология эстеликтери үчүн Для памятников археологии		Маданий катмарынын мүнөздөмөсү, маанилүү табылмалар Характер культурного слоя, важнейшие находки
Тарыхый эстеликтер үчүн Для памятников истории		Эстеликтин мүнөздөмөсү, мемориалдык тактанын болушу, тексти жана орнотулган убактысы Характеристика памятника, наличие, текст и время установления мемориальной доски
Архитектура эстеликтери үчүн Для памятников архитектуры		Эстеликтин сүрөттөмөсү планировкалык, композициялык мейкиндик структурасы менен конструкциясы, курулуш материалдары, негизги габариттери менен өзгөчөлүгү Основные особенности планировочной, композиционно-пространственной структуры и конструкции, строительный материал, основные габариты, описание памятника
Монументалдык искусство эстеликтери үчүн Для памятников монументального искусства		Композициялык жана колориттик чечимдери, тексттери, материалдары, техникасынын өлчөмү менен негизги өзгөчөлүгү Основные особенности композиционного и колористического решения, текста, материала, техника, размер

9. НЕГИЗГИ БИБЛИОГРАФИЯСЫ, АРХИВДИК БУЛАКТАРЫ, ИКОНОГРАФИЯЛЫК МАТЕРИАЛДАР
ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ, АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Наталья КУМСКОВА,
к.ф.н., доцент КРСУ

Радий НУРМАМЕТОВ

РЕЛИГИОЗНЫЕ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: (*Междисциплинарный подход*)

Миграционные процессы в Центральной Азии – тема столь же актуальная и востребованная, сколь и малоизученная с точки зрения истории, археологии и культурологии. Религиозные миграции – это проблемное поле, практически нетронутое ни одной из современных научных дисциплин.

Наглядным примером тому является активно обсуждаемая тема о «монастыре армянских братьев» на Иссyk-Куле, активно муссируемая – зачастую в спекулятивных целях – в средствах массовой информации, но мало исследованная современными специалистами в области археологии и культурологии. При этом следует заметить, что история изучения этого письменного сообщения на Каталанской карте мира, составленной Крескесом, насчитывает свыше 130 лет и десятки публикаций, в том числе всемирно известных востоковедов и историков.

Проблема религиозных миграций в район Иссyk-Куля и в целом Центральной Азии может быть сформулирована в виде вопросов, начинающихся словами: кто, что, где, когда, откуда, куда, как, почему... Все эти вопросы конкретны и адресованы, главным образом, историкам и археологам.

При этом следует иметь в виду, что общие причины миграций – это дело не археологии, а истории и социологии. Общие «законы миграции» были предложены ещё в XIX веке демографом Рэвенстайном [1: 167–227; 241–301], разработана и «теория миграций» современного социолога Ли [2: 47–57]. Рэвенстайн выделяет три фактора: толчок (push), тяга (pull) и средства (means), взаимодействие между которыми определяет законы

миграции. Как осуществляются миграции – это поле этнографии и культурной антропологии.

С учётом культурологического аспекта представляется значимой такая постановка проблемы: религиозная миграция – как закономерный переход от одного народа к другому различных культурных, религиозных, идеологических и мировоззренческих ценностей.

Как миграции отражаются в археологическом материале? Это вопрос, выводящий на теоретические обобщения. Археология имеет дело с археологическим материалом с достаточной степенью определённости сгруппированным в археологические культуры, «в которых отложились в преобразованном виде этнографические (но не обязательно этнические) культуры живых обществ прошлого» [3: 1–42; 4: 13–25]. Ввиду специфики археологического материала (наличие многослойных памятников) и ещё больше из-за особенностей современной организации научных исследований (разделение по странам, фрагментарность и многочисленные пробелы в обследовании) классификация культур и разделение их на группы производится по географическому и хронологическому основаниям. Археология группирует культуры по локальным колонкам сравнительной стратиграфии и составляет локально-диахронические ряды культур, или колонные секвенции, по Л.С. Клейну [3; 4; 5; 6]. В регионах, где на протяжении долгого времени регулярно проводились археологические исследования, можно выделить до десятка и более культур, как бы нанизанных на единый географический стержень (как это имеет место, к примеру, в Минусинской котловине). Это условно можно представить в виде таблицы, где в столбцах указаны географические регионы, а в строках – временные периоды.

Зачастую в рамках локально-диахронического ряда выявляется культурный прогресс, из чего можно сделать вывод о том, что за этим рядом представлено исторически реальное и непрерывное развитие одного и того же населения. Такой умозрительный вывод стал основанием для создания концепции «автохтонизма». Однако постоянное и повсеместное независимое существование народностей – это иллюзия, и основанная на ней концепция автохтонизма базируется на ложном основании. Археологические культуры всегда дискретны, т.е. они резко сменяют

одна другую, и корни каждой из них выявить довольно трудно. Происхождение культуры – чрезвычайно дискуссионный вопрос. Чтобы обосновать иллюзию постоянного независимого местного развития, предпринимаются попытки выявить сквозные эволюционные линии в типологии (местные традиции, сквозные типологические ряды), ведутся поиски недостающих звеньев между культурами.

Полной противоположностью является другая концепция: принимать каждую смену культур в локально-диахронических колонках как результат вторжения иноземцев, прихода нового населения – «инвазионизм».

Выбор между этими концепциями определялся как самим материалом, его изученностью, так и идейной предрасположенностью исследователей. Приверженцы эволюционизма – господствующего идейного течения третьей четверти XIX века – предложили систему, в которой обращаться к миграциям не было необходимости, а факторы, служившие аргументами миграций, объяснялись иначе. Смена культур объяснялась прогрессивным развитием, сходство культур разных территорий объяснялось конвергенцией. Кризис идей прогресса, рост национализма и геополитических претензий в конце XIX – начале XX века привели к усилению роли миграционных толкований.

Обе концепции – автохтонизм и инвазионизм – страдают методологической ограниченностью: поиски доказательств ведутся только внутри отдельной культурно-исторической колонки. Между тем практически всегда налицо памятники, сочетающие черты обеих культур – более ранней и более поздней – с учётом факторов не только местного развития, но и смены населения как результата смешивания и скрещивания пришельцев с остатками аборигенного населения.

С другой стороны, и дискретность развития тоже проявляется не только при смене населения – к такому же эффекту могут приводить и природные катаклизмы, и социальные сдвиги, религиозные размежевания и т.п.

Возникает представление о том, что сама по себе автохтонность культуры не выглядит правдоподобной без сравнения предполагаемых местных корней этой культуры с возможными внешними её корнями, уходящими в культуры других локально-

диахронических рядов. Вместе с тем никакая инвазия не вправе претендовать на убедительность без демонстрации таких внешних корней, которые бы превосходили по своей доказательности на основе археологического материала предполагаемые внутренние, местные корни.

Миграция основывается на принципе культурной преемственности вне зависимости от территориального расположения. Культурно-исторический процесс протекал и протекает не в условиях обособленных локально-диахронических культур, а в реальном взаимодействии культур, порой весьма удалённых друг от друга в географическом пространстве.

Конечно, бывают случаи, когда векторы культурных традиций связывают культуры одного ряда (по вертикали) – это автохтонная преемственность. Но в большинстве случаев векторы культурно-исторических перемещений либо связывают культуры разных локально-диахронических колонок (по диагонали) – это трансмиссии (импорты, влияния, заимствования), либо в виде многочисленных линий образуют мостики преемственности между локально-диахроническими рядами – это миграции.

История религиозных миграций в Центральную Азию в эпоху средневековья наглядно демонстрирует указанное построение культурно-исторического пространства. В Прииссык-кулье археологами выделена следующая локально-диахроническая колонка археологических культур: андроновская алакульского типа, сакская, усуньская, древнетюркская, согдийская, караханидская, могольская (чагатаиды), тимуридская. С IV по XIII век здесь появляются христианские общины, причём самого различного толка. Как считает В.В. Бартольд, «в IV веке начинается массовое движение христиан на восток (отдельные миссионеры, вероятно, проникали туда и раньше); в 334 году мы видим христианского епископа в Мерве» [7: 123–153]. Эти общины не оставили после себя достаточного материала, чтобы выделить их в отдельную культуру, но воздействие их на последующее развитие явно не оценено в должной мере.

С культурологической точки зрения преемственность между культурами несомненна: христианство фактически создало почву для массового принятия ислама. Принятие идеи единобожия – это сложный эволюционный культурно-исторический

процесс. Может возникнуть представление, что инвазия христианской культуры в Центральную Азию была случайной и так и осталась чужеродным элементом для культуры и мировоззрения населения этого региона, где преобладающей религией стал ислам. Но исторические факты свидетельствуют о том, что первые походы арабских войск во второй половине VIII века практически не оставили после себя мусульманских общин. Прошло более двух столетий, прежде чем ислам без насильственного навязывания стал повсеместно распространяться в этом регионе, и это было время, когда в Центральной Азии сосуществовали все мировые религии: буддизм, христианство и ислам. Необходимо было создание определённой культурной, мировоззренческой атмосферы для принятия монотеизма. И значение религиозных миграций было определяющим для создания такой атмосферы.

Что представляла собой религиозная карта Центральной Азии к 1375 году – времени создания Каталанской карты?

У большей части кочевых народов всё ещё сохранился культ Тенгри. Тенгрианство принадлежит к древнейшему мифологическому мировоззрению народов Центральной Азии и, возможно, было представлено ещё в языке хунну в III в. до н.э. и ранее. Термин «Тенгри» (небо) сравнивают со словом из хунну «ченли», предлагаются и более широкие параллели: китайское «тянь», шумерское «дингир».

Представление о Тенгри складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине, причём небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его обитания. Тенгри как неперсонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбой человека, народа и государства, являлось основополагающим в древнетюркской мифологии. Возникший ещё в дотюркскую эпоху, возможно, во время существования единой алтайской этнической общности, Тенгри в почти неизменном виде фигурирует и у средневековых монголов: Монхе-тенгри (вечное небо). Позднее образ единого благодетельного, всезнающего, правосудного божественного Неба – Тенгри в наибольшей мере сохранился у хакасов и у монголов.

Поклонение персонифицированному светлему божеству Тенгри-хану наблюдалось у западных тюрков (VII в. н.э.).

Тенгри-хан мыслился огромных размеров, что означало космологическую величину небесного бога, тождественного самому небу, а титул «хан» указывал на главенствующее положение – во вселенной или в пантеоне богов. Эти представления оказались весьма стойкими. Хотя в позднейших преданиях название «Тенгри» иногда прилагается к верховному небесному божеству, чаще оно обозначает бога вообще (также в буддийских, манихейских, мусульманских текстах); место верховного бога в шаманской мифологии у тюрков и особенно у монголов обычно занимают другие персонажи (Ульгень, Хормуста), а термин «Тенгри» закрепляется за целым классом небесных богов.

Религией, которая определила на столетия будущую судьбу многих народов Центральной Азии, стал ислам. Последователи этой религии не поклоняются её пророку Мухаммеду, считая его обычным человеком, которого Бог избрал своим посланником. Верующие называют себя «мусульманами» (от арабского «муслим»). Ислам – самая молодая из мировых религий – возник в Аравии. Мусульмане верят, что Авраам, Моисей и Христос проповедовали ислам, но их последователи исказили учение пророков, поэтому иудаизм и христианство в их современном виде являются отклонением от истинного вероисповедания. Ислам восходит к древним монотеистическим верованиям населения Аравии. Поклонение Аллаху как Творцу всего сущего было распространено среди народов пустыни. Верховный Бог охранял их стада, был Высшим судьёй при переходе в загробный мир, хранил их в этом мире и защищал от превратностей судьбы.

Буддизм (одна из трёх, наряду с христианством и исламом, мировых религий) распространился на север, в страны Центральной Азии, в I в. н.э. – во времена великой империи Кушан, покровительствовавшей буддизму. Самые ранние храмово-монастырские комплексы здесь датируются II в. н.э. В центре буддизма – учение о «четырёх благородных истинах»: существует страдание, его причина, состояние освобождения и путь к нему. Страдание и освобождение – субъективные состояния и одновременно некая космическая реальность; страдание – состояние беспокойства, напряжённости, равное желанию, и одновре-

менно пульсация дхарм; освобождение (нирвана) – состояние несвязанности личности с внешним миром и одновременно прекращение волнения дхарм, что влечёт за собой уничтожение желаний, точнее, угасание их страстности. Важный для буддийской этики принцип так называемого «срединного пути» рекомендует избегать крайностей – как влечения к чувственному удовольствию, так и полного подавления этого влечения. Для достижения состояния освобождения в буддизме существует ряд специальных методов, служащих преобразованию психики и психофизиологии личности (например, медитация – дхьяна, получившая название «буддийская йога»). В буддизме нет души как неизменной субстанции: человеческое «я» отождествляется с совокупным функционированием определённого набора дхарм; нет противопоставления субъекта и объекта, духа и материи; нет бога как творца и, безусловно, высшего существа. Буддизм предшествовал христианству, и многие этические ценности буддизма были восприняты христианством.

Широкое распространение в Центральной Азии получило манихейство – религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III веке и представлявшее собой синтез халдейско-вавилонских, персидских (зороастризм, маздеизм, парсизм) и христианских мифов и ритуалов. Название «манихейство» происходит от имени его основателя – полулегендарного Мани (ок. 216 – ок. 277 гг. н.э.). Согласно преданию, он проповедовал своё учение в Персии, Средней Азии, Индии. Ему приписывают около семи работ религиозно-этического содержания. Основное содержание манихейства составило пессимистическое учение об изначальности зла. Манихейство, полемизируя с христианством, учит, что зло – начало столь же самостоятельное, как и добро. Связывая зло с материей, а добро со светом как духом, Мани не считал тьму или материю следствием угасания света; в манихействе царство тьмы как равное противостоит царству света. Мировая история – борьба света и тьмы, добра и зла, бога и дьявола. При нападении тьмы на свет часть света была полонена тьмой. Смысл последующей истории – в освобождении полонённого света. По учению Мани, природа человека двойственна: творение дьявола, он сотворён всё же по образцу небесного «светлого первочеловека» и заключает в себе элементы света. Подвергаясь

всюду гонениям как противостоящее господствующим религиям, манихейство, тем не менее, распространилось до Испании на Западе и Китая на Востоке. На Западе оно рассматривалось христианством как христианская ересь, и во многом это связано с тем, что манихеи использовали христианскую символику, в особенности крест. В VIII веке манихейство стало господствующей религией в Уйгурском царстве. В VIII–IX веках оно преследовалось сторонниками ислама; в дальнейшем прекратило своё существование в качестве самостоятельной религии как в Европе, так и в Азии (в Китае окончательный запрет манихейства относится к концу XIV века).

В раннее средневековье широкое распространение получили различные дуалистические религиозно-философские учения: зиндикизм, дейсанизм, маздакизм и другие. В Центральной Азии, и особенно в Персии и некоторых соседних с ней странах, наибольшее влияние приобрёл маздакизм – учение, возникшее в III веке и названное по имени лидера движения Маздака. Последователи маздакизма считали, что в основе мирового процесса лежит борьба между добрым, светлым, началом и тёмным, злым; призывали к борьбе за уничтожение социального неравенства, отождествлявшегося со злом.

С VI века в Центральной Азии стало широко распространяться христианство самых различных течений: здесь существовали общины несториан, яковитов, мелькитов и во многом загадочных «армянских братьев».

Наиболее известно несторианство, получившее своё название по имени основателя этого течения в христианстве Нестория (дата рождения неизвестна – умер ок. 451 г. н.э.), который в 428–431 годах был архиепископом Константинопольским. Родился Несторий в Германикии (Сирия). В юности поступил в монастырь св. Евпрепия, близ Антиохии. После рукоположения в пресвитеры Несторий своей ревностью и красноречиемнискал такую известность, что император Феодосий II отозвал его из Антиохии, чтобы предоставить ему епископскую кафедру в Константинополе. Здесь у него появилось много противников, так как в своих проповедях он выступал против употребления в догматических рассуждениях титула «Богородица» применительно к Деве Марии. Воспитанный в антиохийской богослов-

ской традиции, Несторий настаивал на различии двух природ: божественной природы Слова (Логоса) и человеческой природы Иисуса, объединившихся во Христе. Он признавал, что обе эти природы присущи Христу, однако отрицал, что свойства человеческой природы Иисуса могут быть приписаны Божественному Логосу. Отсюда он сделал вывод о том, что Дева Мария должна именоваться Христородицей, но не Богородицей. Кирилл, епископ Александрийский, который усмотрел в учении Нестория отрицание христианской веры в то, что рождённый Девой Марией есть Сын Божий, рождённый Богом Отцом, направил папе Целестину I обстоятельное послание по этому поводу, прося, чтобы папа как епископ Римский разрешил этот спор. Ответ папы позволил Кириллу в ультимативной форме потребовать от Нестория отречения от своих заблуждений. Однако ещё до того, как прибыли посланцы от Кирилла, Несторий убедил императора Феодосия созвать вселенский собор. Главную роль на этом соборе, состоявшемся в Эфесе в 431 году, сыграл Кирилл Александрийский. 22 июня, не дожидаясь прибытия восточных епископов, поддерживавших антиохийскую традицию, он открыл заседание собора, на котором учение Нестория было осуждено как противоречащее Никейскому символу веры, а сам Несторий, не пожелавший отречься от своих взглядов, был низложен. Восточные епископы, прибывшие двумя днями позже, не согласились с этим решением, принятым в их отсутствие, и низложили Кирилла. Однако впоследствии между Кириллом и восточными епископами было достигнуто примирение, и они также осудили Нестория. Несторий возвратился в свой монастырь близ Антиохии, однако спустя три года по приказу императора был сослан в Петру (в Аравии), а затем в Оазис (в Египте), где и умер примерно в 451 году.

Последователи Нестория бежали от преследований главным образом в Иран, где конституировалась несторианская церковь, процветавшая до середины VII века, а также в Центральную Азию, а затем в Китай. С начала XX века, когда были опубликованы сочинения Нестория, ранее известные лишь в изложении его противников, в западной богословии появилась тенденция доказывать, что вероучение Нестория не отклоняется от ортодоксального.

Согласно Несторию, Дева Мария родила человека, который впоследствии, преодолев человеческую слабость, возвысился до сына Божьего (мессии); в Христе человеческое и божественное начала пребывают лишь в относительном соединении, никогда полностью не сливаясь, в то время как ортодоксальное вероучение подчёркивало двуединство человеческого и божественного.

Несторианство, благодаря сложившейся сирийской письменности, оставило глубокий след в истории развития культуры. Среди многочисленных христианских имён последователей этого христианского учения мы встречаем здесь, кроме богословов, философов, медиков, юристов, историков и грамматиков. Широкое распространение несторианство получило и в арабский период. Известно, что несторианские врачи были учителями великих арабских философов-естествоиспытателей и что благодаря переводам сирийцев арабы познакомились с греческой литературой [7].

Полной противоположностью несторианству в каноническом смысле являлось монофизитство – течение в раннем христианстве, основанное на вере в то, что Христос обладал только одной природой. Монофизиты признавали, что Христос, Сын Божий, воспринял человеческую природу, однако последняя была поглощена его божественностью; так что природу Христа следует рассматривать как божественную природу, обладающую, однако, человеческими свойствами. Противники монофизитства считали подобную трактовку человеческой природы Христа неприемлемой. Монофизитство оформилось как самостоятельное течение сразу после Константинопольского собора (381 г.).

Таким образом, внутри христианской церкви возникло два диаметрально противоположных направления, одно из которых подчёркивало «человечество» Христа и его подчинённость Отцу, а другое – божественность Христа и его равенство Отцу. Поскольку христианство к этому времени уже успело стать государственной религией, этот спор приобрёл не только теологическое, но и политическое значение. Монофизитская ересь была осуждена Халкедонским собором (451 г.), где было провозглашено, что Христос есть единый и единственный Сын Божий,

«совершенный в Божестве и совершенный в человечестве», «истинный Бог и истинный человек <...> из разумной души и тела, единосущный Отцу по Божеству и единосущный нам по человечеству». Он есть «один и тот же Христос» и «единородный Сын», «в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо. При этом разница природ не исчезает через соединение, а ещё более сохраняется особенность каждой природы» [8]. Тем не менее монофизитство сохранилось в Коптской, Армянской апостольской и Яковитской церквях.

Ещё одним течением в христианстве, известном в Центральной Азии, были мелькиты – одна из групп католиков-униатов, придерживавшихся византийского обряда. Другие названия: последователи Мелькитской католической церкви, греко-католики арабы. Мелькиты-униаты изначально относились к Православной церкви, но впоследствии заключили унию с Римско-католической церковью.

Другая религиозная группа, которая заключила унию с Римско-католической церковью, представляла армяно-католиков – католиков-униатов, придерживавшихся армянского обряда. Это течение откололось от Армянской апостольской церкви, члены которой обычно именуется армянами-григорианами. В догматическом и культовом отношении традиционная Армянская апостольская церковь близка к православию; признаёт только догматы (о божественной сущности Христа, Святого Духа, слиянии божественного с человеческим во Христе и др.) первых трёх Вселенских соборов, начиная с Никейского в 325 году. На Халкедонском соборе разошлась с другими христианскими церквями по вопросу воплощения божественного и человеческого во Христе.

Изучая историю развития христианства в Центральной Азии, известный учёный В.В. Бартольд, основываясь на записках армянского путешественника Гайтона, выдвинул предположение, что в начале XIV века «хорезмские христиане подчинялись антиохийскому патриарху, из чего можно заключить, что они были не несторианами, а мелькитами или яковитами» [7].

Нам представляется, что упоминание о «монастыре армянских братьев» в Каталанской карте относится именно к армяно-католикам. Сомнительно, что в Испании – стране с сильными католическими традициями – стали бы упоминать на официальных

картах христианские «ереси» – монофизитов, армян-григориан, несториан и яковитов. Ещё одним доводом в пользу данной версии является использование в официальном обращении термина «братья». В эпоху крестовых походов такое обращение в церковной практике стало фактически монопольной прерогативой Римско-католической церкви, оно повсеместно использовалось как официальное в различных документах.

Крайне актуальной остаётся проблема археологического изучения следов христианской культуры в Центральной Азии и, в частности, в исык-кульском регионе. Случайные археологические находки, описанные предметы христианского культа, надгробные камни (кайраки) должны быть дополнены серьёзными исследованиями Курментинского средневекового городища и одноимённого катакомбного комплекса.

Некоторые направления археологических изысканий можно предвосхитить, опираясь на теоретические положения о разновидностях миграций и их следов в археологическом материале. Здесь многое зависит, конечно, от того, какая разновидность миграций имеется в виду. Стоит также заметить, что современной наукой религиозные миграции ещё не достаточно точно определены и классифицированы.

Известный учёный Ю.В. Бромлей свёл все варианты миграций к двум видам: 1) переселение народов (или, во всяком случае, больших групп населения) и 2) микромиграции (переселение небольшими группами, преимущественно отдельными семьями) [9]. Данное деление он выбрал потому, что оно существенно сказывается на судьбе мигрирующего этноса: в микромиграциях этнос более подвержен воздействиям и размыванию. Важно отметить, что это непосредственно касается и развития культуры, а значит, и археологических следов.

Вольфганг Ден выявил у кельтов четыре типа миграций: 1) удаление из популяции избытка населения, главным образом молодёжи; 2) выселение группы с женщинами, детьми, скотом и другим добром на новые территории; 3) военные экспедиции; 4) этнические движения, вызванные экономическими причинами [10: 15–20].

Эвжен Неуступны различает следующие типы миграций: 1) экспансия заселённости (settlement expansion) – постепенное

расширение территории, занятой неким народом, и 2) переселение популяции (population movements) – разовые драматические события [11: 111–119]. У этих миграций разная природа явления, разная скорость и разная направленность, следовательно, должны быть и разные археологические следы. В другой работе Неуступны различает три вида миграций в густозаселённую область: 1) экспансия (так он называет миграцию с полным или частичным уничтожением местного населения), 2) заселение пришельцами промежутков между ареалами местного населения (осуществимо, в основном, если пришельцы и аборигены занимают разные экологические ниши и не соревнуются за земли), 3) инфильтрация – обоснование пришельцев в тех же ареалах и даже (чаще) в тех же селениях, где продолжает обитать коренное население [12: 278–293]. В то же время в этой же работе он даёт и несколько иную классификацию миграций, подразделяя их на четыре вида: колонизацию, экспансию, инвазию и инфильтрацию [12].

Кристиансен делит все миграции, прежде всего, на полномасштабные (full-scale) и выборочные (select). В свою очередь полномасштабные делятся на три типа: 1) перемещения силой государства, империй, 2) из-за социальных конфликтов и племенной вражды, 3) от экологического и экономического давления. Выборочные переселения делятся на четыре типа: 1) завоевания, 2) движения купцов, 3) основание торговых станций и колоний, 4) выселение трудовых групп и изгоев [13: 211–225]. Нетрудно заметить, что в основу вторичного деления Кристиансен положил мотивы переселения. Сомнительно, чтобы это непосредственно сказывалось на археологических следах.

В советской археологии типы миграций рассматривались в тесной связи с социально-экономическим развитием общества, поэтому деление шло по эпохам. Н.Я. Мерперт выделяет три «модели» миграций: для палеолита, неолита и энеолита. Первая модель характерна для охотников-собирателей и прямо вызвана изменениями в природной среде – движением ледников, трансгрессиями и регрессиями морей, сдвигами ландшафтных границ, миграциями животных, стихийными бедствиями. Эти миграции носили характер переселений и особенно характерны для палеолита. Вторая модель определяется экономическими факторами, в

частности давлением избытка населения вследствие демографического роста при ограниченных возможностях производства. Хозяйство экстенсивное – осваиваются новые регионы. Это, в основном, неолитическое расселение. Третья модель обусловлена экономическими и социальными причинами: экономическим и социальным неравенством, борьбой за источники сырья, за возможности эксплуатации и за власть над народами и территориями. Эта модель миграции возникает с обработкой металла. Она почти всегда связана с завоевательными походами и военными вторжениями [14: 9–28].

Испанский археолог Гонзало Руис Запатеро на основе мерпертовской классификации построил три структурные модели миграции: 1) модель передвижения небольших групп, 2) модель непрерывной, так сказать, «ползучей», экспансии (Аммерман и Кавалли-Сфорца называют этот тип миграции «волной продвижения» – «wave of advance» [15: 275–293]) и 3) модель выброса разовых миграций, в основном на дальние расстояния. В своей работе Запатеро предлагает графические схемы всех трёх моделей и приводит археологические примеры [16: 147–157].

В.С. Титов, рассматривая миграции в бронзовом веке, выделил три их типа, и в основу деления он положил не причины миграций, а соотношение между местной и пришлой культурами – между субстратом и суперстратом. В миграциях первого типа субстрат совершенно или почти не ощущается. Существуют три возможных варианта: 1) новая культура появляется в районах ненаселённых, слабо населённых или покинутых прежним населением, 2) новая культура долго не входит в контакт с местной (как ямная культура на Балканах) и 3) местная культура целиком подавляется пришлой. В основном, источником всех трёх вариантов является разделение племён. Не испытывая влияния со стороны местной культуры, пришлая не отличается от своей материнской.

В миграции второго типа культура пришельцев значительно ниже по уровню, нежели местная, и пришлая культура почти не накладывает отпечатка на местную культуру. Проследить такие миграции археологу очень трудно, и в таких случаях он делает выводы преимущественно по данным письменности, лингвистики и антропологии. Имеют иногда значение косвенные признаки: резкие, ничем необъяснимые изменения в направлен-

ности развития культуры, опустошение и запустение целых регионов. Миграция имеет вид инвазии или инфильтрации. Таковы были миграции бронзового века, особенно миграции кочевников в область оседло-земледельческих культур.

К третьему типу относятся миграции, в которых пришлая и местная культуры с самого начала предстают перед археологом смешанными, в чистом виде суперстратной культуры нет. В.С.Титов отмечает три варианта этого типа: в первом новые черты (пришлого населения) с самого начала выступают в смешении с местными; во втором лишь отдельные черты заставляют говорить о миграции; в третьем суперстрат – это небольшой набор, а субстрат в разных областях разный [17: 89–145].

Приведённые классификации показывают, что различные виды миграций влекут за собой разные последствия. Одно дело миграция всего общества, и как результат – передвижка целой культуры; другое – миграция одного сегмента общества, и как результат – отпочкование части субкультуры. Постепенное просачивание и разовый бросок, мирное проникновение и военное нашествие, с вытеснением, а то и уничтожением местного населения или его ассимиляцией – в истории народов наблюдались различные виды миграций, которые оставили разные археологические следы.

Среди археологически фиксируемых признаков миграций можно различать признаки большей или меньшей степени общности. Можно увязать разные признаки с определёнными видами миграций и рассматривать каждый вид миграции как комбинацию разных событий, оставляющих своеобразные следы. Собственно говоря, признаки должны быть приписаны не видам миграций непосредственно, а специфическим видам более частных событий, которые могут быть связаны с определёнными видами миграций. Так что, изучая археологические следы, мы выявляем лишь признаки определённых событий и по сочетанию этих признаков получаем в итоге сочетание таких событий, а затем уже в соответствии с классификацией можно выявить, какой вид миграции состоит из таких событий [5].

Применительно к Иссyk-Кульской котловине по наличию серии случайных находок предметов христианского культа в восточной части котловины определяется такое событие, как

существование достаточно крупной христианской общины или разных общин. Довольно большое количество христианских надгробий на средневековом кладбище (XIII–XIV вв.) в Саруу (юго-восточное побережье оз. Иссык-Куль) указывает на существование в этом районе долговременных христианских поселений. Вероятнее всего, городище Курменты, расположенное на одном профиле с Саруу, хранит следы пребывания христианской общины. Можно предположить, что если монастырь находился на северном побережье Иссык-Куля, то он был именно в этом городище. Подъёмный материал даёт большое количество качественного обожжённого кирпича, что свидетельствует о наличии на территории городища нескольких крупных кирпичных зданий. Монастыри в западноевропейском понимании были, как правило, монументальными строениями из камня или кирпича. В свою очередь подземные сооружения находились на периферии монастырского комплекса, в которых жили монахи-отшельники.

Типичное для ранних христианских общин сооружение – катакомбный комплекс – известно нам только в северном Иране и в Анатолии (совр. Турция); таким образом, Курментинский катакомбный комплекс является уникальным сооружением для всей Центральной Азии, что позволяет связать упоминание на Каталанской карте именно с этим местом. В сопоставлении с письменными источниками выстраивается целая цепочка событий, по которым мы можем с достаточной степенью уверенности говорить не о случайном проникновении отдельных групп христиан или миссионеров, а о последовательной миграции христиан в этот регион.

Конечно, в отличие от устойчиво локализуемых центров христианских общин в Чуйской долине, где по открытию христианских храмовых сооружений можно заключить о наличии именно христианской культуры, в Иссык-Кульской котловине следы пребывания христиан весьма фрагментарны, но это уже проблема недостаточности и неполноценности археологического исследования. Открытие храмовых сооружений ещё впереди, и теоретические концепции способствуют локализации конкретного района полевых исследований.

Литература и примечания

1. Ravenstein E.G. The laws of migration // Journal of the Royal Statistical Society. – 1885. – № 48; 1889. – № 52.
2. Lee E.S. A theory of migration // Demography. – 1966. – № 3.
3. Klejn L.S. A panorama of theoretical archaeology // Current Anthropology. – Chicago, 1977. – Vol. 18. – № 1.
4. Klejn L.S. Ethnogenese als Kulturgeschichte archaologisch betrachtet. Neue Einstellung. – Beitrage zur Ur- und Fruhgeschichte (Coblenz-Festschrift). – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1981. – Teil 1.
5. Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки. – М.: Стратум, 2002.
6. Klejn L.S. A brief validation of the migration hypothesis with the respect to the origin of the Catacomb culture // Soviet Archeology and anthropology. – New York, 1963. – Vol. I. – № 4.
7. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей). – В кн.: Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана / Сост., доп. коммент. и предисл. О. Караева. – Бишкек: Шам, 1996.
8. ХАЛКЕДОНСКИЙ СОБОР, IV Вселенский собор, созванный в 451 г. императором Маркианом по соглашению с папой Львом I Великим для рассмотрения дела монаха Евтихия. Последний был осуждён в 448 г. Флавианом, патриархом Константинопольским, однако был оправдан в 449 г. так называемым «Разбойничьим» Эфесским собором, незаконно созванным Диоскором, патриархом Александрийским. На встречу в малоазийском городе Халкедоне (совр. Кадыкёй, Турция), продлившуюся с 8 октября по 1 ноября 451 г., собралось от 500 до 600 епископов (в большинстве своём представители восточных церквей), осудивших как еретическое учение Евтихия о том, что Иисус Христос обладает лишь «одной природой после соединения» его божественности и его человечества. Собор торжественно провозгласил, что в Иисусе Христе две природы: божественная и человеческая; каждая совершенная и особенная, соединены в одной ипостаси Слова, второго Лица Троицы; тем самым Собор опровергал несторианскую ересь, признававшую два Лица в Иисусе Христе. Собор объявил учение об ипостасном единстве, изложенное в Томосе – догматическом послании папы Льва Великого к Флавиану (449 г.), учением отцов церкви. Собор не обеспечил духовного согласия на Востоке, однако его вероопределение на протяжении веков оставалось основой восточного православия.
9. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.

10. Dehn W. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen / Eds.: P.M. Duval et V. Kruta. – Les mouvements celtiques du V-e au I-e siècle ant notre ère (IX Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques). – Paris, 1979.

11. *Neustupny E.* Mobilitat der Aneolithischen Populationen // *Slovenska archeologia*. – 1981. – XXIX-1.

12. *Neustupny E.* Prehistoric migrations by infiltration // *Archeologicke Rozhledy*. – 1982. – № 34.

13. *Kristiansen K.* Prehistoric migrations – the case of the Single Grave and Corded Ware cultures // *Journal of Danish Archaeology*. – 1991 (1989). – Vol. 8.

14. *Мернепт Н.Я.* Миграции эпохи неолита и энеолита // *СА*. – 1978. – №3.

15. *Ammerman A.J. and Cavalli-Sforza L.L.* The Wave of Advance Model for the spread of agriculture in Europe / Ed. C. Renfrew. – *Transformations: Mathematical approaches to culture change*. – New York, 1979.

16. *Ruiz Zapatero G.* Modelos teóricos de invasiones/migraciones en arqueología prehistórica // *Tutormacio Arqueologica*. – 1983. – № 41.

17. *Тумов В.С.* К изучению миграций бронзового века // *Археология Старого и Нового Света*. – М.: Наука, 1982.

18. *Клейн Л.С.* Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973 г. Доклады советской делегации). – М., 1973.

19. *Klejn L.S.* Zagadka grobow katakumbowych rozwiazana? // *Z otchylani wiekow*, r. XXXIII, zes. 4. – 1967.

20. *Klejn L.S.* Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. – *Jahresschrift für mitteledeutsche Vorgeschichte (Halle)*, Bd. 58. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974.

21. *Klejn L.S.* Das Neolithikum Europas als ein Ganzes. – *Jahresbuch für mitteledeutsche Vorgeschichte*, Bd. 60. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1976.

22. *Klejn L.S.* The coming of Aryans: who and when? // *Bulletin of the Deccan College Research Institute (Pune)*. – 1984. – Vol. 43.

23. *Потанов Л.П.* Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири*. – Новосибирск, 1978.

Дмитрий ЧЕРНЫШОВ,
соискатель КРСУ

НЕСТОРИАНСКАЯ ЭПИГРАФИКА КЫРГЫЗСТАНА

На территории Кыргызстана найдено большое количество средневековых памятников эпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать ещё не написанную историю письменности Кыргызстана. Здесь найдены тексты, нанесённые латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами. Это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Великом Шёлковом пути. Тексты хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения.

Значение различных алфавитов для развития культуры средневековой Киргизии не было однозначным. Некоторые системы письма, например латынь и китайские иероглифы, были известны средневековому населению Кыргызстана исключительно по надписям на монетах или привозных вещах. Они практически совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона. Другие системы письменности – тибетская, санскрит – были связаны только с религией. Сведений об использовании этих алфавитов в мирской жизни нет. Заметную роль сыграл сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи. Важную роль в культурной жизни средневекового Кыргызстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Мало того что согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов – рунического и уйгурского. Об исключительном культурном значении арабского

алфавита свидетельствует тот факт, что, начиная с X века, он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства и науки.

История тюркских языков Средней Азии до сего времени остаётся малоизученной. Для её восстановления большой интерес представляет исследование средневековых и раннесредневековых памятников письменности, найденных в Кыргызстане.

Несторианские памятники письменности

В 80-х годах XIX века в Семиреченской области, близ городов Пишпека и Токмака, были найдены два древнехристианских кладбища, где имелись многочисленные надгробные камни с сирийскими письменами. Это неожиданное открытие вызвало большой интерес, и перед востоковедами России возникла новая задача – изучить следы пребывания несториан в указанных районах и причины их исчезновения.

Первые сообщил учёным о пишпекских памятниках межвик Семиреченского областного управления Т. Андреев. Член Туркестанского кружка любителей археологии Н.Н. Пантусов передал три камня с надписями в Археологическое общество, где комиссией были сделаны их фотографические снимки. Ряд фотографий прислал в археологическую комиссию из г. Верного профессор Г.С. Дестунис; Д.В. Городецкий также передал пять фотографий подобных камней.

На местах находок надписей археологическая комиссия поручила Н.Н. Пантусову произвести раскопки. Пантусов предполагал, что надписи сделаны на сирийском языке. 13 декабря 1885 года было решено, что находки из Пишпека будет изучать профессор Д.А. Хвольсон, уже получивший копии надписей некоторых надгробий.

Д.А. Хвольсон сделал разбор и перевод 22 надписей, опубликовав свои материалы сначала на немецком языке, а затем на русском, добавив шесть новых текстов. У Хвольсона было три камня в подлиннике, тринадцать фотографических снимков разного достоинства, полученных через академика В.В. Радлова от редактора «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцева, и 12 прорисей.

«Все надписи, – писал Д.А. Хвольсон, – принадлежат несторианам и писаны сирийско-несторианскими письменами более позднего типа. Они разнятся довольно сильно как от древне-сирийского письма, так называемого эстрангело, так и от употребительного в наших печатных изданиях, так называемого яковитского. Более древние несторианские рукописи читаются довольно легко; несколько труднее читать менее древние рукописи, потому что в них письмена начинают переходить в курсивные» [1: 85].

Имея в своем распоряжении несовершенные копии текстов, сделанных от руки людьми, не знавшими сирийской письменности, Хвольсону трудно было их читать. Кроме того, в этих надписях он столкнулся с многочисленными собственными и нарицательными именами. Незнание тюркских языков доставило учёному много хлопот. Большую помощь в разборе надписей оказал ему известный тюрколог В.В. Радлов [1: 86].

Хвольсон дал некоторые сведения о несторианах, об их деятельности в Средней Азии, а затем в виде продолжения написал другую заметку – «Несторианские надписи из Семиречья», в которой перевёл и объяснил ещё шесть сирийских надписей.

К этому времени археологическая комиссия имела около 180 новых фотографических снимков. Часть из них ранее была издана Хвольсоном по весьма плохим копиям. Уточняя их чтение и объяснение, он разобрал ещё 167 текстов, девять из которых оказались написанными на тюркском языке и были переданы В.В. Радлову.

О способе чтения сирийских текстов с Д.А. Хвольсоном вступил в полемику известный гебраист Г. Гаркави. Хотя Хвольсон признал его аргументы недостаточными, но в одной из своих статей принял ряд критических замечаний.

Одновременно с Хвольсоном в Москве принял участие в изучении памятников С.С. Слуцкий. Он перевёл 308 надписей, подчеркнув, что они являются весьма важными и интересными находками. Он писал: «Это хотя вообще уже второй, но в своём роде первый и единственный памятник пребывания на Дальнем Востоке несториан, т.е. единственных христиан, в давнюю пору проникших туда. Первый такой памятник – замечательная сиро-китайская надпись VIII века, найденная близ Пекина в XVII веке, – относится к

началу христианства в тех местах; наши же надписи XIII–XIV веков – к концу там несторианства и приблизительно к тому времени, от которого дошли до нас сколько-нибудь подробные сведения о несторианах Средней Азии» [2: 2]. Некоторое внимание Слуцкий уделил вопросам о направлении строк, знаков, соединяющих их чертах, о крестах, датах надписей и т.д.

В 1890 году Хвольсон публикует по сирийским надписям специальную работу на немецком языке, в которую вошла и статья Радлова, посвящённая тюркским текстам несторианской письменности. В работе дано 230 надписей с комментариями исторического и палеографического характера и, кроме того, в виде приложения помещена таблица профессора Ю. Эйтунга, составленная в Страсбурге и отражавшая встречающиеся в надписях формы букв сирийского алфавита.

Несторианские памятники изучались, в основном, в Петербурге и Москве. Московских и петербургских учёных снабжали материалами Н.Н. Пантусов и Ф.В. Поярков.

1 ноября 1889 года на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества М.В. Никольский сообщил о предварительном исследовании 10 камней, присланных доктором Ф.В. Поярковым. Два из них были известны по изданиям С.С. Слуцкого; на пяти камнях оказались сирийские надписи, на двух – изображение креста без надписей.

На одном из заседаний общества было зачитано письмо Ф.В. Пояркова из Токмака, в котором он сообщил о получении им от местных жителей новых надгробных камней с несторианских кладбищ. Обследовать их взялся М.В. Никольский.

Н.Н. Пантусов предоставил в распоряжение учёных только до 1893 года более 600 снимков надгробных камней. Интересно, что при раскопке несторианских могил он обнаружил надгробный камень с армянско-сирийской надписью армянского епископа Иоанна, описанной впоследствии академиком Н.Я. Марром [3: 347].

Определённый интерес представляет статья В.В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей)» [4: 205–302].

В 90-х годах несторианские надгробные памятники были обнаружены близ селения Мазар (или Хорян-Мазар) в развалинах

Алмалыка – древней резиденции чагатайских ханов XIII–XIV веков. В мае 1902 года у урочища Кегень Н.Н. Пантусов получил от местных жителей два камня с надписями, найденными два года назад в руинах древнего города Алтын-Шагар.

16 августа 1902 года на заседании Туркестанского кружка любителей археологии Н.П. Остроумов огласил присланное ему Н.Н. Пантусовым сообщение о найденных на месте древнего Алмалыка двух камней с надписями и с изображением на одном из них несторианского креста. И.Ф. Плят заявил, что видел камни с крестом ещё дальше на восток, около Кульджи. Все алмалыкские надписи были переданы на рассмотрение профессору П.К. Коковцову. Изучая 14 новых надписей, полученных археологической комиссией и Русским археологическим обществом, он установил, что в палеографическом и лингвистическом отношениях алмалыкские надписи тесно примыкают к надписям из Токмака и Пишпека [5: 200].

Поездка В.В. Бартольда в 1893–1894 годах в северный Кыргызстан открыла новую эпоху в историко-археологическом изучении края. После опубликования его отчёта значительно возрос интерес к исследованию Средней Азии, в том числе Кыргызстана. Появились различные работы о несторианских памятниках. Одна из них – статья А.Ф. Корчагина, посвящённая ранней истории несторианства [6: 103–115].

И.Т. Пославский, проезжая в начале 1900 года через Туркменскую степь, увидел на левом берегу р. Гюрген башню, сфотографировал её и сделал чертёж. Дальше он поехал вдоль р. Агрек, осмотрел могилу Баят-Аджи и заметил около неё низкие каменные, в основном Т-образные, кресты, вкопанные в землю. «Я узнал, – пишет Пославский, – что в первые века христианства крест изображался в виде буквы Т» [7: 184].

Осенью 1904 года П.К. Коковцов исследовал ещё десять памятников, присланных в Азиатский музей Академии наук русским консулом из г. Кульджи. Все надписи на них были сделаны на сирийском языке. На двух камнях, помимо обычных крестов, были более сложные изображения, причём на одном мы впервые встречаем изображение человеческих фигур. По мнению П.К. Коковцова, «при всей грубости и незатейливости выполнения, объясняющихся, впрочем, качеством материала (диорит), с

которым приходилось иметь дело художнику, эти изображения имеют несомненный интерес, как редкое, если не вообще единственное известие до сих пор; бесспорно – подлинные образцы религиозного искусства и религиозной символики среднеазиатских христиан, по национальности тюрков, за период от появления христианства в этих странах до конца XIV века» [8: 428].

В 1909 году П.К. Коковцов опубликовал статью «К сиротурецкой эпиграфике Семиречья», в которой описал два памятника, найденные в 1907 году возле Токмака и р. Жууку. В своём распоряжении он имел оттиски надписей на бумаге и их фотографические снимки. Хотя обе надписи были хорошо видны, возникли трудности при их переводе в связи с неудачной системой передачи в них тюркских слов и звуков при помощи семитическо-сирийского письма. Это, кстати, присуще всем сиротюркским надписям Семиречья.

После статьи П.К. Коковцова в изучении сиротюркских памятников наступило затишье. Новый этап изучения памятников несторианской эпиграфики связан с деятельностью советских учёных, таких как А.Я. Борисов, Н.В. Пигулевская, В.В. Бартольд, А.Н. Берштам, М. Лютов.

Большой вклад в изучение несторианских памятников внёс наш соотечественник Ч.Д. Джумагулов. По данной тематике им написано много интересных работ, например: «Язык сиротюркских памятников Киргизии», «Эпиграфические памятники Киргизии», «Из истории открытия и изучения арабских памятников в Киргизии», «Эпиграфика Киргизии» и др. На сегодняшний день Ч.Д. Джумагулов является ведущим специалистом в области средневековой эпиграфики в Кыргызстане. В 2006 году ему за цикл эпиграфических исследований присуждена Государственная премия Кыргызской Республики в области науки и техники.

Образцы несторианского письма

Самыми многочисленными памятниками Кыргызстана являются эпиграфические надписи христиан-несториан. Они относятся, в основном, к XII–XV векам, но есть и более ранние – VI–VII веков. Надписи на них выполнены на древнесирийском,

иногда на тюркском и смешанном сиро-тюркском языках. Семиреченские несторианские надгробия относятся к монгольской эпохе и указывают на существование несторианских поселений в Чуйской долине. Среди найденных надписей есть и более древние, их можно отнести к периоду господства караханидов и киданей.

В 1885 году близ городов Пишпек и Токмок были найдены два древних христианских кладбища, где сохранились многочисленные надгробные камни с несторианскими письменами. Кокковцов совместно с Фетисовым произвёл там раскопки более пятидесяти могил и насчитал 611 надгробных камней. По мнению учёного, здесь было захоронено примерно 3000 человек. Все найденные камни не имели определённой формы, взяты они были, видимо, из горных речек и использовались без обработки. Посередине камня-памятника высекали крест, а вокруг него наносили надписи справа налево, сверху вниз, в основном на сирийском языке, иногда внутри текста вкраплялись тюркские слова, обозначающие тот или иной год тюркского двенадцатилетнего цикла. Личные имена погребённых тоже разные – христианские и тюркские. Тексты начинаются с даты смерти, дальше – чья это могила, кто усопший, кем был в жизни и т.п. Для примера можно привести два текста: один на тюркском языке, а другой на несторианском. Тюркские надписи в большинстве случаев начинаются с эры Александра Македонского.

Тюркский текст

Перевод

(1) Александрос	(1,2) По исчислению царя
(2) кан сакши минг	Александра, тысяча
(3) алты йдизйигirmi	(3) шестьсот двадцать
(4) сакиз эрди	(4) восемь (1317 г. н.э.) было
(5) туркча йыл йонт	(5) по-тюркски год Коня
(6) эрди	(6) был
(7) пу карба	(7) это могила
(8) Илташ кашаныг	(8) священника Илташа
(9) йат ползун	(9) да будет (ему вечная) память

Несторианский текст

Перевод

(1) башнат аалер шетмаа	(1) В году тысяча шестьсот
(2) йми шин хаваа шнат	(2) пятидесятом (1339 г. н.э.) был год
(3) арнубатлитаа	(3) собаки (это могила) девочки
(4) Мехаймантаа	(4) <...> верующей

Из этого следует, что христианскую веру приняли много представителей местного тюркского населения. Собственное имя Илташ – явно тюркское. Христианство исповедовали не только мужчины, но и женщины, о чём свидетельствует множество имён женщин-христианок [9: 12–19].

В 1980 году на территории Краснореченского городища также были обнаружены следы христиан-несториан. Об этом свидетельствуют обнаруженные три могильных камня, кирпич с надписью «Георгий-кузнец», три креста, каждый из которых имеет характерную конфигурацию так называемого мальтийского креста, с расширяющимися в виде раструбов концами. Одна из сторон, как правило, имеет рельефные валики по краю раструбов. В пользу проживания здесь большой христианской общины в VIII–X веках свидетельствует и местная графика. На Краснореченском городище был найден хум, надпись на венчике которого гласит, что он изготовлен в дар наставнику христиан. Хум также был найден в 1940 году при строительстве БЧК и его надпись расшифрована так: «Этот хум предназначен для учителя Йарук тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он [хум] наполненным. Аминь, аминь». Сосуд датирован IX–X веками. Имя учителя «Йарук тегин» указывает на его знатное происхождение. «Йарук», «жарык» – по древнетюркски и по-кыргызски «светлый», «светлейший»; «тегин» – титул, присоединявшийся у древних тюрков VI–VII веков к именам младших членов каганской семьи и примерно соответствовавший титулу принца королевской семьи. Вследствие этого имя «Йарук тегин» можно условно передать в переводе как «светлый (светлейший) князь». Интересно также и то, что сосуды – преимущественно хумы с автографом Пастуна – уже трижды встретились на городище. Из этого можно судить о широком применении в быту письменности [10: 62–76].

Географическое распространение христианства в Кыргызстане

Сирийские и сиро-тюркско-несторинские эпитафии образуют наиболее многочисленную группу эпиграфических памятников на территории Кыргызстана. Находки несторинских эпитафий в окрестностях селения Кара-Джигач не случайны. В XIII–XIV веках здесь располагался город Тарсакент, что буквально означает «город христиан», из персидского «тарса» – «христианин» и согдийского «кент» – «город». Ещё в географическом сочинении Хамдаллаха Казнови «Нузхатал-клуб» (1340 г.) указывается, что часть населения Чуйской долины – христиане (тарса), и именно несторинские.

Обследовавшие городище у села Кара-Джигач в 1929 году А.И. Тереножкин, затем П.Н. Кожемяко отмечали, что оно плохо сохранилось, не имеет чётко выраженной топографии, кроме небольших холмиков и высокого центрального бугра, являющегося одним из атрибутов древних городищ. На распаханых полях ими было обнаружено большое количество керамики XIII–XV веков. Подъёмный материал и весь комплекс признаков позволили Кожемяко высказать предположение об отождествлении городища Кара-Джигач с одним из христианских поселений. Сейчас очень трудно установить местонахождение христианского городища, так как прошло более пятисот лет с того времени, как перестала существовать несторинская община.

Вообще, о последнем периоде жизни несторин и их исчезновении из Семиречья нет достоверных сведений, хотя в отдельных источниках сообщается, что несторинские были уничтожены нашествием Тамерлана. Существует и другая точка зрения, суть которой сводится к тому, что местные племена, принявшие христианство, и отдельные представители общин в сложившихся обстоятельствах приспособились – растворились среди местного населения, тем самым порвав последнюю нить, связывавшую несколько веков несторинство с обширным тюркским миром.

Несторинские эпитафии являются не только ценными историко-культурными памятниками, но и важными лингвистическими источниками. Тюркская лексика этих текстов

отражает диалекты тюрков Семиречья, старейшие её пласты восходят, вероятно, к караханидской эпохе. Например, такие слова, как «сакыш» (счёт, исчисление); «алкышлык» (благословенный), «йарлык» (повеление, приказ), встречаются в письменных памятниках караханидского времени, в «Диване» Махмуда Кашгарского и в «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского. Однако в этих трудах мы не обнаруживаем слов «узут» (душа умершего), «йиртунчу» (поверхность земли, мир), которые зафиксированы в тюркских текстах несторианских памятников. Из этого можно предположить, что во времена Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского их ещё не существовало [9: 38–58].

Следов пребывания христиан в Прииссыккулье сравнительно немного. Ещё в 1907 году у реки Жууку (Зауке) было найдено два кайрака с несторианскими письменами. В 1963 году житель Джеты-Огузского района Бапаев у села Саруу нашёл ещё одну эпитафию. На стене высокогорной пещеры Ак-Чункур (бассейн реки Сары-Джаз) военный топограф и альпинист В.И. Рацек обнаружил и скопировал изображение несторианского креста. Он был нарисован чёрной краской, рядом – непонятные письмена.

В конце XII века Кашгар и Семиречье, а значит и территория Прииссыккулья, входили в одну несторианскую метрополию. Наибольшего влияния на территории Киргизии христианство достигло во времена правления первых ханов-чингизидов. Ханы Гуюк, Менгу и Хулагу покровительствовали несторианам. Если верить землепроходцу Марко Поло, хан Джагатай сам принял христианство. Правда, подобные сообщения мало чего стоят, так как европейские миссионеры, стремясь выдать желаемое за действительное, «часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианам».

Ещё с прошлого века в Ташкентском историческом музее хранится покрытая синей глазурью керамическая ваза, которую доставили туда с Иссык-Куля. На ней изображены двенадцать человеческих фигур нетюркского облика. Количество фигур и их облик, необычные для Семиречья, вызвали предположение, что на вазе изображены 12 апостолов – сподвижников Иисуса Христа. В.В. Бартольд, изучая материалы по данной вазе, усомнился

в такой трактовке, так как заметил среди изображений женскую фигурку с ребёнком [11: 430–431]. Иссык-кульская ваза требует дополнительного изучения в связи с тем, что христианская символика несториан Семиречья (кроме характерных крестов и сцены жертвоприношения огню с двумя человеческими фигурами) практически неизвестна.

Среди материалов краеведа Н.Д. Черкасова хранилась фотография валуна с изображениями типичного несторианского креста. По словам Н.Д. Черкасова, снимок был сделан на Иссык-Куле в окрестностях с. Тору-Айгыр. Наши попытки найти этот валун пока не увенчались успехом.

Большую дискуссию о происхождении и трактовке изображений породили серебряные с позолотой блюда, известные как Аниковское и Григорьевское, названные по месту их обнаружения в конце XIX – начале XX века. Долгое время оба блюда трактовались как ирано-сасанидские, затем было доказано среднеазиатское их происхождение. В последнее время появилось мнение, что они были отлиты в несторианских кругах Семиречья в IX–XI веке по слепку, восходящему к VIII веку.

Армяне-халкедониты. Христианский монастырь на Иссык-Куле

Кроме надгробных камней, существуют и другие эпиграфические памятники. Например, трёхстрочная армянская надпись на штукатурке под фреской в крестообразном храме, открытом в 1902 году, в переводе читается так: «Тот к[то сделал] Богу это в храме, есть Мхитар, раб Бога». К сожалению, существенная часть фразы – сказуемое не читается ясно, и поэтому неизвестно, о каком действии Мхитара говорится, о том ли, например, что он сделал (посвятил) «Богу это в храме», или о том, что он пришёл молиться «Богу в этот храм». Письмо – мешанное, инициально-строчное. Так как текст эпиграфический, притом надпись нацарапана неисконной рукой, то мешанный характер письма можно объяснить неумелостью писавшего и отчасти техническими условиями и неудобством начертания, а любопытную

особенность слов – диалектом, на котором говорил автор. Сама надпись датируется не позже VIII века.

Вторая надпись обнаружена на одном из осколков мраморной вазы, найденной в том же храме: В двух, по-видимому, нацарапанных, строках под греческим текстом только в левой половине его есть армянские буквы, в большинстве случаев их можно определить. Но начало надписи отбито, и это обстоятельство вместе с необычностью начертания трёх подряд букв (5, 6, 7-ой) не позволяет вычитать из армянской надписи что-либо ценное. В начале стоит слово, означающее «доблестные», затем – предлог со значением «из». Не читаются 5, 6 и 7-я буквы, которые должны составлять основу имени существительного, которым управляет этот предлог. Заканчивается армянская часть надписи словом «Бога», стоящим под титулом и определяющим неизвестное имя. Остальная часть к армянской надписи причислена быть не может [12: 212–213].

Также был найден надгробный камень в Семиреченской области с армяно-сирийской надписью, датированной 1323 годом. Это один из немногих экземпляров с армянской надписью, найденный на христианском кладбище. Этой находкой на Пишпекском кладбище мы обязаны Н.Н. Пантусову, производившему летом 1892 года раскопки в названном месте по поручению археологической комиссии. Был сделан фотоснимок этого камня, надпись на котором переводится следующим образом: «Христос Иисус Господь Бог. Владыка Иован (Иоанн) армянский епископ. Летосчисления армянского 772 написана (эта) память» [3: 10–11]. Данная надпись даёт основание полагать, что из армян здесь была не единичная личность, а более или менее значительная колония.

В других надписях XII–XIII веков встречается имя, в котором можно признать армянскую форму имени Павел. После победы антихалкедонитства в Армении армяне-халкедониты стали исчезать вследствие процесса денационализации, предварительно распавшись на три ветви. Одна из них – колония армян-халкедонитов, аркаунов (армяне эти, по-видимому, не составляли обособленной от сирийцев церкви) – существовала в Средней Азии с VIII века. Это свидетельство перекликается со сведениями Каталанской карты, составленной на острове Майорка, который

был знаменит во второй половине XIV века благодаря жившим и работавшим там династиям мастеров-картографов. Среди них были еврей Крескес Авраам (по прозвищу «мастер карт и компасов») и его сын Йехуда, жившие в городе Парма. Чтобы спасти себя и своё дело, они приняли христианство. Сын завершил составление карты мира, начатое отцом. Этот так называемый Каталанский атлас, составленный Крескесами в 1375–1377 годах, состоящий из шести листов, который был издан Бюшеном и Тастю. В настоящее время он хранится в Национальной библиотеке в Париже [13: 13–14].

На Иссук-Куле, согласно этой карте, жили христиане не только несторианского толка, но и последователи некоторых из ересей, распространённых среди армян (павликиане, тандракийцы). На этой карте на северном берегу озера изображено здание с двумя башнями, увенчанными крестами, с пояснительной надписью: «Место, называемое Иссук-Куль (Yssicol). В этом месте...». Однако далее эту надпись можно перевести по-разному. Хвольсон переводит следующее слово как «монастырь» и склонен считать несторианским «армянский монастырь», указывая на невероятность, чтобы армяне добрались до Иссук-Куля. Т. Слуцкий, напротив, переводит это слово как «церковь» и сомневается в возможности существования несторианских монастырей в этих местах «по трудности образования монастырей в чужом их религии крае». Н.А. Аристов соглашается с мнением Слуцкого. Существование монастырей в маленьких несторианских общинах Туркестана невероятно, потому что несториане в Туркестане были для устройства монастырей слишком малочисленны, бедны, погружены в заботы о вседневном существовании и безопасности, наконец, вообще лишены тех необходимых для отрешённости от мирских дел условий и той высоты религиозного развития и напряжённости религиозных верований, без которых невозможно возникновение монашества и монастырей [14: 393–394].

В Семиречье в эту эпоху христианство существовало как в южной его части, так и в северной. Из других христиан, кроме несториан, можно отметить наличие яковитов в Самарканде и в Яркенде и армян в Семиречье. По справедливому замечанию Н.Я. Марра, с тех пор как в Семиречье были найдены камни с армянскими надписями, нет оснований сомневаться в том, что

монастырь на северном берегу Иссык-Куля действительно принадлежал, согласно Каталанской карте, армянам, а не несторианам. Кроме того, путешественник Гильом де Рубрук при дворе монгольского хана Мунке встретил армянина Сергия, который на родине был ткачом и к монголам приехал под видом отшельника и сумел приобрести среди них влиятельное положение [15: 572].

Однако на Каталанской карте нарисовано довольно длинное и широкое здание, на концах которого две высокие башни. Путешественник Рубрук, а также мусульманские средневековые историки Араб Мах и Мирза Хайдар упоминали город Иссык-Куль, который, как уже говорилось выше, обозначен на Каталанской карте. Однако сейчас на северном побережье известны только два пункта, где отмечены крупные средневековые развалины: Каменское городище, расположенное севернее восточной окраины с. Джаркымбаево и подводные развалины близ села Тору-Айгыр. На северном берегу озера христианские надгробные надписи найдены только близ с. Тору-Айгыр, но они выполнены не армянскими графемами, а сирийскими. Вопрос о месторасположении монастыря армянских братьев остаётся открытым. Известно, что озеро Иссык-Куль на протяжении многих веков то выходит из берегов и затопляет всю котловину (трансгрессия), то катастрофически сокращается (регрессия). Гидрологам, географам и археологам удалось составить весьма примерную таблицу трансгрессии и регрессии озера Иссык-Куль.

**Высокий уровень
(трансгрессия)**

1. Рубеж II в. до н.э. – I в. н.э.
2. Около IV–VI вв.
3. VII–VIII вв.
4. Вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.

**Низкий уровень
(регрессия)**

1. II–III вв. н.э.
2. Первая половина VII в.
3. XI–XIV вв.
4. XVII в. – первая половина XVIII в.

Рассматривая трансгрессии и регрессии озера Иссык-Куль, можно предположить, что в рассматриваемый нами период,

когда озеро начало менять свой уровень, и мог быть построен монастырь армянских братьев. Затем он оказался под водой. В пользу того, что монастырь всё-таки существовал, могут служить сведения в ряде христианской литературы, где освещается тема нахождения мощей св. Матфея, апостола и евангелиста, в комплексе монастыря армянских братьев [11: 431].

Апостол и евангелист Матфей – автор первого канонического Евангелия, один из числа двенадцати апостолов Иисуса Христа – был призван к должности мытаря, т.е. сборщика пошлин (самого униженного для иудея положения). Сначала он носил имя Левия, но впоследствии называл себя Матфеем. По свидетельствам Климента Александрийского, Ириния, Ёвсевия и других, он в течение 15 лет по вознесении Иисуса Христа проповедовал иудеям в Иерусалиме, а затем отправился с проповедью к другим народам – эфиопам, македонянам, персам. Путешествуя к персам, Матфей побывал в горах Армении, где, по преданию, и умер. О месте захоронения Матфея точных данных нет. И как уже было сказано выше, на Каталанской карте упоминаются мощи св. Матфея, находившиеся в армянском монастыре на Иссык-Куле. Вероятно, после победы антихалкедонитства армяне бежали в Сирию, а затем и на территорию Тянь-Шаня, взяв с собой свою реликвию – мощи св. Матфея.

Изучая данную проблему, нельзя не заметить, что одни исследователи, например П.П. Семёнов-Тян-Шанский, видевший Каталанскую карту, называют монастырь на территории Иссык-Куля несторианским. Однако Слуцкий, Аристов не соглашаются с этим мнением и называют монастырь армянским. И нам предстоит провести ещё не одно исследование, чтобы прийти к однозначному выводу.

Литература

1. *Хвольсон Д.А.* Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // ЗВОРАО. – Т. I. – 1886.
2. *Слуцкий С.С.* Семиреченские несторианские надписи. Древности восточные. Т. 1. Вып. 1. – М., 1889.
3. *Март Н.Я.* Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. // ЗВОРАО. – Т. VIII. – 1893–1894.

4. *Бартольд В.В.* Соч. Т. II. Ч. 2. – М., 1964.
5. *Коковцов П.К.* Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // ЗВОРАО. – Т. XVI. – 1905.
6. *Корчагин А.Ф.* Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии // ПЗТКЛА. – 1897–1898.
7. *Пославский И.Т.* Из поездки на р. Атрес и р. Гюрген (Путевой очерк) // ПЗТКЛА. – 1900.
8. *Коковцов П.К.* Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии // Изв. Импер. акад. наук. – 1907. – № 12.
9. *Джумагулов Ч.* Эпиграфические памятники Киргизии. – Фрунзе, 1988.
10. *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда. – Фрунзе, 1988.
11. *Бартольд В.В.* Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.
12. *Март Н.Я.* Записи о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Изв. Импер. археологич. комиссии. – СПб., 1904.
13. *Ярков А.П.* Евреи в Кыргызстане. – Бишкек, 1999.
14. *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы: Очерк истории и быта населения Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек, 2001.
15. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. – М., 1963.

Приложения

Василиус КЛЯЙН,
приват-доцент, доктор философии и доктор теологии
(г. Бонн, Германия)

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ФИКЦИЕЙ В КАТАЛАНСКОМ АТЛАСЕ (1375 г.)

Каталанский атлас (Atlas Catalan)

Каталанско-майоркскую картографию мы встречаем в XIV веке в высоко развитой форме без широко известной предыстории. Остров Майорка был в то время важным центром торговли, находившимся под влиянием арабской, каталанской, итальянской и еврейской культур. Особенностью изготовленных на Майорке карт был не только их высокий уровень (в XIV веке эти карты называли «совершеннейшее мастерство»), но и легенды, т.е. пояснения на каталанском языке [1: 402].

Каталанский атлас мира [2] является произведением майоркской школы и превосходит по своему содержанию распространённые в то время портоланы (portolane) [3], которые изображали, в основном, Средиземное и Чёрное моря. Изготовленный в 1375 году (или несколько позже) атлас приписывают еврею Крескесу (Cresques) [сыну] Авраама [4: 1086]. Современные исследования подтверждают не только то, что Крескес был в состоянии репрезентативно составить такой атлас, служивший скорее украшением, чем практическим пособием для мореплавания, но и то, что среднее отклонение измеренных точек в Средиземном море составляет лишь 34 км – впечатляющая точность для того времени [5]. Атлас состоял первоначально из шести несоединённых друг с другом листов пергамента величиной 50 x 65 см, каждый из которых был натянута на деревянную панель. Позднее листы были сняты с досок и соединены в книгу. При этом страницы были вертикально согнуты, что привело к тому, что они, в конце концов, разломились. На сегодняшний день этот атлас представляет собой 12

вновь соединённых полулистов. Причём вдоль линий разлома трудно что-либо разобрать [6: 9–12]. Листы 1 и 2 содержат комментарии и астрономические данные, листы 3 и 4 – высококачественное изображение Европы, Средиземного моря и Северной Африки. И только на листах 5 и 6 появляется Азиатский континент [7: 401–402], который включает в себя всего лишь области от Атлантического океана до Чёрного моря. Лист 5 [8] изображает Каспийское море, Персидский залив, Аравию и северо-западную Индию; а лист 6 – остальные части Средней Азии, Шри-Ланку, Индонезию, Китай и Монголию.

Средняя Азия на листах 5 и 6

Сначала я хотел бы показать на нескольких примерах, как работал Крескес, каким образом он использовал различные источники, что он делал, когда актуальные источники отсутствовали. Затем будет рассмотрена специальная запись, касающаяся армянского монастыря на Иссык-Куле, находящегося на территории сегодняшнего Кыргызстана.

Начнём с подробно изображённого на листе 5 каравана, состоящего из навьюченных верблюдов, всадников и пеших путешественников на северо-востоке Каспийского моря. Караван идёт по обычному для того времени (период монгольского правления в XIII веке) маршруту. Сначала путешественники направлялись ко двору Ильханов (Ilchan) в Саррай (Sarraï) на северо-западном берегу Каспийского моря (этот город назвали в честь правящего там Саррай Ильхана Баки). Затем путь шёл через Каракорум (Karakorum), в данном случае южнее Тянь-Шаня, севернее которого в сильно сжатом виде должна была находиться вся Сибирь. Пояснение содержит следующее описание каравана: «Этот караван отправился в путь из страны Сарра (Sarra), чтобы пойти в Китай» [9]. Литературный источник к подробной легенде уже найден [8: 17–18]. Марко Поло, отправившийся в 1271 году из Венеции в Китай, сообщает так же, как Крескес, только подробнее, о городе Лоп (Lop) на озере Лоп Нор (Lop Nor) вблизи пустыни Такламакан (Taklamakan), находящейся на сегодняшний день в западном Китае. Он сообщает, что там запасались

всем необходимым для пересечения пустыни. Что касается продолжительности пересечения пустыни, то здесь мнения расходятся. Однако расстояния между источниками воды оцениваются в обоих случаях в один день пути, и этой воды хватало на 50, даже 100 человек. Марко Поло, так же как и Крескес, упоминает о злых духах. Он повествует об отставших путниках, которые слышали, как их звал по именам незнакомый голос. Они следовали за ним, сбивались с пути и пропадали [10: 37, 90–92].

Крескес использовал в своей работе путевые заметки Марко Поло, которые были написаны за 80 лет до создания Каталанского атласа. Он поместил данные о Тянь-Шане и пустыне Такламакан ошибочно к северу от Каспийского моря. Дальнейшей грубой ошибкой является то, что Аральское море вообще не изображено или идентично с Каспийским морем. К тому же Амударья на карте впадает ошибочно вместо Аральского моря в Каспийское.

Крайне сложно определить другие источники с такой же точностью. По крайней мере, можно найти параллели, которые указывают на источник использованных знаний. На южном берегу Каспийского моря изображён г. Геллам (Gellam), который, судя по всему, является ничем иным, как Ибн Баттутой (Ibn Battuta, 1304–1377, важный источник Крескеса относительно Африки), персидской провинцией Милан. На законченной в 1154 году карте арабского учёного и картографа Идриси (Idrisi) (1099–1164), служившего при дворе Рогера II (Roger II) в Сицилии, это место обозначено как Гилан (Gilan) [11]. Как раз для определения местонахождения портов в Индийском океане могут быть использованы дальнейшие арабские источники.

Кроме того, на карте отображены общепризнанные географические представления античного мира, восходящие к Гомеру, Геродоту, Непарху, Плинию старшему и, конечно, Птолемию. Эти представления нашли своё место и в путевых заметках Марко Поло [12: 353–357]. На карте изображены воздвигнутые Александром Македонским Золотые ворота и гора Арарат с Ноевым ковчегом, который должен был там причалить [Быт. 8, 4]. Багдад и Ниневийские развалины также присутствуют на карте, и мы можем восхищаться изображением Вавилонской башни [Быт. 11, 1–9]. Библия использована в качестве источника даже

для Арабского полуострова, где изображена царица Савская [3 Цар. 10: 1–13]. Крескес спешит сообщить в пояснении, что эта земля сейчас принадлежит арабским сарацинам. Остальные подробности этой легенды восходят к епископу Исидору Севильскому (Isidor von Sevilla) (636 г.), использовавшему знания античного мира. Изображённого рядом мусульманина, молящегося в сторону Мекки, можно найти также на венецианском портолане братьев Пицигано (Pizigano), датированном 1367 годом. Влияние итальянских портоланов проявляется и в других пунктах [6: 20], однако оно не распространяется на Среднюю Азию. Большинство изображённых среднеазиатских городов невозможно идентифицировать.

Тот факт, что Крескес использовал различные данные, подтверждают сведения, относящиеся к восточно-иранской афганской области. Там изображена земля Тарссия (Tarssid). Справа от неё расположены три волхва, скачущие на конях, хотя обычно их изображают сидящими на троне. Соответствующее пояснение сообщает: «Эта провинция называется Тарсия (Tarsien). Отсюда отправились в путь мудрейшие священные волхвы, и пришли они с подарками в Вифлеем в Иудее, и поклонились они Иисусу Христу, похоронены они в городе Кельне, что в двух днях ходьбы от Брюгге»[6: 86]. Таким образом связал еврей Крескес эту местность с христианством. Однако Н. Элиас (N. Elias) написал, что «тарса» (tarsv) может подразумевать и буддистов, и зороастрийцев, и политеистов, а также и просто немусульман [13: 290].

Но то место, которое находилось вблизи самого большого христианского кладбища, найденного в Семиречье и которое перс Рашид ад-Дин Табиб (Rasid ad-Din Tabib, ок. 1247–1318) назвал Тарсакентом (Tarsakent), может быть переведено только как «город христиан». Это объясняется тем, что его жители были преимущественно христианами, и невозможно найти указание на какое-либо другое место, которое оставило бы после себя сотни христианских надгробий [14: 132–136]. Сужение значения слова «тарса» (tarsa) на христиан, предпринятое Рашидом ад-Дином, подтверждает здесь идентификацию места находок надгробий, т.е. Кара-Джигач вблизи Бишкека, с Тарсакентом Рашида ад-Дина. Это подтверждается, хотя и слабо, Каталанской картой.

Марко Поло также упоминает священных волхвов. Он считает их родиной г. Саву, сегодня г. Саве (Sawch) юго-западнее Тегерана. Кроме того, он описывает их гробницы, расположенные там [10: 11, 54–55]. В данном случае Крескес опирается не на Марко Поло, а на возникшую в XII веке традицию, согласно которой останки священных волхвов находились сначала в Милане, а с 1164 года в Кельнском соборе.

Теперь рассмотрим лист 6 Каталанского атласа. Чем дальше на восток, тем хаотичнее становятся данные. Тапробана, сегодня Шри-Ланка [15], лежит там, где мы расположили бы Юго-Восточную Азию, и представляет собой, скорее всего, обзор местных больших островов. Христианский правитель Стефан (Stephan) изображён в северной Индии вместо южной, где и проживали христиане. Сообщается, что в его государстве находятся останки святого Фомы. Город Кабол (Cabol), который может быть идентифицирован как Кабул, обозначен здесь, по отношению к другим местностям, абсолютно неправильно. Вообще, города в Средней и Восточной Азии размещены, судя по всему, не по географическим данным, а по спискам городов. Помочь разобраться в данном случае может царь, изображённый вторым снизу. О нём говорится, что имя его Хабех (Chabech), правит он в Эмалсхе (Emalch), в стране Медея (Medeja). Хабех может быть Кебек-ханом, который с 1309 года правил в улусе Чагатай [6: 89]. К тому же Эмалсх может быть истолкован как столица улуса Чагатай Алмалык (Almalyk), а Медея – как государство, расположенное между Персией и Китаем [8: 21]. Более или менее подходит и то, что вблизи изображено озеро «Иссикол» (Yssicol), ему соответствует озеро Иссык-Куль. На его южном берегу (а не на северном берегу, также считает и Ханс-Кристиан Фрайеслебен [16]) обозначен армянский монастырь [8: 32]. Севернее от Иссык-Куля данные становятся всё более расплывчатыми. Здесь описываются искатели алмазов, обряд сожжения трупа и остров с охотничьим соколом для хана. Однако ничто из этого не соответствует реальности. Редко удаётся удовлетворительно истолковать обозначенные китайские города. Во всяком случае, одним из них является Хамбалех (Chambalech), то есть Ханбалик (Chanbalik), сегодня Пекин, которому оказана особая честь – он дважды изображён на карте, на обоих берегах

реки. В 1264 году он стал вместо Каракорума (Karakorum) монгольской столицей. Недалеко от прежней столицы изображена борьба низкорослых людей с журавлями [8: 22–23]. Религиозные мифы представлены в северо-восточной части Азиатского континента. Там находятся царства Гога и Магога, народы, описанные в Ветхом и Новом Заветах (Исх. 38, 39; Откр. 20, 7–8) как варварские народы, служители зла и даже Антихриста, так же они описаны и в атласе [17: 53–54, 162–169]. Согласно сказанию об Александре Македонском, они окружены горами. В другой, окружённой горами стране стоит царь посреди других коронованных особ, мирян, клериков и монахов. Сопровождающие надписи ссылаются как на рай, так и на Антихриста [18].

Достоверность сведений о Средней Азии и об армянском монастыре на Иссык-Куле

Записи и легенды о Средней Азии практически не содержат важной информации, тем более что основные источники Крескеса нам известны. Очень интересным исключением является озеро Иссык-Куль, имеющее на карте продолговатую форму и простирающееся с востока на запад. Это соответствует реальности, что само по себе необычно, так как остальные озёра, известные только своим названием, изображались в форме круга [6: 20]. Это озеро упоминается, начиная с VII века, в китайских и мусульманских источниках, в последних также под тюркским именем, которое и употребляет Крескес в своей карте. Кроме того, он приводит и другие варианты этого названия: Isik Kol, Iskul, Isigh-Ku, Iskal, Isi Kul и Isigh Kul [19: 212–213]. Если факт существования озера находит подтверждение в этих географических текстах, то этого нельзя сказать о здании на его берегу, судя по изображению, не обозначающем город.

К нему есть пояснение: «Это место (не озеро!) называется Исикол (Ysicol). В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся (погребены) останки св. Апостола и Евангелиста Матфея» [20]. Указанная информация не находит подтверждения в каком-либо известном нам литературном источнике.

Выполненная в форме круга, Каталанская карта мира Эстензе (Estense) из г. Феррары (Ferrara), созданная приблизительно в 1450 году, содержит указание на монастырь, но при этом не упоминает Иссык-Куль, какое-либо другое озеро или место. Карта сообщает: «Этот монастырь принадлежит монахам, которые хранят останки Св. Маттиаса [вероятно, ошибка в переводе «Маттео» (итал. Matteo) из итальянского подлинника, что, конечно же, должно означать «Матфей»] и являются армянами». Возможно, автор этой карты и Крескес опирались на один и тот же источник. Однако карта Крескеса гораздо подробнее и корректнее, так что эта запись, в любом случае, подтверждает данные карты Крескеса [21: 65, 95–88, 187]. Крескес, скорее всего, изобразил бы на карте озеро Балхаш, вдоль которого, к примеру, путешествовал Вильгельм де Рубрук (Guilelmus de Rubruc) в середине XIII века. Кроме того, озеро находилось на пути монгольской почты. Во времена Крескеса и даже 100 лет до него – время возникновения целого ряда его источников – никто, судя по всему, без особой нужды не ездил на Иссык-Куль. Последние путевые заметки, упоминающие Иссык-Куль, мы находим в жизнеописании Онгут-Турка (Ongut-Turk), ставшего впоследствии несторианским патриархом Яхбаллахом III (Yahballaha III, 1244/5–15.11.1317). Интересующая нас часть путешествия проходила в 1280 году из Кашгара через Тянь-Шань, мимо озера Иссык-Куль, через Чуйскую долину и вела в Тараз. Сообщается только, что Бог оберегал путешественников от разбойников. Этот отрезок пути описан довольно кратко и мрачно [22: 34–36].

Факт упоминания Иссык-Куля позволяет сделать предположение, что в данном случае Крескес опирался не на мистические, а на довольно достоверные данные. Вероятно, не само озеро вызывало особый интерес источника, а изображённый на его берегу и упомянутый в пояснении монастырь. Это вполне возможно, как показывает давняя известная находка армянского надгробия в Чуйской долине. На надгробии изображён украшенный крест, содержащий сокращённую надпись на армянском языке: «Иисус Христос, Господь Бог». Вокруг креста (в форме овала) написано по-армянски: «Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летосчислению в 772 году (т.е. в 1323 году н.э.) [23] написан этот памятник» [24: 347]. На краю

надгробия находится сирийская надпись: «Это могила Иоханана (Yochanan), армянского епископа» [24: 344–349]. Направление армянского епископа в Среднюю Азию в начале XIV века может объясняться только тем, что монастырь действительно существовал. При этом монастырь был, судя по всему, армянским, а не несторианским, что можно было бы предположить, исходя из неосведомлённости Крескеса по отношению к Средней Азии. Если это было так, то возникает вопрос: где же конкретно находился монастырь? Может быть, он был построен в самой Чуйской долине? Скорее всего, нет. Ведь в этом случае епископ Иоанн был бы похоронен недалеко от монастыря, и сирийская надпись оказалась бы излишней. Кроме того, это армянское надгробие не находилось бы на несторианском кладбище, что возможно было только при отсутствии там армянской общины или братства.

Основываясь на немногочисленных, известных нам фактах, можно всё-таки сделать заключение, что монастырь располагался на Иссык-Куле, как и указано в Каталанском атласе. Судя по всему, это был монастырь, а не община, так как для общины или даже для епископства не было достаточно верующих. Какое-либо большое поселение также отсутствовало. Даже у несториан в чисто христианском городе Тарсакенте не было епископа. Таким образом, подтверждается теория о монастыре, даже если он был маленьким.

И в заключение возникает вопрос: можно ли верить Крескесу, что монастырь располагался на южном берегу озера, как он изображён на карте? Не обязательно. Имея в виду, что в северной половине карты надписи выполнены вверх ногами, можно предположить, что монастырь был изображён на южном берегу по эстетическим причинам. Может быть, Крескес хотел избежать перевернутого изображения монастыря, расположи он его на северном берегу. В пользу его расположения на северном берегу могут выступать благоприятные климатические условия. Однако на южном берегу у села Саруу (Saruu) были найдены некоторые довольно неплохо сохранившиеся надгробия. К тому же дорога в Кашгар пролегла через Барскоон (Barskoon) на южном берегу и уходила в горы [14: 122–123, 259], т.е. на южном берегу пути сообщения были лучше. Конечно, на основании рисунка

трудно делать выводы о месте нахождения монастыря и его архитектуре.

Таким образом, Каталанский атлас пронизан глубоким интересом к христианству, причем не только на листах о Средней Азии. Например, важной достопримечательностью Иерусалима Крескес посчитал Храм Гроба Господня, а не Иерусалимский Храм на Храмовой горе; на горе Синаи изображён монастырь св. Екатерины. И хотя важные христианские центры – как, например, Ром – либо очень скромно отмечены, либо – как Сантьяго де Компостелла (*Santiago de Compostella*) – вообще не упомянуты, интерес остаётся значительным. Исламу также уделено внимание, хотя указание на могилу Магомета в Мекке ложно, так как он погребён в Медине. Иудаизм и религии Азии совсем не рассматриваются. На основании этого можно сделать вывод, что источники Крескеса проявляли интерес в первую очередь к христианству, не считая, конечно, географии. Так что карта сообщает больше о религиозных толкованиях авторами скромных географических знаний об Азии, чем о географии религий.

Однако реальность и фикция находятся рядом. Множество данных о Средней Азии основано на мифах и догадках. Именно поэтому запись об армянском монастыре на Иссык-Куле вызывает особый интерес. Она убедительна, так как отражает достоверную информацию, даже если ей может быть более ста лет. Таким образом, Каталанский атлас с его картами Азии может помочь при составлении целостной картины о географии религий на Великом Шёлковом пути.

Литература и примечания

1. *Mera's Martin*. Katalanisch-Mallorcinische Kartographie // Lexikon zur Geschichte der Kartographie von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg. Verfasst von zahlreichen Experten, bearbeitet von Ingrid Kretschmer, Johannes Dorflinger und Franz Wawrik, Bd. 1. – Wien, 1986 (Die Kartographie und ihre Randgebiete C/1).

2. Сжатое, но довольно информативное описание с обзором всех карт находится в: *Leifhauser Joachim G. Mappae Mundi*, Die geistige Eröberung der Welt. – Berlin, 1958. – С. 127–141. Издание с более подробными исследованиями и библиографией: *El Atlas Catalan de Cresques Abraham*. Primera edici6n con su traducci6n al castellano en el sexto cen-

tenario de su realizacion 1375–1975. – Barcelona, 1975. Атлас находится в Парижской Национальной библиотеке под шифром «Espagnol-30».

3. Monique de La Ronciere und Michel Mollat du Jourdin unter Mitarbeit von Marie-Madeleine Azard, Isabelle Rainaud-Nguyen und Marie-Antoinette Vannereau. Portulane, Seekarten vom 13. bis zum 17. Jahrhundert. – Munchen. 1984 (название оригинала: Les portulans, Cartes marine du XIIIe au XVIIe siele. Fribourg, 1984); Каталанский атлас в нём на с. 201–202.

4. Art. Cresques Abraham // Encyclopaedia Judaica, vol. 5. – Jerusalem, 1972.

5. Информационная брошюра к дипломной работе: Dipl.-Ing. Michaela Meyer, Universitat Essen (кафедра Prof. Dr. Peter Mesenburg).

6. *Mapamundi*. Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 hrsg. u, komm. v. Georges Grosjean. – Zurich, 1977.

Первое издание: Buchon Jean A., Tastu Joseph. Notice d'un atlas en langue catalane manuscrit de l'an 1375 conserve parmiles manuscrits de la Bibliotheque Royale sous le n° 6816. – Paris, 1841 (Notices et extraits de la Bibliotheque du Roi 14).

7. *Kretschmer* 1. Katalanischer Atlas// Lexikon zur Geschichte der Kartographie von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg, verfasst von zahlreichen Experten, bearbeitet von Ingrid Kretschmer, Johannes Dorflinger und Franz Warwik, Bd. 1. – Wien, 1986 (Die Kartographie und ihre Randgebiete C/1).

8. Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 nach dem in der Bibliotheque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben, mit einer Einfuhrung und Ubersetzungen von Hans-Christian Freiesleben. – Stuttgart, 1977 (Quelleri und Forschungen zur Geschichte der Geographie und der Reisen 11).

9. *Mapamundi*. Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 hrsg. u, komm. v. Georges Grosjean. – Zurich, 1977. – С. 33. В нём происходит исправление неправильного перевода, тот в свою очередь находится в: Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 nach dem in der Bibliotheque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben, mit einer Einfuhrung und Ubersetzungen von Hans-Christian Freiesleben. – Stuttgart, 1977 (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und der Reisen 11). – С. 17 и 31.

10. *Polo Marco*. Von Venedig nach China 1271–1292, Neu hrsg. u. komm. v. Theodor A. Knust (Textgrundlage: Ausgabe von Hans Eckart Riibesamen). – Stuttgart, 1972 (Lizenzausgabe).

11. *Miller Konrad*. Mappae Arabicae, Beihefte, Auszugsweise hrsg. u. m. einem korrigierenden Index versehen von Heinz Gaube. – Wiesbaden,

1986 (I ed. Stuttgart 1926–1931) (Beihefte zum Tbbinger Atlas des Vorderen Orients Reihe B Nr. 65). – С. 19–49, 136, esp. 152; ibd. Tafelband 74f.

12. *Schmleder Fellctas*. Marco Polo // Hauptwerke der Ethnologie, hrsg. v. Christian F. Feest u. Karl-Heinz Kohl. – Stuttgart, 2001 (KrOnes Taschenausgabe 380).

13. The History of Moghuls of Central Asia Being the Tarikh-I-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat, An English Version, Ed., with comm., notes and map by N. Elias, The Translation by E. Ross. – London, 1972 (Erstdruck, 1895).

14. *Klein Wassilios*. Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. – Turnhout, 2000 (Silk Road Studies 3).

15. *D. P. Weerakkody*. Taprobane, Ancient Sri Lanka as known to Greeks and Romans. – Turnhout, 1997 (indicopleustoi, archaeologies of the Indian ocean).

16. Этой неправильной локализации придерживаются в научной литературе со времён В. Бартольда.

17. *Klopprogge Axel*. Ursprung und Ausprägung des abendlandischen Mongolenbildes im 13. Iahrhundert, Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. – Wiesbaden, 1993 (Asiatische fccungen 122).

18. См.: Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 nach dem in der Bibliothque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben, mit einer Einfuhrung und Ubersetzungen von Hans-Christian Freiesleben. – Stuttgart, 1977 (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und der Reisen 11). – С. 24. К толкованию монголов как народа Антихриста см: Klopprogge Axel. Ursprung und Ausprägung des abendlandischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert, Ein Versuch I zur Ideengeschichte des Mittelalters. – Wiesbaden, 1993 (Asiatische Forschungen 122). – С. 183–186.

19. *Barthold W., Spuler B.* I'ssik-Kul // Encyclopaedia of Islam 4. – Leiden, 1978 (Reprint 1990).

20. Lo loch qui s appella-Ysicol. En aquesl loch es / moneslir de / rares ermenians on, segons que Is Ли, vs lo cars de sent Mathei apostol e evangelista // Mapamundi. Der Katalanische Weltatlas vom. Jahre 1375 hrsg. u. komm. V. Georges Grosjean. – Zurich, 1977. – С. 89. «Loch» ошибочно перевели как «озеро»: Der Katalanische Weltatlas vom Jahre 1375 nach dern in der Bibliothque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben, mit einer Einfuhrung und Ubersetzungen von Bans-Christian Freiesleben. – Stuttgart, 1977 (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie Lid der Reisen 11). – С. 32.

21. Aquesl moneslir es dejra / r es los quals tena(n) an / guardia los desent macia / e son Bm/n/sx 11 Mappamondo Catalano Estense / Die Katalanische Estense-Weltkarte, Kommentar: Kto Milano, franskription des Originaltextes: Annalisa Battini. – Dietikon–Zurich, 1995.

22. The History of Yaballaha 111, Nestorian Patriarch, and of his Vicar, Bar Sauma, Mongol [Ambassador to the Frankish Courts at the End of the Thirteenth Century, Translated from the Hriac and annotated by James A. Montgomery. – New York, 1927 (Records of Civilization, Sources Ind Studies 8), Nachdruck. – New York, 1966.

23. Армянская эра начинается 11 июля 552 года н.э. Из-за того, что в ней нет високосных лет, смещается начало года, по сравнению с юлианским календарём, каждые 4 года на один день. Таким образом, 772 год по армянскому летосчислению продолжался с 31.12.1322 по 30.12.1323: enfeld-Mahlersche Vergleichungs-Tabellen zur muslimischen und iranischen Zeitrechnung Tafeln zur Umrechnung orient-christlicher Aren, Dritte, verb. U. erw. Aufl. der «Vergleichungs-bellen der mohammedanischen und christlichen Zeitrechnung». Unter Mitarbeit von Joachim payr neu bearbeitet von Bertold Spuler. – Wiesbaden, 1961. – С. 12, 70.

24. *Март Н.* Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. // Западно-восточн. отд. Императ. русс. археологич. общества – СПб., 1894.

(В кн.: Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. – Бишкек, 2003)

Из материалов, предоставленных
архивом Тель-Авивского университета (Израиль)

ENCYCLOPEDIA «BETH HATEFUTSOTH»

CRESQUES, ABRAHAM (d. 1387). Majorcan cartographer. Abraham prepared maps and compasses for Pedro IV of Aragon and his son John, who conferred on him the title *magister mapamundorum et buxolarum*. His map of the world was sent by the infante as a gift to Charles VI of France in 1381. Both Abraham and his son Judah (see below) were granted royal protection in 1381 and exempted from wearing the Jewish badge. Pedro IV granted him revenues and the right to appoint the ritual slaughterers and inspectors in his community. The celebrated Catalan atlas, now in the Bibliotheque Nationals in Paris, is thought to be the work of Cresques.

JUDAH CRESQUES (b. 1360) was also a cartographer. After his father's death, he continued to make maps for John I and Martin of Aragon. During the anti-Jewish outbreaks in Spain in 1391, Judah became converted to Christianity, changing his name to Jaime Ribes. In 1394, he settled in Barcelona. From 1399, he is referred to in documents as *magister cartarum navegandi*. He is identical with the famous cartographer Mestre Jacome de Mallorca employed in Portugal by Henry the Navigator during the 1420.

Bibliography: G. de Reparaz, *Maestre Jacome de Malhorca* (1930); idem, in: *Estudis Universitaris Catalans*, 13 (1928), 221; A. Lopez de Meneses, in: *Esludios de Edad Media de la Corona de Aragon*. 5 (1952), 724ff.; A. Pons, in: *Hispania*. 16 (1956), 251-5; Baer, *Spain*, 2 (1965), 52. 464; Sefarad, index to vols. 1-15 (1957). s.v. Crescas.

Map makers

The first reference to a map is found in Ezekiel. 4:1. The prophet is bidden to outline on an unburned brick, a plan of a city under siege, such as are found on Babylonian monuments. Nearer to real map making is a rudimentary map of the borders of Erez Israel which Maimonides attached to one of his responsa (ed. Freimann. no. 346. 311).

The earliest examples of real maps known to have been designed by Jews belong to the so-called portolano maps, which are charts of the coastlines of the oceans, mostly of the Mediterranean, designed for the use of navigators. Portolanos are first mentioned in connection with reports on the second Crusade of Louis IX, king of France, in Tunisia in 1270. They were drawn with surprising precision and distances are also remarkably accurate. These maps, whose origin is still somewhat of a mystery, may preserve an ancient Greek and Byzantine tradition of sea charts, with Jews serving, as in other branches of science as intermediaries between antiquity and the Middle Ages. Jews on the Spanish island of Majorca, as well as from Alexandria and Safed, have signed their names as makers of portolanos.

The 14th and 15th Centuries

Abraham Cresques, cartographer and maker of portolanos worked at Palma in Majorca, then part of the kingdom of Aragon. As the «master of maps and compasses» to the king of Aragon, he is said to have produced in 1376–77, together with his son, the six large leaves of the «Catalan Atlas», which were presented by his sovereign to Charles VI of France. His son Judah, also a geographer and cartographer, was forcibly baptized in 1391 and christened Jaime (or Jacome) Ribes de Majorca: he became director of the nautical observatory at Sagres. Another Jewish cartographer of Majorca – who is conjectured to have belonged to Abraham Crescas's family – was Hayyim ibn Rich. He, too, was converted at the time of the persecutions in 1391, adopting the name Juan de Vallsecha. He was probably the father of the Gabriel de Vallsecha who made another famous *mapa mundi* in 1439 – now one of the treasures of the Institute of Catalan Studies in Barcelona: it belonged to Amerigo Vespucci – in which the meridian of the Azores is used for the first time in the history of cartography. Another Majorcan cartographer of Jewish birth was Mecia de Viladestes, a map of whose (dated 1413) is preserved in the Bibliotheque Nationale in Paris.

Plate from the «Catalan Atlas», a set of portolano maps drawn by Abraham Cresques and his son Judah (Jaime), in 1375–77 for Don Juan, heir to the French throne. The atlas was later presented to Charles VI of France. This double leaf shows the geography of the East, with the Volga and its delta and the Caspian Sea at upper left drawn upside

down. At upper right is a caravan, also drawn upside down, on its way to China. In the center of the map is the star of Bethlehem, with the three kings approaching from the right. The globe to the left of the star represents the Persian city or Shiraz. At bottom left is the Persian Gulf, with Mecca below is depicted as a walled city with three minarets. The enthroned female figure is the Queen of Sheba. (Paris. Bibliotheque Nationals. Ms. Espagnol 30, fol. 3v-4.)

The portolano maps, which appeared in the late Middle Ages, were used mostly for purposes of navigation and were probably derived from charts developed as early as the Byzantine period. Many Jewish cartographers were involved in the production of this kind of map in particular those of the Catalan school, centered in Majorca. The most renowned representatives of this school were Abraham and Judah (Jaime) Cresques: the latter drew the Catalan Atlas, the most beautiful and advanced project of the portolano cartography.

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «BETH HATEFUTSOTH»

КРЕСКЕС, АВРААМ (умер в 1387 г.). Картограф с острова Майорка. Авраам Крескес изготавливал карты и компасы для Педро IV Арагонского и его сына Хуана, который присвоил ему звание магистра *maratundorum et vicholarum*. В 1381 г. наследник престола послал его карту мира в качестве ценного подарка королю Франции Карлу VI. И Авраам, и его сын Юдай, или Иегуди (см. ниже), в 1381 г. находились под королевской защитой и освобождались от ношения на одежде значка о еврейском происхождении. Педро IV предоставил Крескесу щедрое жалованье, а также право назначать массовые наказания и контролировать еврейскую общину. Знаменитый Каталанский атлас, находящийся в настоящее время в Париже в Национальной библиотеке, как считается, был выполнен Крескесом.

КРЕСКЕС, ЮДАЙ (ИЕГУДИ) (род. в 1360 г.), картограф, сын Авраама Крескеса. После смерти отца он продолжил его дело по изготовлению карт для Хуана I и Мартина Арагонского. Во время еврейских погромов в Испании в 1391 г. Иегуди принял христианство и поменял имя на Хаиме Рибес. В 1394 г. он обосновался в Барселоне. После 1399 г. он упомянут в документах как магистр *cartarum navegandi*. Такое же звание носил известный картограф Местр

Жаком де Мальорка, который находился на службе у короля Португалии Генри Навигатора в 20-х годах XV века.

Библиография:

G. de Reparaz, *Maestre Jacome de Malhorca* (1930); *idem*, in: *Estudis Universitaris Catalans*, 13 (1928), 221:

A. Lopez de Meneses, in: *Esludios de Edad Media de la Corona de Aragon*. 5 (1952), 724 ff.:

A.Pons, in: *Hispania*. 16 (1956), 251-5:

Baer, *Spain*, 2 (1965), 52. 464: Sefarad, index to vols. 1-15 (1957). s.v. Crescas.

Картографы

Первое известие о картах содержится в Библии (Эзекиль, 4:1). Пророком были начертаны на необожженном кирпиче очертания плана осажденного города. Подобные картографические артефакты были найдены в Вавилоне. Однако наиболее близка к реальным картам примитивная карта границ Эрец Израиля, которую Маймонид приложил к одному из своих сборников вопросов и ответов *responsa* (ред. Freimann, 346. 311).

К самым ранним примерам реальных карт, изготовление которых связано с еврейскими картографами, можно отнести так называемые карты-портоланы, которые представляют собой карты береговых линий океанов, по большей части Средиземноморья, предназначенные для использования в лоцманской навигации. Портоланы впервые упомянуты в связи с сообщениями относительно второго Крестового похода Луи IX, короля Франции, в Тунис в 1270 году. Они были нарисованы с удивительной точностью, с замечательно точно обозначенными расстояниями. В этих картах, происхождение которых все еще остается своего рода таинственной загадкой, сохранилась, по всей вероятности, античная древнегреческая и византийская традиция составления морских карт. Эти карты, возможно, были изготовлены при участии еврейских картографов, подобно тому, как это имело место в других областях науки в переходный период между античностью и средневековьем. Еврейские картографы с испанского острова Майорка, также как из Александрии и Сафед, ставили свои подписи на изготовленных портоланах.

XIV–XV века

Картограф Авраам Крескес, занимавшийся изготовлением портоланов, работал на острове Пальма де Майорка, являвшимся в то время частью королевства Арагон. Будучи «мастером по изготовлению карт и компасов» для короля Арагона, он вместе со своим сыном, как считается, изготовил в 1376–77 гг. шесть больших листов Каталанского атласа, которые были подарены правителем королю Франции Карлу VI. Сына Авраама Крескеса Юдая (Иегуди), также ставшего географом и картографом, в 1391 г. насильственно принудили принять христианство под новым именем Хайме (или Джакоме) Рибес (с Майорки): он стал директором навигационной обсерватории в Сагресе. Другой еврейский картограф с Майорки, предположительно тоже принадлежащий к семье Авраама Крескеса, – Хайим ибн Рич. Он также был крещен во время преследований в 1391 г., приняв имя Хуан де Вальсеча. Он, вероятно, был отцом Габриэля де Вальсеча, который в 1439 году сделал другую известную *карту мира*, в настоящее время являющуюся одним из сокровищ Института каталанских исследований в Барселоне (долгое время эта карта мира принадлежала Америго Веспуччи, на ней меридиан Азорских островов используется впервые в истории картографии). Еще один картограф еврейского происхождения, принадлежавший майоркской школе, – Меки де Виладет; его карта, датированная 1413 годом, хранится в Национальной библиотеке в Париже.

На одном из двойных листов Каталанского атласа, карте-портолане, выполненной Авраамом Крескесом и его сыном Юдаем (Хайме) в 1375–77 гг. для дона Хуана, наследника французского трона, показана география Востока. Волга с ее дельтой и Каспийское море изображены в верхней левой части в перевернутом виде. В верхнем правом углу караван,двигающийся по направлению к Китаю, также изображен в перевернутом виде. В центре карты – звезда Вифлеема и три короля, изображенные двигающимися справа. Шар слева от звезды представляет персидский город, возможно, Шираз. Внизу слева – Персидский залив и Мекка, изображенная чуть ниже в виде окруженного стеной города с тремя минаретами. Возведенная на престол женская фигура – царица Савская. (Париж. Национальная библиотека. Ms. Espagnol 30, fol. 3v-4.)

Карты-портоланы, которые появились в позднем средневековье, использовались главным образом в целях навигации и были, вероятно, скопированы с карт, распространенных в начале Византийской эпохи. Многие еврейские картографы, и в особенности представители каталанской школы, расположенной на Майорке, были вовлечены в производство этого вида карт. Наиболее известными представителями этой школы были Авраам и Юдай-Иегуди (Хаиме) Крескесы, создавшие Каталанский атлас, самый красивый и передовой образец карт-портоланов.

Перевод Р.Г. Нурмаметова

Фрагмент 5-6 листов Каталанской карты.

ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ

Амалия БЕНЛИЯН,
корреспондент газеты «Вечерний Бишкек»
(Кыргызстан)

МОЛЬБА ВО МРАКЕ

Если на свете действительно есть места, заключающие в себе ответы, то одно из них, несомненно, находится здесь, в восточной части Иссык-кульского побережья, у большого глиняного холма, где кыргызстанские учёные обнаружили в прошлом году подземные ходы – предположительно остатки средневекового монастыря армянских братьев.

Отважный епископ

Одним из доказательств того, что на территории нынешнего Кыргызстана жила община армянских братьев, служит найденный в Чуйской долине надгробный камень. На нём изображен украшенный крест с надписью на армянском языке: *«Иисус Христос, Господь Бог». А вокруг в форме овала выведено: «Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летосчислению в 772 г. (то есть в 1323 г. н. э.) написан этот памятник».*

– Армянский епископ, оказавшись в Средней Азии в начале XIV века, когда в Чуйской долине было весьма неспокойно, имел, скорее всего, для этого веские основания, – говорит вице-президент Национальной академии наук Кыргызстана, академик, доктор исторических наук, профессор Владимир Плоских. – И, вероятнее всего, причиной, потребовавшей его приезда, было посещение монастыря.

О том, что монастырь располагался на Иссык-Куле, говорит Каталанинский атлас – всемирно известный документ, составленный испанским географом Крескесом примерно в 1375 году. На последнем листе атласа изображено озеро Yssicol, на берегу

которого обозначен армянский монастырь. Помечено также, что в монастыре хранятся мощи (или их часть) святого Матфея.

По узким проходам подземного монастыря продвигаемся осторожно и низко пригибаясь. Удивительно, но, оказавшись здесь, в абсолютной темноте, не испытываешь никаких фобий. Страх отступает, появляется долгожданное ощущение полного покоя и защищённости. Не проронив вслух ни слова, ты точно знаешь, что твоя мольба услышана. Там, под солнцем, ничего подобного не испытываешь...

Любовь — не картошка. А история?

– По словам старожилов, в начале двадцатого века пещеры имели два яруса, об этом говорят и провалы в нишах. Здесь были найдены фрагменты средневековой керамики, – поведала старший преподаватель кафедры истории и культуры КРСУ Светлана Громова. – Отцу Сергию, настоятелю Каракольской церкви, одна из пожилых прихожанок рассказывала, как в детстве она с отцом на лодке возили продукты монаху-отшельнику, который подныривал под водой в пещеру.

В южной части городища, посреди посевной площади, есть провал диаметром в два с половиной метра. Арендатор говорит, что отверстие в земле образовалось, когда там проехал трактор. Изначально глубина таинственной дыры была около шести метров. Сельчане стали забрасывать её камнями, обломками кирпичей и всяким мусором, а на остальном пространстве посадили картошку. Есть предположение, что это и был подземный выход из города к берегу залива. А на другом берегу как раз находились пещеры. Расчисткой этого провала исследователи ещё не занимались, это весьма трудоёмкий и опасный процесс. Хотя с привлечением рабочей силы и при соблюдении техники безопасности эту гипотезу можно было бы проверить.

Созданное в Кыргызстане научное сообщество «Ак-Булун» разрабатывает различные проекты по сохранению, изучению и развитию памятников культуры, расположенных на Иссык-Куле. Учёные добиваются, чтобы этот уголок планеты был включён в Список всемирного наследия.

– На протяжении трёх лет мы ведём заочный диалог с коллегами из Армении, России и Казахстана – стран, где находятся аналогичные памятники, – об их изучении, сохранении и развитии, – поясняет культуролог, модератор проекта Татьяна Буримова. – Как показывает практика, основу культурного менеджмента составляет сотрудничество специалистов, которые общаются с единомышленниками среди официальных лиц, меценатских организаций и местных сообществ. В нынешнем году при поддержке фонда «Сорос–Кыргызстан» мы пригласили международных экспертов на Иссык-Куль, чтобы они своими глазами увидели уникальные объекты Курментинского городища и убедились, что оно на самом деле является ценным памятником средневековья.

Ожидания наших учёных оправдались: гости были поражены увиденным. После совместной экспедиции было написано заключение и выдвинуты рекомендации, которые планируется передать в правительство.

– Прежде всего, надо составить топографию городища, проект реставрации, начать противоаварийные работы, создать охранную зону, чтобы устроить здесь музей-заповедник, – считают заведующая лабораторией Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия Людмила Дубровская и научный сотрудник Института археологии Министерства образования и науки Казахстана Борис Железняков.

Кстати, в Южном Казахстане проводятся аналогичные раскопки. Так, в пещерах Дастарбасы найдено два валуна с чётко выбитыми на них равносторонними крестами. Существует предположение, что они относятся к христианству. Правительство этой страны на разгадку тайн древности не скупится, поскольку понимает, что эстетический, научный, духовный, наконец, туристический потенциал этих памятников огромен, и не использовать такой мощный ресурс – непростительно.

Хорошо, чтобы это поняли и в наших «высоких» кабинетах. Может, в следующую экспедицию следует взять несколько парламентариев? Возможно, там, у священной пещеры, на них снизойдёт озарение? Ведь недаром это место, заключающее в себе ответы...

Между тем

В последней четверти XIX века в восьмистах метрах от Курментинского городища был возведён мужской Свято-Троицкий православный монастырь. Сейчас на этом месте находится семейный детский дом. По мнению учёных, весь этот комплекс – городище, пещеры, остатки монастыря – после тщательного изучения и реставрации может стать интересным историко-туристическим объектом, который привлечёт паломников из христианского мира и просто туристов. Это позволит создать ещё одну зону отдыха и рабочие места для жителей близлежащих сёл. И плюс ко всему, даст возможность улучшить условия детского дома.

(«Вечерний Бишкек», 2006, 17 мая)

ЧТО ВЫ ПРЯЧЕТЕ, ДОНЬЯ?

Свою первую подводную экспедицию он всегда вспоминает с теплотой. Не только потому, что выдержал экзамен и оправдал надежды своего учителя, а еще и потому, что боевое крещение прошел в глубинах «горячего» озера. За 20 лет у аквалангиста Николая Лукашова было много впечатляющих погружений в Чёрное море, Тихий океан... Но лишь Иссык-Куль влечет его снова и снова. Вот и на этот раз он оставил в Москве все свои дела и прилетел в Кыргызстан.

«Дельфин» и «русалка»

Кандидат физико-математических наук Московского института стали и сплавов (МИСИС), заведующий кафедрой информационных технологий Академии МВД России, инструктор

подводного плавания, член научного комитета Конфедерации подводной деятельности России. Можно подумать, что речь идёт о трёх разных людях, на самом же деле всё это один человек – Николай Лукашов. И не так просто ему определить, что из его многочисленных детищ хобби, а что – работа. Всё сливается во едино.

– Когда я учился на первом курсе МИСИС, у нас открылась секция подводного плавания ДОСААФ, она называлась «Дельфин». Её возглавлял известный подводник Станислав Прапор. Он и его команда уже тогда ездили в экспедиции в Киргизию, работали по заданию Института водных проблем СССР. В районе Покровки был уникальный полигон, где учёные исследовали миграцию песков. В 1985 году самых лучших учеников Прапор взял с собой на Иссык-Куль. В их число попал и я, – рассказывает Николай. – Сначала вместе с археологами мы работали на южном берегу, затем переместились на север. В частности, исследовали Тюпский залив, проверяли различные гипотезы. Я впервые нырял с аквалангом в открытую воду, до этого погружался лишь в тренировочный бассейн...

Тогда же, в 85-м, случился и первый курьёз. Во время обследования залива на глубине шести метров дельфиновцы увидели ободок. Подумали, что это горлышко старинной вазы, водошевелились и стали усиленно разгрести песок. В лагере, узнав о чудо-находке, подтянули самых опытных аквалангистов, которые тут же поплыли на подмогу. Но оказалось, что никакая это не ваза, а просто металлический обруч. Ныряльщики были разочарованы, зато этот забавный эпизод стал первым в их копилке курьёзов.

Но настоящая находка всё же ожидала нашего героя в его первой экспедиции. Именно на Иссык-Куле он нашёл свою вторую половину. Светлана, дочь Станислава Прапора, с раннего детства ездила с отцом в экспедиции. Морские глубины – её стихия. Так что Николай и Светлана, как говорят, поймали одну волну, и с тех пор они вместе.

Летом 2003 года в заливе Кара-Ой, близ Чолпон-Аты, на расстоянии двух с половиной километров от берега историк-аквалангист Светлана Лукашова обнаружила бронзовый жертвенный котёл. Он был занесён песком и илом, стоял устьем вниз

– виднелся только ободок поддона. «Только женщина могла заметить столь тонкую деталь на дне озера!» – восхищённо говорят очевидцы.

– Это был последний день нашей экспедиции, всё снаряжение уже упаковано, оставалось только два акваланга. Мы со Светой решили нырнуть ещё разок, напоследок, – вспоминает тот случай Николай. – В какой-то момент отделились друг от друга, потом я увидел облако из песка и Светины ласты. Оказалось, она заметила бронзовый серпик и начала вокруг него разгребать песок. Я подплыл к ней, и мы стали освобождать находку вместе. По мере продвижения вглубь сосуд всё расширялся, и стало ясно, что в прямом смысле голыми руками его не возьмёшь.

Это было довольно далеко от берега, поэтому мы решили, что я останусь на этом месте, а она поплывёт за подмогой. Прошёл час, второй, третий – никого. Только часов через пять прибыло подкрепление. Уже смеркалось, надо было торопиться. Мы снова погрузились и продолжили откапывать этот казан, затем подняли его на поверхность. В тот день я пробыл в воде больше 10 часов. Жаркий был денёк, – шутит наш собеседник.

Медаль от Кусто

Подводники вообще люди с юмором, хотя как никто другой знают, что со стихией шутки плохи. Не верят в приметы, они им ни к чему.

– Просто должна быть дисциплина. Не солдафонская муштра, а чувство ответственности за свою и чужую жизнь. Поэтому в экспедицию мы берём только людей уравновешенных, а не трюкачей. Конечно, со временем вырабатывается привычка, и инстинкт самосохранения снижается. Профессионал может корректировать меры безопасности, но не пренебрегать ими. Риск должен быть осмысленным, неоправданный риск – это глупость.

Увы, теперешние дайверы не могут похвастаться такими принципами. Новичков из XXI века опытные аквалангисты, прошедшие советскую школу подводного плавания, в серьёзные экспедиции не берут. Не доверяют. Разве сравнишь подготовку

досаафовцев с нынешними пловцами – небо и земля! А лучше так: вода и суша! Выпускников легендарного «Дельфина» по сей день приглашают в исследовательские командировки по всему миру. Кстати, накануне отъезда в Кыргызстан Николаю предложили поехать в Египет, обследовать тамошние донья на предмет древних цивилизаций. Но он отказался: Иссык-Куль, говорит, ему ближе. И теплее.

Вот он выныривает из солёных вод с очередными находками. На сей раз это фрагменты средневековой керамики. Они будут переданы Иссык-кульскому государственному историко-культурному музею-заповеднику. Физик-подводник Лукашов доволен: погружение результативное.

А его учитель и тесть Станислав Станиславович Прапор, возглавляющий российскую Конфедерацию подводников, до сих пор ездит в научные экспедиции со своей командой, хотя ему уже семьдесят! Ничего не поделаешь, вода – его воздух. Он побывал во всех водах СССР, прославленный капитан Жак-Ив Кусто был его большим другом. Прапор получил лично из его рук медаль «За погружение во все северные моря». Такой знак отличия дорогого стоит. Но самая большая награда для подводника – находиться в родной стихии. Летом команда российских аквалангистов снова приедет на берега «горячего» озера, на дне которого спрятано ещё много тайн...

(«Вечерний Бишкек», 2006, 31 мая)

Рубен АТОЯН,
к.т.н., художник, картограф
(Армения)

АРМЯНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

В конце XIV столетия на острове Мальорка в западном Средиземноморье, недалеко от берегов Испании, существовала мануфактура каталонских евреев Крескусов по изготовлению точных географических карт и атласов. В 1375 году Авраамом Крескусом, придворным мастером «картографии и буссолей», была создана знаменитая Каталанская карта мира. По одной версии, этот капитальный труд, не имевший в своё время аналогов, предназначался для короля Петра Арагонского и был подарен им в 1381 году французскому монарху Карлу V. По другой версии, карту специально заказал для тринадцатилетнего Карла арагонский инфант дон Хуан. Так или иначе, Каталанская карта мира навсегда осталась в Париже, и на сегодняшний день она хранится в Национальной библиотеке.

Изначально карта состояла из шести листов пергамента, закреплённых на деревянных панелях; листы размером 65 x 50 см давали общий размер карты 65 x 300 см. Позже они были разрезаны пополам и собраны в атлас из 12 страниц. Четыре страницы заняты космографическими и навигационными данными, поясняющими полную концепцию мироздания. Сюда же включены данные о календарях, солнце, луне, планетах, знаках зодиака, приливах и отливах. Оставшиеся восемь страниц – карта земного мира. Атлас содержал новейшую по тем временам информацию об Азии и Китае и впоследствии был назван «наиболее полной картиной географических знаний» до эпохи Великих географических открытий.

На Иссык-Куле, согласно Каталанскому атласу, проживали христиане. На берегу озера (предположительно северном, так как ориентировка карты ещё вызывает споры) изображено здание с двумя башнями, увенчанными крестами, с пояснительной

надписью на каталанском диалекте испанского языка: «*Lo loch quis assella Yssicol. En aquest loch es I monestir de frares ermolians, ot Segons ques diu, es lo cors de sent Mathi apostul e evangelista*» – «Место, которое называется Иссиколь. В этом месте монастырь братьев армян, в котором есть, говорят, тело святого Матфея, Апостола и Евангелиста». Здание с крестом соединяется на карте прямой линией с Иерусалимом.

Чтобы оценить значение этих строк, необходимо отметить, что картография в средневековье начала своё возрождение из совершенно примитивного состояния. Труды древнегреческих и древнеримских астрономов, географов и картографов были преданы забвению. Христианство полностью отвергало шарообразность Земли, формы и размеры которой в третьем веке до нашей эры были определены Эратосфеном. С течением времени возникла нужда в картах церковных владений, и первые такие изображения мы находим в произведениях богословов. Названные монастырскими картами, они представляли собой схемы мироздания, но никак не реалистические изображения Земли. В центре таких схем размещался город Иерусалим, а всё содержание строилось согласно текстам Священного писания. Такие карты существовали вплоть до XIII века; например, известная карта из немецкого монастыря Эбсторф: Христос с распростёртыми руками, объёмлющий весь мир.

Путешествия европейцев на Восток, их рассказы о далёких странах и народах дали толчок прогрессу в развитии географической науки. За точку отсчёта были взяты лучшие достижения древности, а именно: знаменитая карта Клавдия Птолемея, созданная ещё во II веке нашей эры. Эта карта мира была самой популярной вплоть до XV века. Последующие создавались на её основе, дополнялись новыми сведениями, полученными от путешественников и миссионеров. Наносимые на карты «с чужих слов» дополнительные данные могли быть неточными, порой чересчур преувеличенными, и в этом содержание Каталанской карты мира не является исключением.

Тем не менее современные специалисты дают высокую оценку этому произведению. Например, Мэри Ларсгаард (Mary Lunette Larsgaard) из Калифорнийского университета называет Каталанскую карту 1375 года «замечательной картой средних

веков <...> первой картой, показывающей относительно точные очертания Цейлона и полуострова Индостан, западное побережье Африки к югу от мыса Бохадор, а также приблизительно правильную береговую линию Аравийского полуострова. Для карт восточной и юго-восточной Азии использовались описания Марко Поло и последующих миссионеров. По сравнению с предшественниками авторы сделали важный шаг вперёд, оставив незаполненными те площади на карте, о которых они ничего не знали».

При создании новых произведений современная картография использует различные материалы: ранее изданные карты, инструментальную съёмку, аэрофотоснимки. Крескусами в XIV веке впервые был применён системный подход к используемым картографическим материалам. Первоисточники Каталанской карты условно делятся на 3 группы: 1) типичные средневековые карты полушарий, в том числе и Птолемея карта мира; 2) карты-портоланы (карты для навигации с указанием линий азимутов) Чёрного и Средиземного морей, побережья Западной Европы; 3) письменные отчёты о путешествиях по Азии. Вот почему так точно в атласе показаны контуры Чёрного моря и очень схематично Каспийского, не имевшего карт-портоланов. Расположенное в «глубине» азиатского континента, с расселёнными на его берегах воинствующими кочевыми племенами, Каспийское море на карте имеет овальную форму, отличную от реальной. Так же трудно распознаются по очертаниям Аральское море, Балхаш, Иссык-Куль. Тем не менее множество городов и природных объектов легко идентифицируются. Христианские города отмечены крестами, нехристианские – башнями со сферическими куполами. Названия удобных морских портов по традиции карт-портоланов написаны красным цветом, остальные населённые пункты на побережье – чёрным.

Из каких письменных источников, кроме книги Марко Поло, создатели карты могли черпать информацию о далёкой Азии? Будучи евреями, Крескусы могли пользоваться записками еврейских раввинов-путешественников конца XII века Вениamina Тудельского и Петахии Регенбургского. Однако для заказчика карты, безусловно, важны были христианские святыни, поэтому Крескусы наверняка имели возможность прямо или косвенно

черпать информацию из документов католической церкви, например из отчётов монахов, отправлявшихся на Восток с дипломатическими миссиями, главным образом от папского престола. В XIII веке это были доминиканцы Симон Сан-Квентин, Андре Лонжюмо, францисканцы Иоанн Плато Карпини, Бенедикт Поляк, Вильям Рубрук. В первой половине XIV века посольство в Китай возглавил Иоанн Мариньоли, в качестве миссионеров по Востоку путешествовали монахи Иоанн Монте-Корвино и Одохор Порденоне.

Однако в перечисленных источниках мы не находим ни слова об армянском монастыре на далёком Иссык-Куле. Каким образом в Европу могли попасть эти сведения? У автора есть две гипотезы.

В начале XIV века папа Иоанн XXII учредил католическую миссию на территории Восточной Армении и Ирана. Булла папы от 1318 года о разделе сфер миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев предусматривала создание архиепископата с центром в городе Султание и епархиями, охватывающими также земли Восточной Армении. В новый католический монастырь в Мараге направились доминиканские монахи-учёные Варфоломей Болонский, Петр Арагонский и Джон Англус де Суинфорд (Иоанн Английский). При деятельном участии Ованнеса Крнеци в 1320 году в монастыре Апракунис была учреждена армяно-католическая конгрегация братьев унии (униторов) на правах ветви доминиканцев. Также неподалёку, в районе Нахичевана, был основан теологический университет в Крна, куда переехали из Северного Ирана упомянутые доминиканские монахи. Здесь они создавали собственные богословские труды и вместе с унителями переводили на армянский язык работы видных католических богословов, главным образом Фомы Аквинского. Можно предположить, что сведения о существовании армянского монастыря на Иссык-Куле были получены братьями-униторами через своих соотечественников – армянских купцов, доставлявших товары по Великому Шёлковому пути, и переданы через доминиканцев на Запад.

Информация о монастыре и мощах апостола могла попасть на Запад и раньше. В 1254 году в ставке великого хана монголов побывал Хетум, царь Киликийской Армении, кото-

рому был оказан тёплый приём. Путь царя и его свиты пролегал также и через Среднюю Азию. Современник этого события историк Киракос Гандзакечи повествует об остановке царя на обратном пути в Восточной Армении, его рассказах об увиденном и услышанном во время путешествия. Вернувшись в Киликию, царь и члены посольства, конечно же, продолжали делиться впечатлениями. В том числе, возможно, и об армянском монастыре с мощами св. Матфея. Связи Киликии с Западом уже тогда были достаточно прочными. В начале XIV века, после временного принятия унии с католицизмом, они укрепились ещё больше.

Информация могла попасть в Европу через папских легатов, членов рыцарских орденов, которым армянские цари предоставляли ленные владения в Киликии, или итальянских купцов, торговавших в киликийских портах.

Комментарии учёных по поводу иссык-кульского монастыря диаметрально противоположны. Например, Н. Аристов предполагал, что «составители карты поместили загадочный монастырь на основании таких же баснословных легенд и сказаний, какими руководствовались, изображая на карте (не очень далеко от монастыря) страну Гога и Магога», царь которых «придёт во время Антихриста». Действительно, на Каталанской карте, как и на других картах средневековья, изображены ветхозаветные сюжеты и легендарные персонажи: Вавилонская башня, трое волхвов, воинственные амазонки и царица Савская. Подобные рисунки служили целям занимательности, ибо в те времена занимательность и научность окончательно ещё не разделились. Од-нако занимательные сюжеты должны были быть общеизвестными, традиционными. На Каталанской карте они изображены колоритными фигурами и даже целыми сценами, чётко отличаясь от населённых пунктов или других достоверно известных объектов, отмеченных достаточно условными и однотипными знаками.

Существовали и другие точки зрения. В 1890 году Д. Хвольсон называет монастырь на карте «армянским монастырём святого Матфея» и помещает его на южном берегу озера. Однако надпись на каталанском диалекте ничего не говорит о названии монастыря, она лишь указывает на мощи апостола.

В трактовке С. Слуцкого здесь могла быть только церковь – «по трудности образования монастырей в чужих их религии крае». Но ведь паства требуется как раз для церкви, монастырю она не нужна.

В наше время перевод надписи на карте часто искажается не только журналистами, но даже исследователями. Хозяевами монастыря оказываются «армяне-несториане», «несторианские христиане», просто «несториане» и даже «православные армяне». Вероятно, эти ошибки восходят к книге П. Семёнова-Тян-Шанского. Повествуя о своём путешествии на Тянь-Шань в 1856–57 годах, он впервые в новое время упомянул о Каталанской карте, копию которой видел в Венеции. Монастырь на побережье Иссык-Куля он назвал «монастырём несторианских христиан». Учёный не нашёл его следов, но высказал предположение, что монастырь вполне мог быть построен в Курментинской бухте и позже ушёл под воду из-за поднятия уровня воды в озере. Описывая своё путешествие по Тянь-Шаню, П. Семёнов-Тян-Шанский выдвинул гипотезу, что несториане-христиане, бежавшие от преследований вглубь Азии, в XII веке основали свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Однако востоковеды В. Бартольд и Н. Марр, другие археологи и историки, профессионально исследовавшие надписи среднеазиатских христианских захоронений, в своих трудах правильно называли монастырь армянским.

В чём же причина ошибки? Храмы обычно называют не по национальному, а по вероисповедному признаку (например, православными, а не русскими). Вероятно, П. Семёнов-Тян-Шанский, слабо разбиравшийся в особенностях вероучения армян, решил назвать монастырь не по национальной, а по конфессиональной принадлежности. Так как в Центральной Азии было широко распространено именно несторианское вероисповедание, учёный-путешественник причислил монастырь к несторианским.

Как известно, береговая линия Иссык-Куля постоянно меняется. По разным источникам и свидетельствам можно определить наиболее сильные колебания уровня воды: на рубеже XV–XVI веков уровень поднимался, в конце XIX века озеро мелело, с начала XX века до 50-х годов – снова повышение уровня. На старой фотографии 1888 года, запечатлевшей захоронение

Н. Пржевальского, видно, что вода подходит почти к самому холму, на котором находится мемориал. Сейчас в этом месте озеро отступило на два километра.

Карты Центральной Азии, созданные после Каталанской (например, карта Тартарии 1635 года в атласе Блау), к сожалению, уже не дают сведений о монастыре, который, как полагают учёные, к этому времени канул в водную пучину.

Христианство издавна распространялось в Центральной Азии, Китае, Монголии, Индии. Традиция приписывала первоначальную его проповедь трём апостолам: Матфею, Варфоломею и Фоме. В Европе все обширные территории Востока достаточно долго назывались Индией: считалось, что в «верхней Индии» проповедовал св. Варфоломей, в «нижней Индии» – св. Фома, а в «центральной Индии» – св. Матфей.

Апостол и евангелист святой Матфей – одна из самых загадочных фигур христианства. Церковная традиция гласит, что после мученической смерти последователи укрыли тело святого от поругания. Представители католической церкви склонны считать, что мощи апостола были найдены при раскопках одного из лангобардских замков и в настоящее время хранятся в Салерно, в кафедральном соборе Сан-Маттео. Однако существует предание о мученической смерти апостола в Сирии, откуда его мощи были перенесены ещё дальше на Восток. Возможно, останки св. Матфея находятся в разных местах: в древности случалось, что мощи святых разделялись, и части их оказывались очень далеко друг от друга.

Начиная с V века, миссионерскую роль на Востоке взяли на себя несториане, выходцы из Междуречья и Восточной Сирии. Последователи константинопольского патриарха Нестория считали Христа человеком, который по наитию Св. Духа стал Мессией. На Эфесском соборе в 431 году несторианство было осуждено как ересь, и с тех пор стало подвергаться гонениям в Византийской империи. Спасаясь от преследований, многие последователи этого учения оказывались на территориях, подвластных персидским шахам, но и здесь их положение было непрочным. Приверженцы Нестория стремились оказаться подальше от соперничающих империй, одинаково нетерпимых к инакомыслию. Именно несториане стали в массовом порядке

обращать в христианство местных жителей на землях к востоку от Персии.

Если говорить конкретно о Центральной Азии, её народы в целом составляли два взаимодействующих мира, которые иногда вступали в противоборство друг с другом: иранский, оседло-земледельческий, и тюркский, кочевой. Противостояние Ирана и Турана нашло отражение в знаменитой поэме Фирдоуси «Шахнаме». С древнейших времён этот регион мира был «местом встреч» многих религий: буддизма, зороастризма, манихейства, христианства, иудаизма. Здесь действовали и различные культы: Сиявуша, Диониса, Митры, культ предков, династийных правителей, шаманизм и т.д. С VIII века сюда проник ислам, которому суждено было, в конечном счёте, возобладать. Упрочение религиозного многообразия стало возможным не в последнюю очередь благодаря Великому Шёлковому пути из Китая в Переднюю Азию и дальше в Европу.

Христианство никогда не доминировало в здешнем регионе, однако уже в IV веке местные христианские общины были довольно многочисленными, и город Мерв (современный город Мары в Туркменистане) получил статус митрополии. Недалеко от этого города находился крупнейший христианский монастырь Мар-Саргис. Постепенно на роль важнейшего христианского центра выдвинулся Самарканд.

Признавая особую роль несторианства, важно подчеркнуть, что оно было не единственным христианским исповеданием в Центральной Азии. В своём труде «Золотая дорога до Самарканда» современный исследователь Вилфред Блант (Wilfred Blunt) пишет об этом древнем городе: «Христианская община состояла здесь, как и в большинстве центральноазиатских стран, из сирийских яkobитов, сирийских мелкитов и армян из Армянской апостольской церкви. С V века здесь был важный центр несторианства, и с VIII по XV век город имел своего митрополита».

Сведения о несторианах и яkobитах мы находим у Рубрика и Марко Поло. В «Книге» знаменитого венецианца дано описание страны Мосул (север современного Ирака): «На юго-востоке Великая Армения граничит с Мосулом <...>. Мосул – большое царство, живут тут многие народы, и вот какие: есть здесь

арабы-мусульмане и ещё другой народ исповедует христианскую веру, но не так, как повелевает Римская Церковь, а во многом отстывает. Называют этих людей несторианами и якобитами. Есть у них патриарх <...>. Патриарх этот назначает архиепископов, епископов, аббатов и других прелатов. Он же рассылает во все страны Индии, Китая (Китая), в Бодак (Багдад) совершенно так же, как это делает римский апостол».

Армяне впервые появились в Центральной Азии в составе парфянской, а затем и персидской армии. В конце VI века шах назначил Смбата Багратуни командовать войском, направленным в страну кушанов. Затем армянский полководец стал наместником завоёванной области. Армянские купцы издавна перевозили товары по Великому Шёлковому пути. На городище старого Термеза археологами обнаружен храмовый комплекс, построенный по канонам армянской церковной архитектуры VII–VIII веков, хотя пока ещё трудно делать окончательные выводы о его принадлежности.

Частые упоминания современниками об армянах в этом обширном регионе начинаются с начала монгольских завоеваний в XIII веке, когда за короткий срок значительная часть Азии оказалась под единой властью. Как известно, монголы были язычниками и с одинаковым уважением относились ко всем религиям, освободив мусульманское, христианское и буддийское духовенство от податей и повинностей. Христиане пользовались особым расположением монгольских ханов, на сей счёт есть многочисленные свидетельства.

О большой христианской общине на Востоке мы узнаём из письма главнокомандующего киликийской армией Смбата Спарпета кипрскому королю Генри Лузиньяну. В 1247 году Смбат проезжал Сантекванту (Самарканд), когда ехал в Каракорум во главе дипломатической миссии Киликийского армянского государства для переговоров с Гуюк-ханом. В своём письме он пишет: «...Я сам заходил в их церкви и видел там изображение Иисуса Христа и трёх царей, принесших ему золото, мирру и фи́миам. Этими царями народности были обращены в новую веру, и благодаря им хан и его ближние совсем недавно стали христианами настолько, что перед своим двором они имеют церкви и колокола, в которые они звонят, ударяя в них деревянными

палками, и, идя к хану, их повелителю, они обязаны раньше зайти в церковь поклониться Иисусу Христу, прежде чем приветствовать императора. Мы встретили также много христиан, рассеянных по всему Востоку, и множество древних церквей, высоких и красиво построенных, которые татары разрушили, так что христиане оттуда приходили к хану, оказавшему им большую честь: он возвратил им свободу и защитил их от тяжёлых страданий, не позволяя никому обижать их делом или словом».

Сообщения о крещении великих ханов повторяются у самых разных средневековых авторов – об этом свидетельствуют и Марко Поло, и католические монахи-дипломаты. Член киликийской царской династии Хетум (Гайтон) в своей книге «Цвет историй Востока», написанной на старофранцузском языке в городе Пуатье, сообщает о крещении хана Мунке (Мангу) армянским епископом во время пребывания в ханской ставке своего тёзки и дяди царя Хетума I.

Даже если сомневаться в точности этих известий, невозможно отрицать многочисленные случаи крещения и исполнения христианских обрядов среди монгольской знати, в том числе в ханской семье. Нельзя, правда, забывать о веротерпимости монголов, которые могли одновременно исполнять обряды разных религий – в ставке хана кроме языческих мест поклонения были буддийские храмы, две мечети и церковь.

При описании двора сына Бату Сартака близ Итиля (Волги) францисканец Вильям Рубрук упоминает армянских священников, которые знали по-турецки и по-арабски, и священников-несториан, «которые ударяют в доску (в древности использовалась у восточных христиан вместо колокола, – авт.) и поют свою службу». При дворе Мангу-хана «толмачами были армяне из Великой Армении», был и «великий секретарь, христианин из несториан, по совету которого делается почти всё».

Христианские церкви Рубрук встречал как по дороге, так и в ставке великого хана: «Я увидел дом, над которым был крестик. Тогда, сильно обрадовавшись и предполагая, что там находится что-нибудь христианское, я вошёл с уверенностью и нашёл алтарь, убранный поистине красиво. Именно по золотой материи были вышиты или настланы изображения Спасителя, святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов, причём очертания

тела и одежд были расшиты жемчугом. Здесь же находился большой серебряный крест с драгоценными камнями по углам и в середине и много других церковных украшений, а также перед алтарём горела лампада с маслом, имевшая восемь свечей. Там сидел один армянский монах, черноватый, худощавый, одетый в очень жёсткую власяничную тунику, спускавшуюся до середины ног; сверху на нём был чёрный шёлковый плащ, подбитый мехом, а под власяницей он имел железный пояс». Монах этот, по его словам, сказал Мангу-хану, что «если тот пожелает стать христианином, то весь мир придёт в повиновение ему, и что ему будут повиноваться франки и великий папа».

Рубрук пишет о посещениях церкви великим ханом, его старшей женой и детьми, об излечении ханской жены священниками. Подробно говорит о драгоценном кресте, привезённом «одним армянином» из Иерусалима: «Крест был серебряный, весил около четырёх марок и имел четыре жемчужины по углам и одну посередине; изображения Спасителя на нём не было, так как армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвождённым к кресту. Этот крест они поднесли Мангу-хану...». Рубрук также сообщает, что несториане и армяне в ставке хана действовали сообща, ходили в одну и ту же церковь, правда, посты соблюдали по-разному. Вероятно, именно эта близость армян и несториан, при численном преобладании последних, уже тогда приводила к ошибкам и путанице в отчётах людей, прибывших в Центральную Азию с дипломатической или миссионерской целью.

При Чингисхане и его преемниках Угедее и Мункэ Монгольская империя достигла неслыханных размеров, распростёршись от Китая до Западной Европы. В XIII веке Центральная Азия и Дальний Восток впервые в истории открылись для европейских путешественников. Европейцы оценили выгоды торговли с монголами, а также стремились использовать мощь монгольской армии против своих мусульманских противников на Ближнем Востоке. Начиная с 1245 года, немало посланников, миссионеров и купцов прошло через ранее неведомое сердце Азиатского континента. Дж. К. Райт в книге «Географические представления в эпоху крестовых походов» так комментирует созданный временный просвет в исследовании Центральной Азии: «Немногим более чем за столетие занавес Дальнего

Востока был отдёрнут, но отдёрнут лишь для того, чтобы снова задёрнуться, когда вместе с крушением Монгольской империи и появлением турок-османов все сухопутные дороги остались перекрытыми. Заново открыть Дальний Восток выпало на долю португальских и испанских мореплавателей эпохи Великих географических открытий». Добавим, что Центральная Азия была повторно исследована только в XVIII–XIX веках, в связи с завоеваниями Российской империи в этом регионе.

С упадком и распадом Монгольской империи среди правящих кругов стал распространяться ислам; христиан обложили дополнительными налогами. Но больше всего они страдали от анархии и постоянных войн, связанных с ослаблением централизованной власти. Христианство в Центральной Азии начинает клониться к закату. Окончательный удар ему нанесло владычество Тимур-ленга, знаменитого своей жестокостью и религиозным фанатизмом.

Вещественными доказательствами существования христианских общин на Иссык-Куле служат многочисленные археологические раскопки. На побережье озера возле христианской церкви и кладбища на городище Ак-Бешим, на городищах Бурана и Краснореченском были найдены могильные камни «кайраки» с эпитафиями, бронзовые и нефритовые нательные кресты, теракотовые плакетки и керамические сосуды с христианской символикой – например, покрытая синей глазурью ваза с изображением двенадцати апостолов. Самым ранним архитектурным памятником христианства на территории Кыргызстана считается небольшая церковь VII–VIII веков, раскопанная Л. Кызласовым в средневековом Суябе – столице тюркских каганов в Чуйской долине. Уникален Таш-Рабатский монастырь, построенный на рубеже X–XI веков. Его функции со временем менялись, позже здание использовалось как караван-сарай на одном из ответвлений Великого Шёлкового пути.

В 80-х годах XIX века Н. Пантусовым, чиновником по особым поручениям при губернаторе Семиреченской области, на Пишпекском (совр. Бишкек) кладбище было обнаружено более шестисот могильных камней с христианской символикой. Профессор Д. Хвольсон и академик В. Радлов определили надписи на камнях как эпитафии христиан несторианского толка.

Существование близ Иссык-Куля армянской общины косвенно подтвердила двуязычная армяно-сирийская надгробная надпись на камне, найденном Пантусовым на том же кладбище в 1892 году и в следующем году высланном в Санкт-Петербург по поручению Императорской археологической комиссии. Специальную статью посвятил этой надписи знаменитый учёный Н.Я. Марр. Армянскую надпись он читает в следующей последовательности: а) в четырёх углах креста; б) у основания креста; в) вокруг креста. В переводе с армянского она гласит: «*Христос Иисус, Господь Бог. Владыка Иован (Иоанн) армянский епископ летоисчисления армянского 772 написана эта память*». Вертикальная сирийская надпись на том же камне переводится так: «*Это есть могила Иоанна, епископа армянского*». Марр делает следующий вывод: «То обстоятельство, что на Пишпекском кладбище, как оказывается, был погребён армянский епископ Иоанн и память о нём увековечена армянской надписью, датированной от 772 года армянской эры (= 1323 г. по Р.Х.), даёт основание предполагать, что в памятнике мы имеем указание на более или менее значительную колонию армянскую, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины <...>. В двух надписях XII и XIII веков встречаем имя (на сирийском языке, – авт.), в котором можно признать армянскую форму имени Павла – Погос, как это уже указал С. Слуцкий. Подобные армянские формы можно бы указать в надгробных надписях, изданных профессором Д. Хвольсоном».

Новейшие исследования показывают, что слишком широкое применение термина «несторианский» ко всему христианскому в Центральной Азии было не совсем оправданным. Кресты на могильных камнях, называемые «несторианскими», мало отличаются от простейших крестов Армении и армянских зарубежных колоний, в частности резных крестов из кафедрального армянского собора 1363 года во Львове. Подводя итог своему тщательному и непредвзятому анализу, В.А. Кольченко в «Заметках о христианстве в Чуйской долине в средние века» пишет: «Проведённый анализ наличных археологических источников и данных письменной традиции приводит к выводу о необходимости более тщательно и сдержанно, без штампов, подходить к вопросу о средневековом христианстве в Средней Азии и в Чуйской

долине, в частности. Безусловно, христианство существовало на этой территории с раннего средневековья вплоть до XIV века, причём в большей степени, возможно – подавляющей, несторианского толка. Но были здесь яковиты и армяне, т.е. монофизиты, а также мелькиты и маркиониты».

Где же искать армянский монастырь – вероятное место нахождения важнейшей общехристианской реликвии? Некоторые пытались найти ответ в старинном местном предании о сокровищах. Предание повествует, что в 1218 году Чингисхан направил в Чуйскую долину отряд в 25 тысяч всадников во главе с полководцем Джэбэ-нойоном, с которым находился второй сын хана Чагатай. Монахи христианского монастыря в Суябе, что вблизи Баласагуна, и оседлые богатые жители-христиане решили бежать от монголов, прихватив накопленные драгоценности. Караван из двухсот вьючных верблюдов с золотыми и серебряными изделиями спешно продвигался по северному берегу Иссык-Куля в направлении Кашгара, когда от разведчиков пришла весть, что навстречу беглецам со стороны перевала Санташ движется отряд монголов. Зажатые с двух сторон конницей, слева горами, справа озером, христиане стали искать место, где спрятать сокровища. Благо на пути, прямо на берегу озера стоял монастырь армянских братьев-христиан. За ночь совместными усилиями монахи и беглецы смогли спрятать на берегу или в прибрежных водах только часть сокровищ...

До сих пор большинство учёных склоняются к мнению, что монастырь ушёл под воду Иссык-Куля. Археологам известны более десятка затонувших в этом озере древних и средневековых поселений, в том числе Кой-Сары, Дархан, Долинка, Кой-Су, Сикуль и Чигу. В прибрежной полосе озера, в разных местах на глубине не более десяти метров археологами найдены строения, датируемые от рубежа новой эры до XV столетия, обнаружены многочисленные предметы старины.

Интерес к подводным памятникам Иссык-Куля возник почти два столетия назад. О развалинах, хорошо видимых под водой, упоминают купец Исаев в своей записке от 1857 года, путешественник и исследователь М.В. Певцов в дневнике «Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь». Изучая бассейн озера, поиски затонувшего монастыря предпринял П.П. Семёнов-Тян-

Шанский. Первая попытка подводных археологических исследований была осуществлена по инициативе семиреченского военного губернатора Г.А. Колпаковского: в 1871 году он выслал туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману подводные трофеи (медные чаши, серебряные монеты и пр.) и попросил разрешения выписать из Кронштадта водолаза, а из Англии или Франции – водолазные скафандры. Из-за недостатка средств дело так и осталось неосуществлённой мечтой.

В советские годы озеро Иссык-Куль стало закрытой территорией для иностранных исследователей, а собственных средств на дорогостоящие подводные поиски не было. В середине 60-х годов с большим трудом республиканская Академия наук приобрела акваланги, и археолог Д. Винник стал проводить исследования на северной стороне озера. Им были найдены руины больших построек из обожжённого кирпича. Затем, в 80-х годах, эстафета перешла к В.М. Плоских и В.П. Мокрынину. Первый из них – ныне академик, вице-президент Национальной академии наук Кыргызстана – посвятил многие годы поиску монастыря с Каталанской карты: «У меня практически не осталось сомнений, что именно здесь, в устье рек Тюп и Кой-Су, могут находиться остатки древнего монастыря. В ближайшее время мы сосредоточим свои поиски именно в этом месте».

В ходе методичных подводных исследований археологи с аквалангами обнаружили, помимо названных, остатки ещё семи античных и средневековых поселений. В прибрежных водах было найдено множество изделий керамики, каменных орудий труда, оружие из бронзы, произведения искусства в скифском «зверином стиле», фундаменты строений. Но ничего похожего на развалины монастыря обнаружить не удалось. Возможно, искать его надо близ Сикуля, название которого напоминает искажённое «Иссык-Куль» (вспомним надпись на карте). Тем более что в предании говорится о горах близ озера, а все остальные древние поселения находятся на равнинной местности.

В 2002 году экспедиция, организованная телекорпорацией «IPV News USA», применила для исследования озера новейшие приборные методы поиска. Американцы якобы определили место на дне, где глубоко под землёй находится серебряная рака для хранения мощей. Однако слишком многое в действиях гостей

вызывало сомнения в их научной добросовестности. Слишком явно просматривалась погоня за очередной сенсацией.

Гораздо больше доверия вызывает последняя новость – она появилась за несколько дней перед тем, как статья сдавалась в набор. В средства массовой информации поступило краткое сообщение от руководителя экспедиции Кыргызско-Российского Славянского университета академика Владимира Плоских и начальника экспедиционного разведывательного отряда доцента Александра Камышева об открытии армянского монастыря в Тюпском районе близ села Курменты и развалин одноимённого старинного города. По их словам, монастырь оказался подземным. Он находится внутри большого глиняного холма на бывшем острове, превратившемся в полуостров Светлый из-за падения уровня воды в Иссык-Куле. Отсюда, с холма, открывается удивительно красивый вид на всё восточное побережье озера.

Узкий лаз, ведущий в подземелье, постепенно расширяется, образуя обширное помещение, от которого в разные стороны ответвляются на двух уровнях около 30 монашеских келий. Местами проходы завалены камнями. Планировка напоминает средневековые пещерные монастыри и монашеские пустыни Армении, есть признаки сходства и с церковью, остатки которой сохранились на городище Ак-Бешим близ Токмака. Древний возраст пещеры, вероятно, удастся уточнить по полностью проржавевшим металлическим стержням, глубоко вбитым в породу на месте одного из арочных проходов.

На месте находки вместе с кыргызстанскими археологами были их российские и германские коллеги. Остаётся ожидать от учёных дальнейших новостей, которые могли бы подтвердить или опровергнуть первое сенсационное сообщение.

(«Анив», Ереван, 2005, № 2, с. 12–22)

Радмир САФАРОВ,
корреспондент газеты «Лица»
(Кыргызстан)

ЛЕГЕНДАРНЫЙ МОНАСТЫРЬ НА БЕРЕГУ ИССЫК-КУЛЯ: ТАЙНА РАСКРЫТА?

Совсем недавно все новостные программы Кыргызстана заговорили о сенсационном открытии наших археологов. Экспедиции Кыргызско-Российского Славянского университета под руководством академика В.М. Плоских при помощи российских коллег-аквалангистов российской Конфедерации подводной деятельности удалось найти развалины легендарного монастыря, когда-то находившегося на берегу озера Иссык-Куль. Наш разговор с академиком В.М. Плоских освещает тему подробнее.

– *Владимир Михайлович, какие именно находки были сделаны в этот раз?*

– Можно сказать, что в прошедший полевой сезон археологи Кыргызстана сделали сразу несколько уникальных открытий. Наша экспедиция подняла со дна озера Иссык-Куль целый «клад» бронзовых предметов оружия и быта сакского времени, таких как кинжал-акинак, топорики, наконечники пик и стрел, серпы, круглодонные кувшинчики и фрагменты керамики, относящихся к середине I тыс. до нашей эры. Такого набора предметов двух с половиной тысячелетней давности в одном месте, тем более на глубине 5 метров и на расстоянии 2,5 километров от берега, ученые еще никогда не находили. Видимо, мы обнаружили размытые курганы и поселения сакской (скифской) эпохи, времен борьбы центральноазиатских саков с Александром Македонским. Несколько лет назад в размытых курганах античного городища Барскоон по наводке местных школьников нам удалось собрать коллекцию бронзовых бляшек с изображением головы барса, служивших для украшения одежды. Это были предметы классически сакского «звериного стиля», подобно тем, которые казахские археологи раскопали в кургане Иссык, расположенном между

озером Иссык-Куль и Алма-Атой. Только в казахском кургане бляшки были золотые, а в Барскооне – бронзовые, но вместе с отходами производства, что говорит о местном их изготовлении. Три года назад нам удалось поднять со дна озера два ритуальных бронзовых жертвенных котла. В этом году мы подняли обрубок уникального золотого слитка проволочной восьмигранной формы почти в 70 граммов. Я предполагаю, что этот слиток может быть первым обнаруженным в Центральной Азии образцом ранней формы металлических денег, служившим эквивалентом обмена, предшественником золотых монет. Если моя гипотеза подтвердится, то эта находка приобретает не только материальную цену, но и становится уникальной историко-культурной ценностью мирового значения, как прообраз золотых монет.

Также открытием можно назвать обнаружение среди поднятых со дна озера бронзовых предметов наконечника копья. Подобных наконечников на территории Центральной Азии еще не находили. Но в составе Каракольского клада, найденного в конце XIX века, имеются пять кинжалов, датируемых II тысячелетием до н.э., по своему оформлению аналогичных лезвию наконечника копья. Этот факт свидетельствует о том, что культура эпохи бронзы мирно эволюционировала в сакскую культуру, на местной почве произошло и развитие «звериного стиля» искусства, а население вело не только кочевой, но и оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и имея развитое металлургическое производство.

Ну и самое главное открытие. Нашей экспедицией было определено место городища, где, возможно, располагался легендарный христианский монастырь, указанный еще в Каталанском атласе 1375 года.

– А вот об этом, пожалуйста, подробнее. Я знаю, что развалины этого монастыря безуспешно искал еще Семенов-Тянь-Шанский, знаменитый русский путешественник, один из первых исследователей территории Кыргызстана, в середине XIX века. О Каталанской карте и обозначенном на ней монастыре на берегах Иссык-Куля пишет в своей книге «Дорогу осилит идущий» и президент Бакиев. И вы хотите сказать, что эта тайна истории наконец раскрыта?

– Об окончании работы говорить рано. Пока мы в самом начале пути. Дело за будущими профессиональными

исследованиями. Но уже и сейчас понятно: открыты новые, ранее неизвестные страницы истории нашей республики. Но позвольте мне рассказать все по порядку.

В 1375 году на острове Мальорка, в западном Средиземноморье, придворным мастером картографии Авраамом Крескусом была создана знаменитая Каталанская карта мира, позже разрезанная на 12 листов и сшитая в единый атлас. Атлас был оценен как наиболее полная картина географических знаний до эпохи Великих географических открытий. Современные исследования подтверждают, что среднее отклонение измеренных точек в Средиземном море составляет лишь 34 км – впечатляющая точность для того времени. На 6 листе атласа обозначено озеро Иссык-Куль, на берегу которого изображено здание с двумя башнями, увенчанными крестами. Сверху пояснительная надпись на каталанском диалекте испанского языка: «Место, называемое Исикол (Ysicol). В этом месте монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся останки святого Апостола и Евангелиста Матфея». К слову сказать, Каталанский атлас на русском языке до сих пор не опубликован, да и полностью не расшифрован.

Одним из первых русских ученых, увидевших Каталанскую карту, был П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Вот что он сам пишет об этом: «В бытность мою в Венеции, в начале 1850-х годов, на знаменитой Каталонской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куль, а на северной стороне его изображен монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран ближнего Востока (Сирии и т.д.) вглубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, что если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из малочисленных бухт Кунгея, защищенной от волнений озера и богатой рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашел ни на ее берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих мое предположение».

Ровно полтора столетия спустя мы обнаружили в этих местах средневековое городище и, по всей вероятности, связанный с ним катакомбный монастырь, изображенный на карте. За время, прошедшее с первого посещения этих мест Семеновым и до нашей

экспедиции, городище было обследовано несколько раз, но никто из ученых не связывал эти развалины со средневековым христианским монастырем, обозначенным на Каталанской карте.

В 2003 году разведочная группа нашей экспедиции вышла на городище и на расположенный в 500 метрах от него на полуострове Заячьем большой холм с разветвленными пещерами, явно соответствующими христианским кельям подземных монастырей. Эти пещеры были прекрасно известны местным жителям и связывались ими с монахом-отшельником, жившим там в начале XX века. Записав легенды и сняв план пещер, мы пришли к выводу, что пещеры были напрямую связаны с городищем и вполне могли представлять средневековый монастырь, который мы так упорно искали.

Предварительно можно сказать, что если городище вмещало в себя монастырь за укрепленными стенами, то пещеры могли быть тайным хранилищем реликвий, святынь, возможно, сокровищ, тем более что при высоком уровне стояния вод озера полуостров превращался в остров и обнаружить пещеры было практически невозможно.

– *Что же представляет собой найденное вашей экспедицией городище? Проводилась ли вами аэрофотосъемка местности?*

– Конечно проводилась. Городище почти квадратное, по периметру чуть более километра, оно с трех сторон защищено крутыми валами, образованными за счет расположения на высоком берегу затона и глубокого сая, огибающего его с двух сторон. На южной, обращенной к озеру невысокой стене лежит каменное изваяние. Стены городища дают четкий прямоугольник, по форме ближе к квадрату. Южная стена построена по географическому скосу в овраг, т.е. привязана к рельефу местности. По углам городища есть башни, в восточной и западной стене – проемы. Сейчас вся внутренняя площадь городища запахана. По всей площади городища встречается большое количество средневековой керамики и жженных кирпичей. На месте городища нами были найдены абсолютно целый кувшин станковой работы, покрытый изнутри глазурью, обломок серебряной пряжки и смятая серебряная корочка в виде амулетницы, инкрустированная ныне утраченными драгоценными камнями и с узором, выполненным по технологии скани. В узоре выделяются четыре небольших крестика, которые можно отнести к христианской символике.

– *Насколько древнюю историю имеет христианство на территории современного Кыргызстана? Ведь наличие монастыря свидетельствует о присутствии большого количества христиан на нашей нынешней земле.*

– Христианство имеет древнюю, почти восемнадцативековую традицию, в том числе и монастырскую. Я писал предисловие к книге митрополита Бишкекского и Среднеазиатского Владимира «Земля потомков Патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия». В ней митрополит обобщил с позиции теолога все известные к этому времени науке сведения об истории христианства в нашем крае, в книге приводятся факты, которые свидетельствуют, что с христианством местное население было знакомо и исповедовало его раньше, чем буддизм и ислам.

Как пишет митрополит Владимир, первым принес в Центральную Азию весть о Господе Спасителе апостол Фома, или Фома-близнец: «Дорога апостола Фомы пролегла и по Киргизской земле, через Ош и Узгент... В древней Центральной Азии расцвет христианской веры начинается уже с III века по Рождестве Христовом, приводя к основанию мощных митрополий в Мерве, Самарканде, Невакете... На Киргизской земле нашло свое посмертное упокоение нетленное тело святого апостола и евангелиста Матфея, умершего в Сирии. Примерно во II–III веках бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи апостола были перенесены на территорию Кыргызстана. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль».

По мнению митрополита Владимира, в конце VIII века в государстве карлуков общенародной религией стало христианство. После крещения карлукский правитель – джабгу Арслан Иль-Тюр-гюк потребовал от персидского патриарха-католикоса Тимофея I назначения отдельного митрополита для тюрков Семиречья. После этого была создана Невакетская митрополия, опекавшая Великую степь, Восточный Туркестан и христианские общины Китая. В XI веке влияние Невакетской митрополии распространилось на громадную территорию, вобравшую в себя земли Кыргызстана, Казахстана, Восточного Туркестана и отдельные районы Сибири. В Невакете возникла своя богословская школа.

Часть тюргешей также исповедовала веру Христову. В столице Тюргешского каганата, городе Суябе (ныне городище Ак-Бешим близ современного Токмака), был построен христианский соборный храм. В столице Караханидского каганата (X–XIII вв.) Баласагуне был построен крупный собор, и при раскопках городища обнаружено множество нагрудных крестов из металла и нефрита.

Хорошо известен средневековый город Тарсакент, город христиан, расположенный практически на том же месте, что и современный Бишкек. Этот город упоминается в киргизском народном эпосе «Манас». В летописях средневекового историка Рашид-ад-Дина (XIII–XIV вв.) Тарсакент назван городом, существующим с незапамятных времен.

Здесь найдено более трех тысяч надмогильных камней – кайраков, отмеченных знаком креста и относящихся к VIII–XIV векам. При изучении надписей на этих камнях было выяснено, что в каждом городе имелся свой викарий, подчинявшийся Мервскому или Самаркандскому митрополиту, а Тарсакент позже перешел в ведение Невакетской митрополии. Рашид-ад-Дин отмечал, что «в Тарсакенте имелась крупная армянская церковная община».

Кроме летописных свидетельств, мы имеем многочисленные археологические находки, свидетельствующие о широком распространении христианства среди жителей Семиречья. На берегу Иссык-Куля была найдена ваза, покрытая синей глазурью, с изображением двенадцати апостолов Христовых. Неподалеку от Таласа найден обломок керамики, на котором написано имя священника – тюрка Ильтага. Также среди археологических находок привлекают к себе внимание следующие: Аниковское блюдо, относящееся к VIII веку, несет на себе иллюстрации к ветхозаветной книге Иисуса Навина: иудейские войска, штурмующие Иерихон, шествие с Ковчегом Завета, Иисус Навин, останавливающий своей молитвой солнце и луну; на Григорьевском блюде (IX–X вв.) изображены Дева Мария в окружении святых апостолов и воскресение Спасителя.

Таким образом, многие факты свидетельствуют, что христианство на древней территории Кыргызстана было широко представлено, особенно в его несторианском и армяно-григорианском направлениях. Здесь были отмечены как

свои митрополии, священнослужители, так и соборы, храмы, монастыри, отличавшиеся специфической архитектурой, даже свои богословские школы.

– *Как произошло, что христианство получило такое распространение на земле древнего Кыргызстана? Ведь известно, что христианство зародилось на Ближнем Востоке, территории тогдашней Римской империи.*

– Первыми христианами древнего Кыргызстана были беженцы-несториане. В 431 году на соборе в Эфесе был осужден патриарх Несторий. Он утверждал, что Дева Мария не была Богородицей. Она родила обыкновенного ребенка, в которого вошла затем божественная сущность. Эта мысль была воспринята ортодоксальным христианством как ересь, с которой нужно решительно бороться. Несториане беспощадно уничтожались и поэтому в поисках безопасного пристанища были вынуждены бежать из Византии. Так произошло первое освоение христианами Кыргызстана. Но не нужно думать, что несторианство было единственной в Кыргызстане миссией. Оно просто стало главенствующим здесь направлением христианства.

Второй волной христианства в Кыргызстане стали армяне-григориане. Христиане достигали укрепления религии и ее распространения двумя путями: строительством церквей в городах и выдвиганием монастырей в миссионерских целях. И то, и другое было возможно благодаря сосуществованию на Великом Шелковом пути многих религий, а следовательно, большой религиозной толерантности.

Придя в чужую страну, христиане использовали местные архитектурные традиции и строительные приемы. К сожалению, монастыри древнего Кыргызстана никак не изучены, даже о функциях хорошо сохранившегося и отреставрированного Таш-Рабата ничего точно не известно. Археологически выявленные храмы, церкви, монастыри оказались окончательно заброшенными и разрушенными к XV веку.

В целях поиска монастырей необходимо обследовать тортуки вблизи несторианских кладбищ. В качестве монастырей или для определенных монастырских нужд использовались и пещеры. Наше открытие древнего христианского монастыря на Иссык-Куле, отмеченного на Каталонской карте 1375 года,

является лишь первым шагом на пути исследования раннехристианских общин Кыргызстана.

– И что если вы действительно нашли легендарный монастырь армянских братьев, где, возможно, покоятся останки святого апостола и евангелиста Матфея? Что должно последовать за этой находкой?

– Знаете, для окончательного ответа на этот вопрос предстоит еще много поработать – на полуострове Заячьем, пять столетий тому назад бывшем острове, на соседнем Курментинском городище, которые вместе могли представлять древние селение и монастырь. Весь этот комплекс – пещерный катакомбный храм Ак-Булун, средневековое городище Курменты, остатки Свято-Троицкого православного монастыря, – сосредоточенный в одном месте, на северо-восточном побережье Иссык-Куля, требует всестороннего безотлагательного изучения. В первую очередь археологического, как на суше, так и под водой, затем реставрации и консервации с целью создания уникального историко-туристического объекта, который привлечет не только научных специалистов, но и огромное количество паломников-христиан, да и просто туристов. Последнее время кыргызстанская наука не часто балует нас какими-либо открытиями, тем более имеющими прикладное значение.

Владимир Михайлович Плоских со своими студентами и коллегами из Москвы на голом энтузиазме пришел к настоящему сенсационному открытию. Интересно, как отреагирует на это открытие правительство? Открытие экспедиции Плоских при правильном подходе и определенных капиталовложениях способно привлечь в Кыргызстан большое количество исследователей и туристов. И сейчас от государства зависит, останется ли Курментинское городище местом, интересующим только небольшое количество ученых, или же оно превратится в одну из мировых историко-туристических достопримечательностей. А пока академик Плоских планирует новую экспедицию на лето следующего, 2007 года.

(«Лица», 2006, 21 сент., с. 8)

SUMMARY

Vladimir PLOSKIH

EXPLORATIONS OF ANCIENT CIVILIZATIONS OF ISSYK-KUL

Issyk-Kul Lake – a «pulsing heart» of Eurasia – is located in the mountains of Central Tien Shan. Both the mountains of Tien Shan and Issyk-Kul Lake are comparatively «young». The mountains formed about 25–30 mln years ago and the lake – 10 mln years ago. The initial man came here around 800 th years ago, the first stone tools that reached us are about 300 th years old. The Kyrgyz ethnos and Kyrgyz statehood were initially marked in the written (Chenese) sources from the century B. C.

Generations changed generations and multilingual local tribes (Saks, Usuns, Turks) gradually grew into the Kyrgyz ethnos. This process commenced 2,5 thousand years ago completed by the XVI century with the participation of other tribes of Central Asia (including Mongolian and Eniseyan components). Within the last three millenniums one civilization transformed into the other by leaving for the offspring monuments of material and moral culture. The region is rich with monuments of cultural heritage of history of three millenniums. They include rock drawings (petroglyphs), Tsar burial mounds of Saak people (the Scythians), Turk stone sculptures with runic scripts (Sogdian, Uigur, Tibetan), Arabic epigraphics. Also the medieval towns and settlements with Christian cloisters and Buddhistic temples, Islamic minarets and mausoleums, Kyrgyz graves, saint natural places. Eventually part of them turned out to be under Issyk-Kul. By observation of scientists the lake four times underwent periods of increase and decrease of the level of water. As the result, part of the monuments sank. Ruins of the ancient settlements at the shore of Issyk-Kul Lake were known long ago. However none of the serious sources of the last centuries could explain the history of emergence and demolition of the ancient buildings. Numerous legends and

Chinese annals certify that there were ancient civilizations that vanished in the waves of Issyk-Kul Lake. The reasons of their disappearance are still completely unclear.

Historical sources and legends are also evidence of still existing nowadays stories of rich treasures hidden once in the caves or sank in waters of Issyk-Kul. The most durable and attractive legends are stories about the hidden treasure of Chingiskhan and relic of Saint Matthew kept in a shrine of the sank Christian cloister.

Information on underwater ruins in Issyk-Kul, archive notes, reports of the first travelers, journal notes and articles about the remains of mysterious buildings appeared from the mid of XIX century. There were many efforts undertaken to explore these objects; there was even a request of Turkestan Colonel-Governor Kaufman K. P. to buy diving equipment and invite master for archaeological explorations under the water. However the intentions were not fulfilled due to lack of funds to buy underwater equipment. During the Soviet times underwater explorations were undertaken in mid 1960s by an archaeologist Vinnik D. F. He made reconnoitering and survey works to explore underwater monuments in Issyk-Kul. Then in 1985–1989 underwater explorations were undertaken by the Kyrgyz archaeologists Ploskih V. M. and Mokrynin V. P.

In 2000–2005 the Kyrgyz archaeologists under the guidance of Ploskih V. M. made underwater works in Issyk-Kul jointly with the skin-divers from Moscow Institute of Steel and Alloy. As the result of up-to-date explorations, more than ten underwater monuments were found and up to hundreds – at the shore of Issyk-Kul. The explorers surveyed the Kurmenty cave, shores and the bottom of bay near Svetlyi Mys and in Tyup bay, lifted up from the bottom of the lake in the place Kara-Oi and Jarkymbaev unique well-kept Saak sacrificial pots of 2,5 millenniums old. Preliminary searches showed that folk talks and legends were grounded and deserve scientific consideration. More thorough explorations and excavations by professionals with modern equipment both at score and under the lake will discover monuments of cultural Issyk-Kul, new pages of ancient civilization of the mountainous area.

«AK-BULUN» ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

One hundred and fifty years ago a search of medieval Christian monastery has been started on the shores of the Issyk-Kul Lake. It was started by famous traveler P. P. Semyonov-Tyan-Shanskiy. He found the information about this monastery on the famous Catalan Map that he had seen in Venice in the beginning of 1850s. The explanation of the map said: «A place, called Isikol. In this place is situated a monastery of Armenian brothers, in which, as they say, remains of saint Apostle and Evangelist Matthew are kept». On the map is drawn an oval lake, extended from east to west, on the shore of which is depicted a building with two turrets crowned with crosses. The building has an obvious resemblance with the architecture of medieval Armenian monasteries.

The personality of Apostle Matthew is one of the most mysterious one in Christian tradition. Church tradition attributes to him a death of martyr for the sermon of Christianity in Syria, from where his remains were being transferred to the remote corners of Asia, where «no Roman's foot has stepped».

Being in 1856 on Issyk-Kul Lake, Pyotr Petrovich Semyonov-Tyan-Shanskiy has been looking for this monastery and he was looking for it exactly on the shores of Kurmentin Bay. This is what he noted in his diary: «Evidently, if this monastery was situated in Kungey, then monks that founded it, could have chosen for this (purpose) a place on the shore of one of the few bays of Kungey, protected from rough lake and rich with fish. Kurmentin Bay is quite suitable for these conditions, but unfortunately, I didn't find any objects neither on its shore, nor on the sediments of neighboring shore, that would justify my supposition».

We don't know what the level of lake waters was at that time. The monastery could have been (left) under the water or the traveler didn't see the banks of the site of ancient settlement that were densely overgrown by bushes and grass.

The site of ancient settlement was inspected in the end of 19th century by famous V. V. Bartold, then in the 1st half of 20th century – by A. N. Bernshtam and in the beginning of 60s – by Kyrgyz archaeologist D. F. Vinnik. Since 2003 the site of ancient settlement is being investigated by archaeological expedition of Kyrgyz-Russian Slavic

University under the guidance of Academician V. M. Ploskih. Underwater research is conducted with the help of skin-divers of Russian Confederation of Submarine Activity, under the guidance of Professor of Moscow Institute of Steel and Alloy Materials S. S. Prapor and candidate of historical science S. S. Lukashova.

To the east from the investigated site of ancient settlement in about 500 meters under a hill on a peninsula catacombs are situated. It is dangerous to conduct investigation without special hardware; there is a risk of landslide. The expedition took down a plan of these underground premises/rooms.

And to the west from the site of ancient settlement in about 1 kilometer if to count direct distance, remains of orthodox Svyato-Troitskiy male monastery construction are situated, which was found here in the beginning of 1880s. The founders of it were monks of Balaam monastery from Russia. Buildings of this monastery that remained intact are now occupied by the orphanage «Meerim Bulagy».

In combination with splendid landscapes and the purest water, gushing out from springs on the slopes, this locality/area with historical monuments of different epochs/eras can become a splendid historical-cultural and natural reserve, that will attract here tourists from every corner of the world.

The leader of the archaeological expedition

Academician V. M. Ploskih

Kyrgyz Republic, Bishkek, Chui avenue, 44

Tel.: (+996 312) 295998

E-mail: ploskih37@mail.ru

Manager of the project T. A. Burimova

E-mail: sosna49@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Международного круглого стола учёных-экспертов истории средневекового христианства по проекту «Ак-Булун. Диалог культур» 3

ТЕМЫ ОБСУЖДЕНИЯ

на круглом столе по проекту «Ак-Булун. Диалог культур» 5

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Международного круглого стола учёных-экспертов по историко-археологическому комплексу «Ак-Булун» 6

Буримова Т.

Новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана 9

Джунушалиев Д.

Культурное многообразие древнего Кыргызстана 13

Плоских В.

К раскрытию подводных тайн Иссык-Куля 21

Байпаков К.

Город Каялык в Жетысу (Семиречье) – перекрёсток религий 46

Семёнов Г.

Суяб – несторианская метрополия X века? (*Тезисы*) 51

Хуришудян Э.

Армянские христианские общины в Центральной Азии и Китае 52

Железняков Б.

По христианским святым местам Среднего Востока 59

Историко-археологический комплекс 72

Озмитель Е.

К вопросу об атрибуции Курментинского пещерного комплекса 78

Камышев А.

Скит или храм? (*Поиски после находки*) 83

Громова С.

Поиски средневекового христианского монастыря 91

Лукашова С., Лукашов Н.

Подводные археологические исследования и аквалангисты-любители на озере Иссык-Куль 97

Влияние гидрологии озера Иссык-Куль на архитектуру пещерного комплекса «Ак-Булун»	105
<i>Рымбекова Н.</i>	
Стрела средневекового воина	108
<i>Дубровская Л.</i>	
Опыт исследования и сохранения некоторых объектов культурного наследия в Казахстане	114
<i>Нурмаметов Р.</i>	
Случайная находка предметов христианского культа на Иссык-Куле	125
Оценка объекта культурного наследия	139
<i>Кумскова Н., Нурмаметов Р.</i>	
Религиозные миграции в Центральную Азию в эпоху средневековья (Междисциплинарный подход)	154
<i>Чернышов Д.</i>	
Несторианская эпиграфика Кыргызстана	172
<i>Приложения</i>	
<i>Кляйн В.</i>	
География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375 г.)	189
Из архивных материалов	201
По материалам прессы	
<i>Бенлиян А.</i>	
Мольба во мраке	207
Что вы прячете, донья?	210
<i>Атоян Р.</i>	
Армянский монастырь на Иссык-Куле	214
<i>Сафаров Р.</i>	
Легендарный монастырь на берегу Иссык-Куля: тайна раскрыта?	230
Summary	
<i>Ploskih V.</i>	
Explorations of ancient civilizations of Issyk-Kul	238
«Ak-Bulun» archaeological complex	240
	243

«Ак-Булун. Диалог культур» – новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана:

Материалы Международного круглого стола учёных-экспертов истории средневекового христианства
(Иссык-Куль, 2–5 мая 2006 г.).

В оформлении обложки и цветной вставки сборника использованы иллюстрации Каталанской карты (1375 г.) и картины «Монастырь св. Матфея на Иссык-Куле» художницы Даны Мукановой-Хурушудян (Казахстан); фотографии из архива проекта «Ак-Булун. Диалог культур» (2006 г.) и сайта космических снимков NASA

Тех. редактор, корректор – Т.А. Кузьмина
Компьютерная вёрстка – А.Р. Гофман

По вопросам сотрудничества обращаться:

Руководитель археологической экспедиции академик В.М. Плоских.
Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 44
Тел.: (+996 312) 295998; 242528
E-mail: ploskih37@mail.ru

Координатор проекта Т.А. Буримова.
E-mail: sosna49@mail.ru

Подписано к печати 10.10.2006.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Объём 13,6 п.л.

Издательство «Турар»

